Клара Лучко

Я – счастливый человек

Клара Лучко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга мемуаров народной артистки СССР Клары Степановны Лучко (1925–2005), названной Международным биографическим центром Кембриджа (Англия) «Женщиной тысячелетия», — это яркий, эмоциональный рассказ о ее жизни, о людях, которых она знала и любила, о работе в кинематографе, о замечательных режиссерах и актерах — С. Герасимове, И. Пырьеве, В. Пудовкине, И. Хейфице, Т. Лиозновой, С. Юткевиче, Л. Орловой, Н. Крючкове, Е. Урбанском, И. Смоктуновском, Л. Быкове, о встречах с мировыми знаменитостями — Дж. Неру, П. Пикассо, Ф. Леже… «Ах, как хочется иногда, чтобы время остановилось!» — восклицает КЛучко на первых страницах. И ей удалось это сделать в своих воспоминаниях.

- Я — счастливый человек
  - Ослепительная Клара
  - Сажусь в такси
  - Как сейчас помню
  - Честь и достоинство
  - «Кубанские казаки»
  - Звонок из Ленинграда
  - Включайте свет! Съемка продолжается!
  - Я еду в Канны, на фестиваль
  - «Двенадцатая ночь»
  - Бродяга я…
  - Баба Киля
  - Рядом с нами
  - «Три встречи»
  - Ромашка полевая
  - Плясала женщина на свадьбе
  - Жертвы популярности
  - Цыган
  - Моя тетя Маруся и мой друг Анатолий Ромашин
  - Магическое слово «мотор!»
  - Читает ли собака сценарий?
  - Колесо
  - Черная душа из снежной сказки
  - Могу — не могу? Надо!
  - Дорогие мои зрители…
  - «Лицо Империи»
  - Две истории про любовь
  - День приключений в Кижах

- Привет от Грегори Пека
- «Виновата ли я…»
- Самая главная награда
- Будет ли победитель?
- Дом на набережной
- Возвращение на Круазетт

Я — счастливый человек

Ослепительная Клара

Когда мы учились во ВГИКе — Клара на актерском факультете у Сергея Герасимова, а я на режиссерском у Григория Козинцева, — мы были мало знакомы. Знакомы издали. Здоровались, и только.

И это понятно, ведь курс Клары был на год старше нашего, да и по возрасту Клара была старше меня на два с лишним года. В те лета это было немало. Но главное — она была немыслимая красавица: высокая, статная, яркая. О ней даже подумать было страшно. Во всяком случае мне. Она казалась гордой, неприступной, недосягаемой.

Вокруг нее клубились парни более мужественные, более представительные, более активные. Короче говоря, роскошные! Не то что я, хлюпик. Ведь мне, когда я поступил в институт, не было и семнадцати. Я был неоперившийся птенец, которому было не до девушек. Я судорожно думал лишь о том, чтобы меня не вышибли из ВГИКа, ибо в силу молодых годков учился по главным предметам, режиссуре и актерскому мастерству, очень недоброкачественно. Так что Клара Лучко была для меня из ряда богинь, о таких даже и вздыхать глупо. У нее были какие-то заоблачные успехи: прекрасно сыгранная роль Ульяны Громовой в институтской постановке Герасимова «Молодая гвардия». Буквально через год после этого она уже снималась в большом кино. В знаменитом фильме знаменитого Пырьева «Кубанские казаки» она сыграла роль Даши Шелест. И в свои двадцать шесть лет стала лауреатом Сталинской премии.

А я в это же время пошел работать ассистентом режиссера на студию кинохроники, поскольку работа в так называемом художественном кино нам, молодым режиссерам, не светила.

Клара стала звездою. Целая россыпь ролей, и в каждой она прекрасна: и очаровательна, и бесподобно хороша, и, главное, талантлива. А тут еще рассказывали о сумасшедшем и красивом романе Клары и Сергея Лукьянова. Лукьянов — дивный актер из Вахтанговского театра, потрясающий киногерой, любимец публики, ради Клары был готов на безумства…

Так и шли наши с ней жизни на параллельных курсах, никогда не пересекаясь. Я хоть и стал со временем режиссером игрового кино, оставался лишь верным зрителем ослепительной Клары. Робость, возникшая еще в институтских стенах, оставалась преградой, которою я так ни разу и не смог преодолеть… Несколько лет назад мы с Эммой летели в Анапу на фестиваль «Киношок». Летели на военном самолете, где было одно более-

менее приличное помещение, куда и запихнули народных артистов СССР. Так судьба свела нас на два часа с Кларой Лучко.

Кончилось все это очень плохо, вернее, замечательно, Клара всё твердила, как она боится летать. Пришлось выпить… Помню только, что при выходе из самолета я отплясывал на аэродроме канкан, пытаясь увлечь за собой партнершу по выпивке, а именно Клару. Но главная радость — во время нашего «собутыльничества» мы открыли для себя друг друга. Мы так понравились друг другу, что стали на время фестиваля неразлучны. Прогулки, просмотры, застолья, поездки по Кубани, где Клару помнят, любят, обожают, она для кубанцев близкий человек, казачка, родная душа. Для меня этот фестиваль прошел под сиянием звезды, которую звали Клара Лучко. Она оказалась веселой, простой, озорной, с безупречным чувством юмора с потрясающей самоиронией, легкой на подъем, заводной, готовой к розыгрышам, удивительно молодой, короче, замечательной подругой. Она никогда не появлялась без шляпки — их у нее было великое множество. И эта ее любовь к головным уборам была постоянной темой нашего подтрунивания над ней.

В нашем, увы, немолодом возрасте не так-то просто обзавестись новым другом — настоящим, верным, надежным. Клара стала для нас с Эммой таким человеком. С ней было легко, весело, душевно, ибо ее главным качеством была абсолютная естественность…

Через пару месяцев после Анапы в Доме кино праздновали юбилей Клары. Мы, конечно, почтили нашу дорогую юбиляршу, нашу любимую подругу, а я даже сочинил дурошлепские куплеты, которые пропел и протанцевал, «порхая» вокруг несравненной Клары.

На Анапском фестивале
Испытал я страшный шок,
Вместе с Кларой выпивали…
Не влюбиться я не смог.
Как-то на пляжу в Анапе
Вы гуляли в неглиже,
Но при этом были в шляпе
И жевали бла — манже.
Очаровательные очи!
Что вы так сверкаете?
Что во мраке темной ночи
Блеску не теряете!?
Очаровательные ножки
На высоком каблуке

Проходили по дорожке…
Я смотрел на них в тоске.
Очаровательные ручки
Обнимали не меня,
Довели меня до ручки
И рыдал я, жизнь кляня.
Вы коварны, донна Клара…
Полный страстного огня
Понимаю, Вам не пара,
И рыдаю, жизнь кляня.
На Анапском дивном пляже
Я и плакал, и грустил…
Так влюбился я, что даже
Эту песню сочинил!
Очаровательный носочек —
Все в нем, как положено!
Подношу я вам платочек,
Аккуратно сложенный.

Тут в конце этой любовной ахинеи я подносил Кларе какую-то шаль, и мы немного вальсировали.

В последние годы мы искали любую возможность для встречи, перезванивались, обменивались новостями, радостными и печальными. И было отрадно, что у нас появилась такая замечательная подруга. Незадолго до кончины Клара была у нас в киноклубе, где для актрис старшего поколения Инны Макаровой, Риммы Марковой, Зинаиды Кириенко, Ларисы Лужиной и других был устроен праздник, который раньше назывался Международный женский день. Это был последний раз, когда мы видели нашу подругу, — она была весела, неотразима, как всегда излучала очарование и доброту.

Как я жалею, что мы не познакомились, не подружились раньше…

Эльдар Рязанов

Сажусь в такси

Сажусь в такси, а шофер говорит:

— Я сегодня купил журнал, тут вот о вас… Почитайте…

И посмотрел на меня с любопытством.

Читаю и не знаю — смеяться или плакать. Оказывается, в Доме Ханжонкова (есть такой в Москве на площади Маяковского) я весь вечер живо общалась с представителем общества каннибалов, а попросту людоедов.

В тот же день вечером ко мне пришла корреспондент из другого журнала.

Мы с ней пили кофе и беседовали о жизни.

Я спросила ее:

— Не желаете ли что-нибудь узнать новое о моих прияте- лях — людоедах?

— Я не знала, что у вас есть такие знакомые. Но у нас серьезное издание. Я вам обязательно пришлю номер.

Журнал я получила. Под фотографией на обложке была подпись: «Самая сексуальная бабушка Клара Лучко». Вот тебе и серьезное издание!

Я снималась в одном южном городе. В фильме, кроме моей, была еще одна женская роль, на которую утвердили молодую актрису. Жили мы с ней в одной гостинице. После съемок она любила выпить и часто скандалила вместе с собутыльниками. Однажды ее забрали в милицию, и мы с режиссером отправились ее выручать. Каким-то образом слухи об этой истории дошли до репортера местной газеты, и он, не разобравшись что к чему, тут же написал о скандальной истории с Кларой Лучко. Он знал только меня и, не проверив факты, написал заметку под рубрикой «их нравы».

Правда, случались и «приятные» неожиданности. Открываю солидный иллюстрированный журнал и вижу себя в длинном платье на парадной лестнице. Оказывается, я вновь побывала в Каннах и наконец-то Франция пала в ноги Кларе Лучко. А на самом деле на фотографии не Канны, а Рига, там проходил фестиваль «Северная жемчужина».

С журналистами у меня всегда были добрые отношения. Я уважаю их труд — совестливый, нелегкий, а подчас и опасный. Я знаю, какое мужество надо иметь, чтобы ввязаться в драку, в борьбу за решение сложнейшей проблемы, в которой сплетаются разные, часто противоположные интересы властных групп, чтобы выступить в защиту человека, несправедливо обвиненного. Это все я знаю по жизни, по ежедневным беседам в семье, по

многолетней дружбе со многими корреспондентами «Известий». Мы вели откровенные разговоры на равных, обсуждали острые вопросы, которые касались как кино, так и проблем житейских.

Но с некоторых пор многое стало меняться. Пожелтела пресса, изменились ценностные и духовные ориентиры, да и просто добропорядочность. Вместо серьезных интервьюеров, которых я знала, появилось бесчисленное количество порхающих мотыльков, которым нужен любой, пусть и придуманный, но жареный факт. Так в моем окружении появились людоеды, да и не только они.

Кстати, в том же Доме Ханжонкова мне вручили в 2002 году приз «Королева экрана». У меня много наград, но эта была особой, ее присудили мне и зрители, и актеры — все участники кинофестиваля «Женщины кино» имени Веры Холодной. Один из выступавших сказал, что я в своей работе проникаю в глубину человеческой сути, нахожу, пусть даже в образе отрицательном, возможность преподать урок доброты.

В этом есть какая-то тайна, которая, собственно, живет в каждом человеке и ему самому открывается совершенно неожиданно.

Вот я ехала однажды на съемку и увидела из окна вагона лес. Хаотичный, заброшенный. И вдруг я открыла для себя: этот лес как наша человеческая жизнь, а деревья как люди. Одно стоит высокое, гордое, а под его крылами — маленькие, хиленькие, желавшие бы развиться, но им не хватает света; другое дерево уже склоняется, раскинуло ветви, готовое упасть, а третье гниет… Когда я увидела это — меня потрясло. Это же человеческие судьбы!

В кино в каждой роли я играла судьбу. Я нащупывала ее по крошечкам, по крупиночкам и переживала ее.

Мне не раз предлагали: напишите книгу о жизни в кино. Я отказывалась, да и сомнения одолевали меня. Я не писательница, я — актриса. Но однажды я все-таки решилась. Ведь моя жизнь — это прежде всего кино, которому я предана, проблемы которого никогда не обходили меня стороной. Мне захотелось рассказать о том, что я помню и люблю, что сердцу дорого, о друзьях, интересных людях, с кем свела меня судьба, о верных мне зрителях, бескорыстная любовь которых сопровождает меня и придает новые силы.

Актер, как правило, не подводит итоги, пусть это делают критики. Но невольно в минуты сомнений думаешь о том, что сделано, и о том, что не удалось, о мечтах, которые сбылись, и о тех, которым сбыться не суждено.

Один из фильмов, в которых я снималась, назывался «Год как

жизнь». А жизнь, оказывается, пролетает как год. Но разве обо всем расскажешь? Жизнь человека объемней любой книги, написанной им.

Ну а что получилось — судить не мне, а вам, мои дорогие зрители и читатели.

Да, чуть не забыла. Почти в каждом интервью меня обязательно спрашивали, сколько у меня шляп и почему я люблю их носить. Разного рода чепуху, что порой пишут обо мне, легко опровергнуть. Но насчет шляп отказываться не буду. Я их действительно люблю.

Кланяюсь.

Клара Лучко

Как сейчас помню

Ах, как хочется иногда, чтобы время остановилось! Бывают в жизни такие прекрасные мгновения или события, с которыми не хочется расставаться. Увы, попытаться остановить время можно только в сказке.

Зато у человека есть память. Она хранит самое дорогое. Бывает так: то, что было вчера, — забываешь или пытаешься поскорее забыть. Но то, что было давно, — помнишь. Недаром говорят: «как сейчас помню».

Помню, как я, маленькая девочка, смотрю в окно. Мы жили тогда в селе Яковцы, где папа работал директором совхоза.

Зима… За окном сказка: деревья в снегу, ярко светит солнце, и все вокруг сверкает, как драгоценные камни.

С горки едет мальчик. К его валенкам привязаны веревкой две дощечки, а в руках палки.

Я спросила у мамы, что он делает, этот мальчик, а она ответила:

— Катается на лыжах.

Так в мою жизнь вошло новое слово — «лыжи»…

Мы живем в Полтаве. Папа стал студентом — он учится в педагогическом институте. К нам в дом провели радио. Мама берет наушники и кладет их в кастрюлю, чтобы мы все могли слушать радио. Всей семьей.

Я учусь в школе. К нам приехал папанинец — Евгений Федоров. Мне поручили повязать герою пионерский галстук. Я едва дотягиваюсь до его шеи. Руки у меня дрожат. И я никак не могу справиться. А Федоров улыбнулся и сказал:

— Не волнуйся, девочка. Давай я тебе помогу.

Поднял меня на руки и поцеловал…

Тридцать седьмой год… Я только помню ощущение тревоги в нашей семье. Прибежала утром тетя Поля — мамина сестра. Она плакала и что-то шепотом рассказывала маме, папе и бабе Киле (по — русски Акулина).

Потом я видела заплаканные глаза у мамы и бабы Кили. Оказывается, арестовали мужа тети Поли. Он был ректором строительного института.

Мы жили на первом этаже небольшого дома. Ночью подъехала машина к нашему крыльцу. В комнату, где мы спали, вбежала баба Киля:

— Прыихалы…

Мама разбудила отца.

Я проснулась.

В комнате была тишина. Раздался стук в дверь.

— Я открою, — сказал папа.

— Нет! Лучше я, — и мама пошла к двери.

Вошли трое в военной форме.

— Собирайтесь!

И вдруг мама прерывающимся голосом спросила:

— А на чью фамилию выписан ордер?

Один из них назвал совершенно незнакомую фамилию.

Мама сказала, что они ошиблись, и показала свои и папины документы. Военные о чем-то посовещались и ушли.

Баба Киля стояла в дверях, мама с папой сидели на кровати. Я, смутно представляя, что происходит, заплакала. Потом в квартире погасили свет, и я заснула.

Много лет спустя, когда я была студенткой первого курса ВГИКа и снималась в Киеве в картине «Родина капитанов», на съемку ко мне пришел папа и сказал, что его вызвали в МГБ по поводу дяди, которого расстреляли в 1937 году.

— Если я не вернусь, так как отказываться от дяди не буду, чтобы ты знала почему.

У нас в доме жила овчарка Джульбарс. Однажды в школу приехали пограничники. Они рассказали, что собаки помогают охранять границу, и предложили отдать собак на службу.

Я рассказала об этом дома, и папа сказал:

— Решай сама.

Я проплакала всю ночь, но утром поднялась с твердым решением отдать Джульбарса.

Всех школьников, которые передавали пограничникам своих собак, премировали поездкой в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

Во время летних каникул мы поехали в столицу, и нас устроили в общежитие, там сейчас факультет журналистики МГУ.

В первую ночь я долго не могла уснуть и вдруг услышала бой Кремлевских курантов. Раньше я слышала их только по радио. Я быстро оделась и побежала на Красную площадь. Как зачарованная я стояла и слушала — куранты били полночь. Я подумала, что, если расскажу об этом в школе, мне никто не поверит…

Когда я вернулась в Полтаву, папа встретил меня на вокзале. Домой мы ехали на фаэтоне. Полтава после Москвы мне показалась маленькой.

— Папа, — сказала я, — я обязательно буду жить в Москве. Мне там очень понравилось!

Откуда у меня была такая уверенность?

Я училась во 2–й украинской школе. Раньше там была

женская гимназия и в ней преподавал отец знаменитой актрисы немого кино Веры Холодной. Ее семья тогда жила в Полтаве.

Наш класс занимался во дворе, в одноэтажном флигеле. Занятия были в две смены. Однажды во время урока я увидела: на окне стоял мальчик и кровью писал на стекле мое имя «Клара». Это видели весь класс и учительница. Зазвенел звонок — уроки закончились. Мальчишки из моего класса кинулись догонять того мальчика с криком: «Мы с ним посчитаемся!»

Мне было очень стыдно, и я быстро побежала домой через Корпусный сад.

В Корпусном саду я увидела драку — это выясняли отношения мои защитники.

А того мальчика, что писал кровью по стеклу, звали Аркадий. Он был сыном сапожника и жил возле нас.

Однажды на гастроли в Полтаву приехал театр, и двое актеров — муж и жена — сняли у нас комнату. Папа с мамой работали в районах, они редко бывали дома. Я росла замкнутой девочкой. Много читала и даже вела дневник.

Помню, как в полуподвале под нами жила большая семья. Они часто устраивали вечеринки: пели, танцевали. Мне становилось грустно оттого, что люди собираются, веселятся, а у меня даже никогда не было елки и не отмечали мой день рождения. Тогда я записала в дневнике: «А внизу веселятся и поют. Эх, жизнь!» Мне, наверное, было лет двенадцать.

Актеры, которые жили у нас в доме, часто брали меня с собой в театр. Они беседовали со мной, расспрашивали, как я учусь, что читаю. Однажды они спросили у бабушки: может, она отпустит меня к ним? У них не было детей. Бабушка страшно испугалась: она боялась, что актеры меня украдут, — и в день Ц их отъезда закрыла меня в комнате.

Как-то раз я забыла учебник в школе и вернулась за ним. А во второй смене в нашем классе занимались десятиклассники. За моей партой сидел очень красивый мальчик. Ну просто принц из сказки. Я растерялась, стою и смотрю на него. А он смеется:

— Ты, что ли, учебник забыла?

Я схватила учебник и бежать. Потом обо всем рассказала своей подруге Жене.

У нас в Корпусном саду стояла парашютная вышка. Мы с моей подругой Женей гуляли возле нее. И вдруг увидели того сказочного принца. Его звали Слава. Я тут же решила, что прыгну с вышки, пусть заметит меня.

Очень страшно было подниматься. Лестница крепилась почти вертикально. Наконец я добралась до площадки, глянула вниз. Все люди были такие маленькие, а Слава стоял ко мне спиной и

разговаривал с ребятами.

Прыгать не было смысла. Но спуститься вниз по отвесной лестнице было еще страшнее.

Я заплатила 20 копеек, надела парашют и, закрыв глаза, прыгнула. Думаю, что Слава видел, как я прыгаю, но нарочно отвернулся.

Через несколько лет я встретила принца в Москве. Он был в военной форме, слушатель академии. Он узнал меня и спросил:

— Что ты тут делаешь?

— Учусь, — прошептала я.

— Ну — ну, учись, — сказал он небрежно и ушел.

Прошло много лет. Я снималась у Татьяны Лиозновой в фильме «Карнавал». Нужно было для картины найти мне сына-пятиклассника. Пришло много мам и бабушек с детьми.

Вдруг ко мне подошла одна женщина.

— Для вас отобрали моего внука. Я жена Славы из Полтавы.

Вот так внук «принца» моего детства играл моего сына.

Прошло еще какое-то время. Я еду в Киев на съемку. У входа в вагон стоят какие-то люди. И один из них, толстый, с одутловатым лицом, говорит другому:

— Это известная актриса, мы оба из Полтавы. Знаете, мой внук играл ее сына в кино… Клара Степановна, — обратился он ко мне, — познакомьтесь — это министр…

Мне, признаться, больно было на него смотреть, как будто у красивого павлина выщипали все перья, а он все еще хорохорится. Один «принц» был в моем детстве. И вот такой грустный финал.

В школе я занималась в драмкружке. И еще очень любила ходить в кино. Мне очень нравились Марк Бернес, Павел Кадочников, Любовь Орлова, Зоя Федорова, Тамара Макарова.

Фильм «Подвиг разведчика» я смотрела много раз. Вот Кадочников открывает сейф в кабинете немецкого генерала. Срабатывает сигнализация, бегут фашисты, сейчас его схватят. Сердце у меня замирает. Я сижу на дневном сеансе в полупустом зале и смотрю картину в десятый раз. Я знаю, все будет хорошо, и все равно мне страшно…

Прошло несколько лет. Я студентка ВГИКа, иду по коридору студии имени Горького. Навстречу Кадочников. Живой Кадочников! Мне показалось, что у меня сердце останавливается. Я прислонилась к стенке, а он прошел мимо, оживленно разговаривая со своими спутницами. И я поняла, что закончилась пора наивной, провинциальной восторженной девушки и я вступила на порог другой, прекрасной, но неизвестной мне жизни — жизни актрисы…

Помню, как в Полтаву с концертами приехали Любовь Орлова и Григорий Александров.

Билеты раскупили в один день, и я с трудом попала на дневной концерт. Уроки в школе, конечно, я пропустила.

Сначала выступал Григорий Васильевич. Он стоял на трибуне и что-то рассказывал. Я не очень понимала, о чем он говорит, я просто его разглядывала, и он показался мне умным и красивым.

Во втором отделении пела Любовь Петровна. Она была в вечернем платье. Выглядела замечательно!

Когда окончился концерт, я побежала к служебному входу, чтобы разглядеть ее поближе. Там уже собралась огромная толпа.

Вышла Любовь Петровна, и раздались аплодисменты. Она улыбнулась в ответ.

Потом мы пошли за ней на расстоянии. Нам было интересно, куда же она пойдет.

Вдруг Любовь Петровна остановилась и повернулась ко мне. Наши глаза встретились. И она у меня спросила:

— Девочка, где у вас букинистический магазин?

А я никогда не слышала о таком магазине, вообще не знала, что такое «букинистический», и растерялась. Любовь Петровна все поняла и улыбнулась:

— Ну там, где старые книги продают.

У нас в кинотеатре висели портреты известных актеров, а Орлова была снята в профиль. После этой встречи я всегда подходила к ее портрету, изучала его и думала: почему она у меня спросила об этом магазине, как его там?.. Ведь там же были и другие? И становилось радостно на душе.

Почему-то мне казалось, что я похожа на Тамару Макарову. Я все ее роли знала наизусть. «Комсомольск», «Семеро смелых», «Учитель». Какие у нее глаза! Синие — синие!

Всматриваясь в зеркало, я с сожалением отмечала, что у меня обыкновенные карие глаза. И в моем лице нет ничего общего с ней. Но все равно я на нее похожа!

Когда дома никого не было, я надевала мамины туфли на высоком каблуке, нагревала большой гвоздь на плите и пыталась сделать завивку как у Макаровой. Просто на горячий гвоздь накручивала волосы.

Теперь, когда в памяти всплывает мое детство, я думаю: какое же это было прекрасное время! Каждый день я делала для себя новые открытия, а мир был безоблачным и прекрасным.

Во время войны, когда немцы подходили к Полтаве, наша семья эвакуировалась в Казахстан, в город Джамбул.

Я пошла учиться в русскую школу. С русским языком у меня были сложности. Я доказываю теорему и говорю «припустим». А

все в классе смеются, потому что это по — украински, а по — русски надо сказать «допустим».

Или рассказываю девочкам, что я стирала платье, а оно «подбежало». Они не понимают. Тогда я говорю «подскочило», а оказывается, платье «село».

Папа ушел на фронт, и я жила с мамой и бабой Килей. Как-то на семейном совете было решено продать папин костюм и купить овцу с курдюком. Мама пошла на базар покупать овцу, а мы с бабой Килей остались ждать ее дома. И вот мы увидели, как мама ведет на веревке тощую, лохматую овцу.

— А где же курдюк? — закричали мы.

Мама сказала, что он вырастет потом. Надо только очень хорошо кормить овцу. Но сколько мы ни кормили ее, курдюк так и не вырос. Зато овца давала ежедневно три пиалы молока.

По субботам в нашей школе устраивали танцы. У меня была подруга Надя. Она часто приходила на танцы со своим соседом, симпатичным парнем, который только что выписался из госпиталя. Он был ранен в руку. После танцев они провожали меня домой, и он всегда как-то странно смотрел на меня. Звали его Юра.

Я заканчивала десятый класс, и мне нужно было решить, что же делать дальше. Очень хотелось стать актрисой, но как? Где учиться?

Однажды я прочитала в газете, что Сергей Аполлинариевич Герасимов набирает актерский курс в Алма — Ате. Я сразу же решила попробовать поступить во ВГИК. Никому ничего не сказав, написала письмо в приемную комиссию. Вскоре получила правила приема на актерский факультет и стала готовиться к экзаменам.

Выучила басню, монолог, отрывок из романа Тургенева «Отцы и дети» и главу из поэмы Маргариты Алигер «Зоя». Это была моя любимая поэма. Перед сном я всегда повторяла слова, которые особенно мне нравились: «Девочка неслышными шагами, босиком в бессмертие идет».

И, счастливая, засыпала.

Наступил день отъезда в Алма — Ату на экзамены. Конечно, мама и баба Киля отговаривали, плакали: как это «дытына» поедет одна, притом первый раз в жизни!

На вокзал меня провожал Юра. Уже все слова были сказаны, а поезд не трогался. Меня смущало, что Юра все так же странно на меня смотрит и почему-то волнуется. Мне даже стало не по себе.

Наконец поезд тронулся, и я тут же обо всем забыла.

Но в жизни бывают самые невероятные случаи.

Прошло много лет. *Я* еду на творческие встречи в Алма —

Ату и Джамбул. Подъезжаю к Джамбулу и, конечно, очень волнуюсь. Каким он стал, город далекой юности? Остался ли там кто- нибудь из моих одноклассников?

На вокзале меня встречает женщина, работница отдела культуры, и говорит, что запланирована встреча в школе, где я училась, и что меня ждет еще один сотрудник отдела культуры: «Он говорит, что хорошо вас знает».

На лавочке возле гостиницы сидел мужчина в зеленой шляпе. Оказалось, что он и будет сопровождать меня в школу. Что- то знакомое промелькнуло в его глазах.

Когда мы сели в машину и разговорились, выяснилось, что это тот самый Юра, который когда-то провожал меня в Алма- Ату.

Юра предложил мне сначала проехать по городу. Он все помнил — и где я жила, и в каких платьях ходила. Остановились у дома, во дворе которого в каменном сарае мы жили в эвакуации.

У нас была веселая хозяйка. Она называла мужа на «вы», по имени — отчеству и к этому обязательно прибавляла крепкое словцо:

— Иван Петрович, мать вашу так… Куда вы положили шланг?

Сколько лет прошло, но как будто время остановилось. Навстречу мне в том самом дворе вышла наша бывшая хозяйка. Она была в таком же берете, надвинутом на самые брови, и как ни в чем не бывало сказала: «Ну надо же — вы! А я все воюю с Иваном Петровичем, мать его так… Совсем старый и бестолковый стал!»

Она с гордостью рассказала, что всем показывает сарай, в котором жила знаменитая артистка.

В школе, где я училась, ребята были счастливы, что отменили последний урок. Встреча с ними прошла очень хорошо, но мне было трудно. Все время в горле что-то скреблось, и я едва сдерживала слезы. Две мои одноклассницы стали учительницами и преподавали в нашей школе.

Когда мы возвращались в гостиницу, Юра сказал, что был в меня когда-то влюблен и специально поехал учиться в Ленинградский институт инженеров кино на факультет звукооператоров, чтобы работать на одной студии со мной.

И я вспомнила, как баба Киля рассказывала:

— Ото вин прыйшов, сив и розказуе, як ты поихала. А голос так и дрожыть. Я кажу: темно, я засвичу лампу, а вин каже: «Не надо». Я засвитыла, а вин плаче…

Вот такая романтическая история! А я ни о чем тогда не догадывалась. Для меня главное было — стать актрисой.

Институт кинематографии помещался на окраине Алма- Аты.

Почти у подножия гор.

Аудиторию приспособили под общежитие. Спали мы в одной комнате, наверное, человек двадцать. Укрывались матрацами, потому что одеяла предыдущий поток поступающих продал на рынке, так как денег не было, а есть хотелось.

Напротив нашего общежития в одной из аудиторий мы сдавали экзамены. Конкурс был очень большой! Сдавали в три тура. Было несколько потоков. Экзаменовались человек тридцать, а допускались до следующего тура всего двенадцать.

Я сдавала в тринадцатой аудитории и была тринадцатая по списку. С тех пор я считаю число тринадцать для себя счастливым.

Экзамены по мастерству принимал опытный педагог и режиссер Борис Владимирович Бибиков. Но в Алма — Ате набирали курс для Сергея Аполлинариевича Герасимова. Бибиков со своей женой, прекрасной актрисой Ольгой Пыжовой, набирал курс в зимнюю сессию уже в Москве.

Помню, как я первый раз переступила порог аудитории и увидела пожилого, довольно сердитого на первый взгляд человека. От него зависела моя судьба!

Это и был Борис Владимирович Бибиков. Он посмотрел на меня и сразу все понял.

— Ты что, боишься? — спросил он.

— Боюсь, — ответила я.

— А откуда ты такая приехала?

— Вообще-то я из Полтавы.

— У вас там река есть?

— Да. Ворскла.

— А подругу твою как звали?

— Женя.

— Ну вот, ты представь себе, что ты и твоя подруга Женя вместе переплываете речку. Женя плохо плавает и может утонуть. Что ты будешь делать?

Я стала кричать: «Женя, не плыви туда, утонешь!» И разрыдалась.

Борис Владимирович говорит:

— Ну все, иди, спасибо.

— Как все?

— Вот так. Иди.

Я вышла, но не смогла сразу успокоиться. Стала в уголочке и плачу. А мимо меня проходили две девицы и говорят:

— Наверное, ее возьмут. Она так плакала!

И меня действительно приняли во ВГИК.

Многие из поступающих знали историю кино, знали имена

режиссеров. Я все время слышала: «Эйзенштейн отметил…» и «Пудовкин сказал…»

А я и понятия не имела, кто они такие.

Обедали мы в столовой. Недалеко от меня сидел молодой парень, будущий сценарист. После обеда он каждый раз вынимал большое красивое яблоко и медленно, явно наслаждаясь, ел его. Однажды он спросил меня:

— Тебе нравятся такие яблоки? Этот сорт называется «алма-атинка». Если хочешь, мы завтра можем пойти в горы и набрать много яблок. Они там на земле валяются.

Конечно, я сразу же согласилась.

Утро было ясным. Свежий горный воздух. Тихая солнечная осенняя погода. Мы в яблоневом саду.

Земля под деревьями усеяна яблоками. Особенно красиво они смотрелись на зеленой траве.

Мы начали собирать яблоки. Вдруг появился милиционер и сказал, что этот сад находится в районе правительственных дач и собирать яблоки здесь нельзя. Он отобрал у нас яблоки и пригрозил, что если еще раз увидит нас, то заберет в милицию.

Мне было стыдно. Я никогда ничего не брала чужого. Мне и в голову не приходило, что это может когда-нибудь случиться со мной.

А будущий сценарист спокойно сказал:

— Ну чего ты расстроилась? На вот лучше яблоко.

Он вынул из-за пазухи яблоко и угостил меня.

Прошло много — много лет. Я часто встречаю его в московском Доме кино. Мы всегда улыбаемся друг другу. У нас общая тайна — алма — атинские яблоки.

Вскоре директор ВГИКа объявил нам, что институту разрешили вернуться в Москву. Нам выдали документы и назначили день отъезда.

Поезда тогда ходили не по расписанию. Доехали мы до Джамбула, и проводник объявил, что поезд ночью будет стоять в городе. Состав загонят на запасной путь, и только утром мы поедем дальше.

Я, конечно, обрадовалась, что увижу маму и бабу Килю. Поручила присмотреть за своим чемоданом девочкам. В чемодане были все документы и пропуск для въезда в Москву. А сама побежала домой.

Дома меня не ждали и очень обрадовались. Мы проговорили всю ночь, а утром мама и баба Киля пошли меня провожать. Мне дали с собой буханку хлеба, в холстяной мешочек были зашиты мамина довольно поношенная беличья шубка и немного денег. Когда мы пришли на вокзал, то выяснилось, что поезд ушел.

Он ушел еще вечером, почти сразу после того, как я пошла домой.

На вокзале нам посоветовали подождать следующего поезда из Алма — Аты. И когда поезд пришел, я увидела возле вагона директора института. Подошла к нему и попросила помочь мне. Ему, видимо, очень не хотелось со мной возиться, тем более документов и билета у меня не было.

Тогда баба Киля мне говорит:

— Тоби саме главне незамитно пройты мимо проводныци в вагон, зайты в туалет и ждаты там, пока поезд тронеця, а тоди выходь и иды до директора. Воны ж тебе на ходу не выкынуть.

Я так и сделала. Баба была счастлива, когда увидела меня в окне. Поезд тронулся…

Но тут только и начались мои приключения. Я нашла купе директора и стала напротив, у окна. Началась проверка билетов у тех, кто сел в Джамбуле. И сколько директор ни объяснял, что у меня был билет, я отстала от поезда, — ничего не помогло. Контролер взял с меня штраф — буханку хлеба, но из поезда не высадил.

На какой-то стоянке в купе у директора освободилось место, вышел пассажир, и мне на оставшиеся деньги разрешили купить билет. Наконец у меня была своя полка.

Поздним вечером мы приехали в Москву. Меня пожалела женщина, которая ехала вместе с директором, — она работала в библиотеке института, — предложила мне переночевать у нее дома.

Мы приехали к ней, и тут начался салют. И вот я стою у окна и смотрю салют в честь освобождения от фашистов еще одного города. Первый салют в своей жизни! И сколько я потом ни видела салютов — тот был самый прекрасный.

На следующее утро мы с хозяйкой (звали ее Ольга Воронцова) уехали во ВГИК. Я нашла свой курс, свои вещи и поселилась в общежитии за городом — в Лосиноостровском.

Так началась моя жизнь в Москве на законном основании!

Помню, как Сергей Аполлинариевич Герасимов стремительно вошел в аудиторию. Лицо у него было жестким и отстраненным. Он говорил общие слова о нашей профессии, о том, что он будет заниматься с нами мастерством. И тут же уточнил:

— Если студент никак не проявит себя, будет безжалостно отчислен!

Целый год мы занимались этюдами. Сами сочиняли и сами играли эти этюды. Курс был не только актерским, он был наполовину режиссерским. Поэтому те, кто готовились стать режиссерами, работали над отрывками и играли как актеры.

К Сергею Аполлинариевичу я постепенно привыкала, и он уже не казался мне таким суровым.

Праздники мы отмечали вместе. Студенты и преподаватели. Сергей Аполлинариевич замечательно читал стихи, пел песни, играл на гитаре.

Занимались мы не по системе Станиславского, а по системе Герасимова.

А Станиславский тоже занимался в театре этюдами с молодыми актерами. Рассказывают, что однажды во время урока он задал такой этюд:

— Представьте себе, что вы положили все свои деньги в банк, а сейчас вам сказали, что банк сгорел. Что вы будете делать?

Каждый играл в силу своего темперамента и фантазии. Кто-то кричал, кто-то рыдал, кто-то падал в обморок, а один актер спокойненько сидел и наблюдал за происходящим. Когда кончился этюд, Станиславский спросил у него:

— Почему вы так вели себя?

Актер ответил:

— А мои деньги в другом банке.

Это выражение вошло в актерский лексикон. Если актера какие-то события не касались, он говорил: «Мои деньги в другом банке».

Когда мы учились на первом курсе, нас часто приглашали к себе студенты операторского факультета. Они снимали портреты с эффектным светом, создавали и подчеркивали настроение актера. Они были старше нас, многие прошли фронт, были ранены, передвигались на костылях. Однажды пригласили и меня. Сказали, что сделают классный художественный портрет.

Посадили за стол и стали ставить свет. Один говорит:

— Нет, убери бэби, у нее длинный нос получается.

Другой говорил:

— Верхний тоже нельзя — лицо вытягивается.

В это время вошел мастер — оператор Магитсон. Как потом я узнала, он действительно был мастером крупного плана. Актрисы были счастливы, когда он был оператором на их картинах.

Магитсон был маленького роста, небрежно одетый и вечно что-то жевал. В одном кармане у него была рыба — таранька, а в другом — хлеб.

Вот он вошел и говорит:

— Ну что, мальчики, растерялись? Сейчас мы посмотрим и решим, что у этой девушки самое выразительное в лице и подчеркнем светом.

Наступила пауза. Я начала краснеть, от обиды у меня появились слезы на глазах. Как же я буду сниматься в кино, если

у меня ничего интересного в лице нет. Что они на меня с таким разочарованием смотрят? Жалеют, что позвали?

Пауза затягивалась. Магитсон почесал в голове и сказал:

— Ну ладно, время идет — будем считать, что самое выразительное у нее глаза.

И сам начал ставить свет, объясняя студентам, как это надо делать. После этой первой в моей жизни съемки я не спала всю ночь и в ушах звучала снисходительная фраза мастера Магитсона: «Ну ладно, будем считать, что глаза».

Через несколько дней операторы принесли мне мой портрет. Я посмотрела на него, и у меня перехватило дыхание: на портрете была девушка неземной красоты. Но узнать меня было почти невозможно.

Честь и достоинство

Однажды зимой на уроке мастерства, который вел во ВГИКе Сергей Аполлинариевич Герасимов, дверь аудитории открылась и вошла молодая женщина. Я что-то говорила и так на полуслове остановилась. Я узнала Тамару Федоровну Макарову, кумира моей юности.

На этот раз она мне показалась еще красивее, чем в фильмах. Я не могла оторвать от нее глаз. Помню до мельчайших подробностей, во что она была одета: элегантная каракулевая шубка, спортивная шапочка и зеленый в красную клетку шарф.

Глаз таких, как у Тамары Федоровны, по — моему, не было ни у кого. Верхняя часть полукруглая, а нижняя ровная. Глаза синие — синие, лучистые, с пушистыми ресницами.

Мы знали о ней многое. Знали, что родом она из Санкт — Петербурга, что отец ее был военным врачом, что он погиб. Семья бедствовала, и она как старшая должна была помогать матери как-то прокормить семью.

Но с юности у нее была мечта — стать актрисой. Она очень любила танцевать и поступила в балетную студию. Затем окончила школу драматического искусства.

Ей было нелегко. Не было денег, но она не бросила учебу. Она знала, чему должна посвятить свою жизнь. И потому Тамара Федоровна была для нас примером.

Мы, послевоенные студенты, почти все были из провинции. Жили в общежитии. Зимой там нередко выключали свет, а иногда и отопление. Мы возвращались из института и в темноте ложились спать. И вставали затемно.

Но все эти трудности для нас не имели ровно никакого значения. Нас не очень заботили неудобство жилья и более чем скромные обеды в институтской столовой.

…Никогда не забуду, как на сахарные талончики нам выдали шоколадные конфеты. Исключительный случай! Мы тут же решили, что по утрам и вечерам будем блаженствовать — пить чай с шоколадными конфетами. По одной конфетке…

Но пока я шла из магазина, держа в руках драгоценный кулечек (я подсчитала, там было 48 конфет), решила сначала съесть одну. Ведь утро уже миновало. Сейчас трудно поверить, но к общежитию я подошла с пустым кульком. Я съела все до единой…

Тамара Федоровна присутствовала на всех наших экзаменах. Будь то пантомима, художественное слово или танец. Она видела, как плохо мы одеты, и понимала, в чем мы нуждаемся.

— По — моему, тебе нужно что-то добавить к платью, — иногда говорила она студентке. И называла какую-нибудь деталь или украшение. — Приходи ко мне домой, мы вместе что — нибудь найдем…

И мы приходили к ней домой. Нам было неловко, но очень хотелось быть красиво одетыми на экзаменах, и это желание было сильнее нас.

Однажды я долго болела и не смогла подготовиться к экзаменам по мастерству. До экзаменов оставалось мало времени, и надо мной нависла угроза отчисления.

Тамара Федоровна после занятий подошла ко мне.

— Клара, я знаю, вы болели. Выберите какой-нибудь отрывок, найдите партнера, приезжайте ко мне домой. Не надо учить текст, просто прочитайте с листа.

Мы с Инной Макаровой выбрали «Неточку Незванову» Достоевского и отправились к Тамаре Федоровне.

Ей понравилось наше чтение. Мне поставили зачет, и я перешла на следующий курс. Этого я никогда не забуду. Ну какая бы актриса была так внимательна к студентке и поняла, что для меня это вопрос жизни и смерти!

Однажды Тамара Федоровна репетировала со мной роль и сказала:

— Клара, вот здесь вы похожи на петунию.

Я так обрадовалась: «Я похожа на цветок!» Но я никогда не видела этого цветка и все время искала его.

Как-то мы, студенты, снимались в массовке на студии имени Горького. В перерыве вышли из павильона погреться на солнышке. Рядом со скамейкой, на которую мы присели, была клумба. Я спросила у ребят:

— Скажите, здесь нет петунии?

— Да вот она, — сказали мне.

Это был маленький, усохший, бледно — сиреневый цветочек. Я расстроилась.

«Ну почему я похожа на петунию? — думала я. — Неужели я похожа на этот несчастный цветок?»

А потом поняла, что Тамара Федоровна имела в виду не меня, а говорила о моей героине. Петуния — это образ. Моя героиня — девушка такая невзрачная, но она пробивается к свету и тянется к жизни.

В кино Тамара Федоровна попала, как это часто бывает, случайно. На улице ее встретил ассистент режиссера и спросил:

— Не хотели бы вы сниматься?

Так началась ее кинематографическая жизнь.

В первой же своей картине «Чужой пиджак» она встретилась с

Сергеем Герасимовым. Он, кстати, и привел ее в школу драматического искусства. О том, как это было, я прочитала в книге актрисы Елены Кузьминой. Во время занятий открылась дверь в аудиторию. И Сережа Герасимов ввел девушку. Девушка была очень эффектная, одетая в какое-то канареечное, немыслимое платье, очень коротенькое. У нее были длинные ноги, она была еще и на высоких каблуках. Ярко накрашенная. У нее была длинная шея, гордо посаженная голова и пышные волосы.

Все зачарованно на нее смотрели, потому что такого чуда они еще не видели. Потом посмотрели на Сережу Герасимова и поняли, что их шансы были на нуле, по тому, как влюбленно он на нее смотрел. Вскоре после этого они и поженились.

Первый раз она снялась у Герасимова в фильме «Семеро смелых», а затем в картине «Комсомольск». Это было особое время. Зрители смотрели эти картины и думали: «И я это могу. Я могу завтра поехать на стройку, я могу попасть на зимовку».

Тамара Федоровна стала примером для многих женщин огромной страны. Они хотели подражать ей и стать такими же, как ее героини.

Но у Тамары Федоровны есть одна роль, которую я люблю больше всего. Это роль Груни в фильме «Учитель». Груня — девушка, мечтающая о любви. Она просто хочет любить! А в ее деревне любить некого. И когда увидела только что приехавшего учителя — она поняла, что он и есть тот человек! Груня выходит на террасу и не может прийти в себя от чувства, что на нее нахлынуло. В одну минуту пришла любовь!

Учителя играл Борис Чирков. Это был прекрасный дуэт двух выдающихся актеров. Какая великолепная сцена, когда учитель, узнав, что она его любит, говорит:

— Ну ладно, пойдем распишемся.

И вдруг в этой простой, неграмотной девушке проявилось удивительное достоинство. Груня ответила, что он ошибается и она не хочет за него замуж. «Я уезжаю в Москву учиться», — отвечает она.

Это стало открытием особого женского характера, которого до того не было на экране…

Сергей Аполлинариевич умел ценить время. Он жил так, чтобы каждый прожитый день запомнился.

Как-то мы приехали в Ленинград на фестиваль. Неожиданно выяснилось, что мы свободны до вечера. В буфете я и Инна Макарова встретили Сергея Аполлинариевича. Он пригласил нас проехаться по городу.

Ленинград был городом его молодости, и он всю дорогу

вспоминал какие-то случаи.

«Вот в этом доме мы жили с Тамарой Федоровной, когда поженились. Однажды мы поссорились, и она от меня ушла. Я побежал за ней. Смотрю, она переходит через дорогу, а там трамвайная линия. И ее каблук застрял между рельсами. Тут я ее и нагнал. Я очень люблю это место, — сказал он. — Мало ли что могло случиться, если бы не тот каблук!

А вот здесь, в этой сосисочной, мы часто ужинали.

А вот по этой красивой и зеленой улице мы гуляли по вечерам. Я старался помогать Тамаре Федоровне в нашем не очень- то устроенном быту. Во время войны мы жили в гостинице, и я жарил ей мясо на горячем утюге. Я очень гордился своим изобретением».

И Сергей Аполлинариевич засмеялся молодым звонким смехом, лицо у него было озорное.

Когда мы вернулись в гостиницу, он пригласил нас к себе в номер. Не забуду этот замечательный день и вечер. Сергей Аполлинариевич читал стихи, играл на гитаре, пел. Я думаю, что этот день и у него остался в памяти. А мы ведь могли, как и другие, ничего не делать в тот день и никогда его не вспоминать.

Сергей Аполлинариевич преподал нам урок, который меня многому научил.

После фильма «Учитель» Тамару Федоровну трудно было представить в роли Нины в лермонтовском «Маскараде». Еще накануне войны Сергей Аполлинариевич начал снимать этот фильм, а скептики говорили, что у него вряд ли что-то получится. Ну какая из Макаровой Нина?

Потом началась война, и премьеру пришлось отложить на несколько лет.

Недавно я вновь — в который раз! — посмотрела «Маскарад». Как блестяще играет Тамара Федоровна! Как тонко она ведет линию нежной, воздушной женщины! А сам Сергей Аполлинариевич, который играет Неизвестного? Я смотрела этот старый фильм и вспомнила, как Герасимов впервые появился перед нами в студенческой аудитории. Он был точно таким же, как в фильме «Маскарад». И если бы сказал нам: «Несчастье будет с вами в эту ночь…» — мы бы ему поверили.

Канули в прошлое студенческие годы. Но я и сегодня с благодарностью вспоминаю своих учителей — Сергея Аполлинариевича Герасимова и Тамару Федоровну Макарову. Какими же надо было обладать талантом и интуицией, чтобы в каждом из нас почувствовать искорку таланта! Сколько надо было потратить сил, чтобы воспитывать каждого из своих учеников как собственного ребенка! Быть внимательным и строгим, чутким и

заботливым, не только пестовать начинающих актеров и режиссеров, но и воспитывать в молодых душах честь и достоинство. Помню, как в стенной газете института поместили шарж на наш курс. За круглым столом сидели студенты, и у каждого было лицо Герасимова. Внешне мы не были похожи на своих учителей, но в душе каждый считал себя герасимовцем. И считает себя таковым до сих пор.

Лев Толстой был любимым писателем Сергея Аполлинариевича. Многие даже говорили, что он похож на Толстого.

Шли годы. И после мучительных колебаний и раздумий Герасимов все же решил снять фильм о последних годах жизни Льва Николаевича. Тамара Федоровна играла Софью Андреевну. Это была особая пара. Ведь вместе они прожили больше полувека. И это чувствовалось в фильме.

Мне рассказывали, как снимали сцену смерти Льва Николаевича.

Сергей Аполлинариевич несколько дней переносил съемку. Он очень долго готовился к ней, а когда этот день наступил, то в павильоне собралась вся съемочная группа.

Сергей Аполлинариевич сказал, что репетиций не будет — сразу начнется съемка. И сняли только один дубль. От второго он отказался.

То ли было у него какое-то особое предчувствие, то ли он настолько глубоко прочувствовал смерть, что ему стало страшно…

Вскоре после съемок Сергей Аполлинариевич попал в больницу. Он пролежал там несколько дней. Вроде бы шел на поправку. Тамара Федоровна приехала, чтобы отвезти его домой. Но ему вдруг стало плохо. Вызвали врачей. Они сняли электрокардиограмму, и его пришлось оставить в больнице.

Прощаясь, юн грустно посмотрел на Тамару Федоровну и сказал:

— Недолго музыка играла.

Сказал и ушел в свою палату. И больше не вернулся.

Тамара Федоровна стойко перенесла утрату. Она выпустила во ВГИКе последний курс, который вела вместе с Сергеем Аполлинариевичем. Она считала это своим долгом и выполнила его.

Мы, ее ученики, были счастливы, когда Тамаре Федоровне присудили кинематографическую премию «Ника» по номинации «Честь и достоинство».

Мы все пришли на церемонию вручения. Послышалась такая знакомая мелодия из фильма «Маскарад».

Тамара Федоровна вышла на сцену в окружении группы своих учеников. Весь зал встал.

Тамара Федоровна сказала слова благодарности. За последние годы она многое пережила, в ее жизни было немало трагических ситуаций. Но как она держалась! Ею можно было только восторгаться.

Потом пригласили на сцену всех учеников Сергея Аполлинариевича Герасимова и Тамары Федоровны Макаровой. Нас было восемьдесят, а то и сто человек. Когда мы шли, у многих зрителей на глазах были слезы.

А на сцене стояла маленькая, стройная, трогательная женщина с протянутыми к нам руками…

Она ушла из жизни тихо и незаметно.

Узнав о ее болезни, мы звонили ей домой, но она уже была не в силах разговаривать. Она лежала и как будто ждала смерти.

Она и Сергей Аполлинариевич совершили в жизни подвиг! Мы все гордимся, что мы — герасимовцы, что нас воспитали Сергей Аполлинариевич и Тамара Федоровна!

«Кубанские казаки»

С «Кубанских казаков» началась моя большая жизнь в кино. И этот фильм сопровождает меня всю жизнь, пройдя через смену эпох, через череду настроений разных вождей. Он стал не только частью моей личной биографии, но и маленькой частицей биографии моей страны.

Нет, пожалуй, ни одного человека старшего, да и среднего поколения, который бы не видел фильма, не знал песен, звучащих до сих пор, хотя картина снята более полувека назад.

Жизнь в кино непредсказуема. Бывает, что с первой роли приходит к актеру всенародное признание, а бывает, что хороший, талантливый актер играет роль за ролью, которые не дают ему возможности во всей полноте проявить талант, яркую индивидуальность. И вдруг, попав на свою роль, он раскрывается во всей многогранности таланта, неожиданно ярко и интересно, и с этой картины начинается его настоящая творческая жизнь.

Мне повезло, что меня пригласил сниматься Иван Александрович Пырьев. Пригласил на роль молодой героини в музыкальной комедии «Кубанские казаки».

Иван Александрович Пырьев — легенда советского кино. О нем рассказывали самые невероятные истории, вокруг его имени было много слухов, споров и скандалов.

Но каждая его картина становилась событием. Его фильмы смотрела вся страна. И вся страна пела песни, прозвучавшие с экрана, их любили и знали наизусть.

Иван Александрович остро чувствовал время. Он точно знал, чего ждет зритель. И его картины были нужны, они помогали людям мечтать, пережить свои личные страдания. Он был народным режиссером.

В то время я только что с отличием закончила институт и меня пригласили работать в Театр киноактера. Однажды появилось объявление о том, что Иван Александрович Пырьев будет читать новый сценарий — музыкальной комедии «Веселая ярмарка».

Тогда Театр киноактера был популярен в Москве. На его сцене ставили спектакли известные режиссеры. На афишах театра были имена чуть ли не всех звезд советского кино: они играли в спектаклях, когда не снимались в кино.

В театре был актерский отдел, как бы творческий штаб. Актер мог прийти, взять сценарий, почитать, сделать заявку, и тогда режиссер обязан был провести его пробы. Это не означало, что актер непременно попадет на роль. Но его обязаны были

пробовать, и это была хорошая творческая практика.

Мы не только играли в спектаклях. Мы занимались художественным словом, гимнастикой, пением, чтобы быть в постоянном творческом тренаже. Это была своеобразная лаборатория, крайне важная и нужная для киноактеров.

И еще одно важное обстоятельство. Театр киноактера помогал творческим людям остаться «на плаву», не бросал их, как в наше время, на произвол судьбы, а часто в бездну нищеты. Каждый, причисленный к театру, получал половину той зарплаты, которая ему была положена, а еще зарабатывал на концертах, которые собирали тысячи зрителей на стадионах или в Дворцах спорта. Программа «Товарищ кино» была популярна по всей огромной стране.

Я, конечно же, пошла на читку сценария «Веселая ярмарка». Тогда я носила кроличью шубку, белый платок, который завязывала узлом спереди. И в раздевалке столкнулась с Иваном Александровичем Пырьевым. Я не думаю, чтобы он знал меня, я всего-то снялась в маленькой роли тетки Марины в герасимовской «Молодой гвардии». Но он внимательно посмотрел на меня и сказал со значением:

— Здравствуйте, — и быстро прошел в зал.

В театре все уже знали, что наш учитель Герасимов посоветовал Пырьеву своих учениц — моих подруг. Они были кандидатами на роли. Вижу, они волнуются. Вроде бы они должны сниматься, их ведь рекомендовал сам Герасимов. Сидят в первом ряду, слушают…

Поскольку меня никто не рекомендовал, я слушала все с интересом, но без особого волнения. Надо сказать, что Сергей Аполлинариевич Герасимов написал в моей характеристике по окончании института: «Лучко — тургеневская героиня, ей надлежит играть лирические классические роли». Мне даже в голову не приходило, что я смогу сыграть молодую колхозницу Дашу Шелест в «Веселой ярмарке».

Пырьев был великолепным актером и читал сценарий так, что зал хохотал, порой просто стонал от смеха. И потому, когда чтение закончилось, Пырьеву долго аплодировали, а каждый про себя наверняка думал: хорошо бы попасть в картину.

Прошло несколько дней, и вдруг меня, в числе других молодых актрис, приглашают на фотопробу. Я была уверена, что героинь будут играть те, кого рекомендовал учитель, мой же удел — массовка. А сниматься в массовке, быть членом звена одной из героинь, я твердо это для себя решила, — не буду. Не буду, и всё. Я вырежу несуществующий аппендицит, но не пойду. Сказала в актерском отделе, что я плохо себя чувствую… А меня стали

уговаривать:

— Клара, ты должна прийти попробоваться, а дальше — как пойдет… Таковы правила.

Я нехотя пришла на студию. Уже до меня пробовались многие молодые актрисы. Всем заплели косы, одели в яркие кофты, юбки, которые в ту пору носили молодые девушки на Кубани. А когда я пришла, уже и костюмы все разобрали. Гримерша сказала, что положено две косы, а у нее осталась только одна.

— Ну какая разница, — говорю я. — Я платочек сверху повяжу, и не будет видно, есть у меня коса или нет.

Вдруг в гримерную входит ассистент режиссера Арто и говорит:

— Лучко — к Пырьеву… Пойдемте.

Меня привели к Пырьеву. Он посмотрел на меня и обратился к Арто:

— Надо орденочки ей какие-то надеть. — И тут же мне: — А ну-ка сними платок…

Я снимаю.

— Что это такое? Почему у тебя одна коса? Что за небрежность?

— Иван Александрович, — робко говорю я, — никто не виноват. Другой косы у гримеров не было. Ну какая разница… Я платок повязала…

— Нет — нет. Тебе надо две косы…

Арто получил нагоняй. Гримерша тоже.

— Из-за тебя нам попало, — сказали они с обидой.

Но я-то при чем…

Арто повел меня в фотоцех. Фотограф командует:

— Смотри вправо, голову влево, повернись сюда…

И вот я сижу в такой позе — с кривой шеей, с куда-то заведенными глазами, а в это время открывается дверь и стремительно входит Пырьев.

— Ты чего так сидишь?

Схватил меня за голову, резко повернул. И фотографу:

— Ты вот так ее снимай. Мне просто надо снять. Просто… Понял?

Я думаю: Боже мой, действительно он такой, как о нем говорят. Если вдруг меня утвердят, то как я буду сниматься у него? Нет, я не смогу. Я крика и грубого отношения никогда не терпела.

Прошло какое-то время, и я узнаю, что у меня будут кинопробы на роль молодой героини Даши Шелест.

Перед пробами Иван Александрович сказал мне:

— Я хочу, чтобы снимались ты и Владлен Давыдов. Он

жениха твоего будет играть. Должна быть красивая идеальная пара. Я буду вас снимать, но вы будете пробоваться наравне со всеми.

Через несколько дней на студии я встретила Довженко.

— Девушка, — сказал он, — только что закончился художественный совет. Вас утвердили. Поздравляю и желаю успеха. Вы будете много и успешно сниматься в кино.

Сказать, что мне было очень приятно, значит, ничего не сказать. Я была счастлива.

Я никогда не забуду коридора студии «Мосфильм». Иду со съемки, и навстречу мне Александр Петрович Довженко. Выдающийся кинорежиссер. Очень красивый человек. Грива седых волос, зеленая шляпа, в руке палка. Он проходит мимо меня и вдруг поворачивается и говорит:

— Девушка, мне нужно ваше лицо.

Я растерялась. Только и смогла пролепетать:

— Пожалуйста.

— Я снимаю картину «Мичурин». Для вас у меня нет роли, но мы будем снимать сцену, очень важную, когда академик Пашкевич произносит речь перед студентами на встрече Нового года. И мне нужен только один ваш крупный план.

— Я сейчас разгримируюсь и приду, — ответила я.

Через некоторое время прихожу в павильон и чувствую: что-то случилось. Довженко лежит на диване, пахнет какими- то лекарствами, над ним склонился студийный врач. Оказывается, у Довженко был сердечный приступ. Только что уехала «скорая помощь». Я подумала: съемки не будет. Повернулась, чтобы никого не беспокоить и тихо уйти. А он заметил меня и говорит:

— Девушка, подождите! Съемка будет. Обязательно будет. Подойдите ко мне.

Я подошла. Он усадил меня рядом и начал читать монолог:

— Последняя минута девятнадцатого века. Вижу миллионы человеческих глаз, устремленных в грядущее столетие, двадцатый век! Что принесет он науке? Человечеству?..

Он читал так темпераментно, так проникновенно, забыв о приступе, будто ничего не случилось. А я думаю: «Господи, ну зачем он тратит силы, ведь надо снять один крупный план. Только один».

Довженко подозвал художника по костюмам и гримера. Он отнесся к моему внешнему виду так, словно я играла главную роль.

Когда из гримерной я вошла в павильон, там было по-прежнему тихо. Люди переговаривались вполголоса. Александр Петрович долго выбирал место, где я должна стоять, советовался

с оператором, какой нужно поставить свет. И опять начал читать новогоднюю речь. Это было похоже на колдовство.

Я почувствовала, что со мной что-то начинает происходить, и казалось, что я все могу сделать — скажут: «Клара, лети!», и я — раз, и полечу.

Этот крупный план я запомнила на всю жизнь. Как будто я прошла школу великого Довженко… А ведь был снят всего один только кадр, правда, снимали его всю смену.

Вскоре началась работа у Пырьева в группе «Веселая ярмарка». Перед тем как отправиться в экспедицию, мы записывали песни на студии звукозаписи. К концу смены осталось только записать куплеты, которые должны петь Катя Савинова, Андрей Петров, Борис Андреев и я.

Но почему-то Борис Андреев на запись не пришел. Ассистент режиссера испугалась, что ей попадет. Она не узнала заранее, будет ли Борис Андреев. Ассистент побежала по студии, стала искать, нет ли какого-нибудь певца, чтобы пришел к нам.

В это время рядом писали оперу, там бас был. Она подошла к нему:

— Вы не можете прийти к нам и записать всего несколько фраз?

Он говорит:

— Конечно, пожалуйста. Но к кому это «к вам»?

— К Пырьеву…

— А — а, к Пырьеву… Я с удовольствием.

И пришел. Большой, солидный, спокойный человек. Ассистент побежала к Пырьеву:

— Иван Александрович, вы меня извините, Борис Андреев не явился, его нигде нет. Мы всюду звонили. Но мы привели оперного певца, и он может вместо Бориса Андреева спеть, у него бас.

Пырьев сверкнул глазами, но промолчал.

— Хорошо. Начнем. Значит, так, вот тут надо петь: «И чего-нибудь съедим…» Сможете?

Певец говорит:

— Конечно, смогу.

Заиграл оркестр, он послушал, про себя что-то помычал и сказал:

— Я готов. Будем писать.

И мы поем:

Погодите, не спешите, мы боимся опоздать…

И оперный певец вступает:

И чего-нибудь съеди — им — м…

— Так, — говорит Пырьев. — Все хорошо. Но вот этого «м —

м» — не надо. Понимаешь?

Певец кивает. Он привык, что в опере надо выпевать каждое слово, делая его округлым. Буква «м» должна присутствовать.

Начали. Опять: «Погодите, не спешите…» Пишем до конца, и опять оперный певец: «И чего-нибудь съедим — м–м…»

Пырьев, чувствую, теряет терпение.

— Слушай, я сказал, что «м — м» — не надо. Ну не надо «м — м».

Глаза у Пырьева злые. И когда певец в третий раз спел точно так же, Пырьев пошел на певца:

— Сколько раз я тебе должен повторять: «м — м» — не надо, не надо — о «м — м»…

Смотрю, певец попятился, отступил и вдруг повернулся и выбежал из павильона. Я думаю: Боже мой, как сниматься у такого режиссера… Это невозможно! Если он на меня закричит, я ничего не смогу сделать.

Но Пырьев был очень тонким, умным, талантливым режиссером, чувствующим и понимающим природу актера. На меня и на Катю Савинову он никогда не кричал. Даже если мы что- то делали не так, Иван Александрович только глазами поведет… Потом найдет какой-нибудь другой объект, выкричится, а затем поворачивается к нам и спокойно говорит:

— Понимаешь, деточка, играть надо вот так…

Перед началом съемок и отъездом в экспедицию на Кубань несколько актеров сидели в гримерной. Мы ждали Ивана Александровича Пырьева — он должен был утвердить наш грим. Я сидела на стуле и ждала своей очереди. Открылась дверь, и на пороге появился Сергей Владимирович Лукьянов. Он исполнял в фильме главную роль — Гордея Ворона. Увидев меня, он сказал: «Я пропал!» — и, повернувшись, ушел. После выхода картины на экран мы поженились. А его фраза, сказанная тогда в гримерной, облетела всю Москву. Вскоре у нас родилась дочь Оксана. К сожалению, у Сергея Владимировича было больное сердце и в самом расцвете своего таланта он ушел из жизни. Было ему всего 55 лет. Это был великий русский актер. Хоронила его вся Москва.

Картину снимали в совхозе — миллионере «Кубань». В ту пору это было известное на всю страну хозяйство. Были здесь и двухэтажный клуб, и ресторан, и гостиница, и школа.

Перед тем как начать снимать, Пырьев заставил нас всех поработать. Как раз была страдная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно сгребали на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гостиницу, смотрел, как мы устроены. Он заглядывал в ресторан, снимал пробу с борща, смотрел, как

жарили мясо. Какая норма — украли или не украли. Даже повара грозился уволить…

Надо сказать, что Иван Александрович Пырьев был неоднозначный человек. Он был, бесспорно, талантливым художником, прекрасным организатором, но как человек он был сложный и противоречивый, причем в творчестве и в жизни.

Кинематограф ему многим обязан. Он сделал из «Мосфильма» крупнейшую в стране «кинофабрику грез», организовал Союз кинематографистов, открыл Высшие режиссерские курсы.

И в то же время однажды он отказался принять (будучи директором студии) Александра Петровича Довженко, сказав походя, что ему некогда. Сняв меня в «Кубанских казаках», он не поленился прийти на заседание художественного совета Госкино и выступить против того, чтобы я снималась у Хейфица в «Большой семье».

Пырьев был очень суеверен и на съемку всегда брал кого-либо из близких ему актеров в уверенности, что тот принесет удачу.

Он был страстный картежник. В свободное от съемок время или в перерывах он играл в карты с Юрием Любимовым и Владленом Давыдовым. Играл на деньги, не любил проигрывать, страшно горячился, и, зная это, Любимов и Давыдов иной раз ему снисходительно проигрывали.

Но зато, когда он выигрывал, был счастлив:

— Вот теперь можно объявить перерыв на обед. Будет чем заплатить.

В Москве мы жили с ним в одном доме. Однажды, после встречи с французской делегацией, он любезно предложил подвезти на машине меня и Лидию Смирнову, тоже нашу соседку.

Машина подошла к дому. Смирнова вышла первой, а я почему-то замешкалась. Он повернулся ко мне, хитро подмигнул и тихо, заговорщицки произнес:

— А пальто у тебя лучше, чем у Лидки! — И, довольный, захохотал.

Но все, что касалось съемок, было для него свято, здесь он был неистов, готов на все, лишь бы получилось так, как он замыслил.

В «Кубанских казаках» есть сцена на ипподроме, где решается судьба Даши Шелест, моей героини. Соревновались Вася Тузов из моего колхоза и Коля Ковылев, мой жених, из другого колхоза. Актеры Андрей Петров и Владлен Давыдов, которые специально учились верховой езде, были постоянно объектами критики Пырьева. Им доставалось после каждого дубля. И когда, по

мнению Пырьева, не получился очередной дубль, он пришел в ярость. В бешенстве он стащил с лошади актера, вскочил в седло, как был в пижаме и тапочках, помчался по кругу ипподрома и скакал до тех пор, пока лошадь не взмокла и у нее на губах не появилась пена…

Соскочил с лошади и крикнул:

— Вот так надо!

На следующий день кто-то спросил у него, где это он учился верховой езде. Иван Александрович мрачно ответил:

— В детстве. Когда пастухом был…

Помню, снимали сцену на ярмарке. Актеры шли с воздушными шарами, и надо было держать шары так, чтобы они попадали в кадр. Одному из участников съемки это никак не удавалось. Тогда Пырьев опустился на колени и пополз к актеру, умоляя его пронести воздушные шары как надо. На глазах у Пырьева были слезы…

Уже по сценарию и по первым съемкам стало ясно, что картина состоится…

Великолепный ансамбль актеров. Замечательный композитор Дунаевский. Прекрасная природа Кубани: тополя, степь, воздух, пахнущий полынью, быстрая, с водоворотами река Кубань — это все казалось мне ну просто сказкой… Я играла прекрасную роль, у такого режиссера! Я была счастлива.

Я помню, что просыпалась каждое утро и думала: я счастлива… И это состояние не покидало меня на протяжении всей картины. Было все — и слезы, и смех, и радость, и печаль.

Я не понимала, как складывается моя роль, получится она или не получится. Нужно было показать судьбу девушки, ее любовь. Я во всем полагалась на Ивана Александровича.

Когда заканчивались съемки картины, Иван Александрович подошел ко мне:

— Так, мы сейчас сняли сцену в гостинице, и вот когда посмотрю материал, я тебе скажу — получилась у тебя роль или нет.

Когда картина вышла на экраны, я даже не предполагала, что произойдет со мной. По радио ежедневно передавали песни «Ой, цветет калина…» и «Каким ты был, таким остался…».

Комедия стала называться «Кубанские казаки». Это название предложил Сталин, когда ему показали картину.

В фильме была песня, ее исполнял Владлен Давыдов:

Мы с тобою не дружили,
Не встречались по весне,
Но глаза твои большие

Не дают покоя мне…

Сталин сказал, что эта песня не нужна… Давыдов молодой, красивый артист. Только что снялся в фильме «Встреча на Эльбе», играл главную роль — офицера Советской Армии, победившей армии, и вдруг будет петь как в оперетте… Нет. Он — герой и должен остаться героем.

Картина пошла сразу во всех кинотеатрах Москвы. Показывали ее днем и в Театре киноактера, на улице Воровского. Вечером в зале играли спектакли, а днем шли фильмы. Помню, как я заглянула в зал и услышала смех, просто взрывы гомерического хохота.

А потом хлынули письма. Мне писали тысячи зрителей, они смотрели фильм по многу раз и все песни знали наизусть.

Одна молодая женщина написала, что будет смотреть все фильмы с моим участием. «Я вас очень люблю, — писала она, — потому что из-за вас я вышла замуж за замечательного парня и мы живем очень хорошо». Они в деревне смотрели картину «Кубанские казаки», их места были рядом. Во время фильма они обменивались репликами, смеялись и, когда кончилась картина, вместе вышли из зрительного зала. И парень пошел ее провожать. Они подружились, полюбили друг друга и поженились.

На меня обрушился шквал писем от женихов. Писали со всей страны, предлагали руку и сердце. Каждое время выдвигает своих героев. Симпатичная девушка, работящая, Герой Труда, веселая. Ну почему не считать ее идеалом невесты? Почему на такой девушке не жениться? Многие парни присылали фотографии, сообщали, сколько они зарабатывают, где работают, есть ли у них квартиры…

Я запомнила одного — его звали Константин Дмитриевич. У него были свой дом и большая отара овец. Он писал, что я ему полюбилась с первого взгляда и если я не смогу или не захочу приехать к нему на Кубань, то, так и быть, он готов продать свой дом, своих овец и приехать ко мне в Москву.

Тогда я только удивлялась. Приятно, конечно, такое внимание, но как можно, увидев картину, актрису, воспринять ее как невесту и решить на ней жениться? Однажды даже директор Театра киноактера Анощенко признался, что в молодые годы работал на Севере и все время искал девушку, похожую на меня.

«Кубанские казаки» прошли по экранам многих стран мира. Мне приходили письма из-за рубежа. Как-то пришло письмо из Болгарии, из сельского кооператива. У них было собрание, и на нем не говорили, что выберем звеньевую, а говорили: выберем

Дашу, — Даша Шелест у них была олицетворением звеньевой.

Картина имела огромный успех еще и потому, что она была снята профессионально оператором Павловым, замечательную музыку написал И. Дунаевский, в ней снимались талантливые актеры. Во всем чувствовался темперамент Пырьева, необузданный, горячий… Его юмор, его талант.

Но у картины оказалась не только счастливая, но и драматичная судьба. Первое время картину превозносили, о ней писали газеты и журналы, а я вместе с другими членами группы была удостоена Сталинской премии и награждена орденом «Знак Почета». Тогда — в двадцать с чем-то лет — получить орден и стать лауреатом Сталинской премии было большой редкостью…

Наступил пятьдесят шестой год. XX съезд партии. Хрущев, разоблачая культ личности, в частности, сказал, что «Кубанские казаки» — это лакировка действительности. Этого было достаточно, чтобы фильм исчез. Его нигде не показывали. Он исчез даже из официальной биографии Пырьева.

Затем пришло время Брежнева. Фильм переозвучили, реставрировали, и он вновь вышел на экраны.

А в годы перестройки снова исчез. Я сама однажды читала в газете, что в картине правды нет, а есть сплошная лакировка действительности. Один молодой журналист написал, что картину он не видел, но твердо знает, что картина была вредная.

Я всегда защищала фильм, спорила с его критиками и недоброжелателями. Как-то меня пригласили на специальную телепередачу о фильме, которая называлась «Киноправда?». Ведущий, кстати профессор и довольно известный критик, обращался к зрителям все с теми же вопросами о лакировке. А в студию позвонило шестьсот зрителей, и не было ни одного, кто бы не похвалил картину.

Время шло, и в преддверии двухтысячного года картина вошла в кинодвадцатку самых популярных советских лент и в «Золотую серию», ее часто показывают различные телеканалы. Молодежь ее смотрит. Мне говорили ребята пятнадцатисемнадцати лет: «Классная картина, здорово смотрится».

Настоящее искусство замечательного режиссера Ивана Александровича Пырьева не может кануть в Лету. И это не лакировка — это музыкальная комедия, это оперетта, мюзикл, и от него не нужно требовать глобального изображения событий. Как-то меня пригласили выступить на большом собрании женских организаций. Я вышла на сцену, и вдруг кто-то запел: «Ой, цветет калина…», и весь зал подхватил, все знали слова. Эту песню помнят и поют до сих пор.

По рождению я запорожская казачка. Мой род имеет исток в хуторе Лучки, что на Полтавщине. Волею судеб я сыграла главную роль Даши Шелест и стала кубанской казачкой. А потом появился «Цыган», и я была признана и казачкой с Дона. Трижды казачка — так меня часто называют, а казаки в любом российском крае считают своим долгом оказать мне почет и уважение.

Но вот наступил год, когда в прессе заговорили о том, что фильм «Кубанские казаки» отмечает полвека. Как раз в это время в Сочи проходил фестиваль «Кинотавр». Я была однажды на этом фестивале, и, скажу честно, мне не очень понравилась его организация. Поэтому, несмотря на приглашения, я всегда находила благовидный повод отказаться от поездки в Сочи.

И вдруг мне звонят из Краснодара и просят прибыть на «Кинотавр». Я пытаюсь отговориться, но в дело вступает губернатор Краснодарского края Николай Игнатович Кондратенко.

— Я вас прошу оказать честь кубанцам. Билет вам доставят из нашего представительства в Москве, а в Сочи мы вас встретим как положено.

Пришлось откликнуться на просьбу. И вот я в Сочи, куда мы прилетели вместе с Владленом Давыдовым, моим партнером по фильму. Сидим в огромном зале Зимнего театра, где проходило торжественное завершение «Кинотавра». Вокруг рафинированная московская кинопублика, идет вручение призов и наград. И вдруг зал загудел, когда на сцену вышли губернатор Краснодарского края Кондратенко, председатель краевого законодательного собрания Бекетов и атаман Всекубанского казачьего войска Громов. Дело не только в том, что впервые за всю историю «Кинотавра» краевая власть отметила своим присутствием этот фестиваль, до сих считавшийся делом исключительно сочинским, что все как-то сразу вспомнили, что и город Сочи — это тоже кубанская земля. Нет, сенсацией стало выступление Николая Игнатовича Кондратенко. Он начал с того, что на Кубани ожидается большой урожай… Это собравшуюся публику не интересовало. Зал вновь загудел, но Николай Игнатович, перестроившись на ходу, сказал, что исполнилось пятьдесят лет со дня выхода на экраны страны знаменитого фильма «Кубанские казаки» режиссера Ивана Пырьева.

— В последние годы фильм не раз подвергался обструкции как образчик лакировки действительности, но кубанцы никогда не соглашались с такой оценкой замечательного фильма, — сказал Николай Кондратенко. — Мне уже 60 лет, я живой свидетель тех событий, о которых он повествует. И могу подтвердить, что на Кубани все происходило именно так, с

оптимизмом, с песнями жили в те годы мои земляки…

Эти рассуждения Николая Игнатовича вызвали в зале сначала глухой ропот, а потом кое-кто пытался даже захлопать и засвистать его слова. Но в этот момент на сцену пригласили меня и Владлена Давыдова.

Было объявлено, что администрация края, законодательное собрание и совет старейшин Всекубанского казачьего войска решили наградить нас в честь юбилея любимого народом фильма. С этими словами Николай Игнатович вручил нам по комплекту ключей от новеньких автомобилей «Волга» и добавил, что машины стоят у подъезда, а опытные кубанские шоферы доставят с комфортом награжденных прямо в Москву. Еще он добавил, что не забыта кубанцами и исполнительница главной роли Марина Ладынина. Но она, в силу преклонного возраста, приехать на фестиваль не смогла, денежная премия ей вручена в Москве. И тут же появился на сцене Кубанский казачий хор под руководством Захарченко. На фоне кадров из знаменитого фильма их песни и пляски были особенно впечатляющими.

За последние годы мне не раз пришлось побывать на Кубани по приглашению нынешнего губернатора Краснодарского края Александра Николаевича Ткачева, с которым мы подружились. *Я* была участницей многих краевых празднований и торжеств и, кстати, стала почетным гражданином города Гулькевичи, где когда-то, так же как в станице Курганной, ныне преобразованной в город, снимался фильм «Кубанские казаки». А у меня дома на почетном месте висит настоящая шашка, врученная мне как свидетельство принадлежности к казачьему войску.

Меняются времена, меняются вожди, судьи и критики, а «Кубанские казаки» живут и будут жить!

Звонок из Ленинграда

Жизнь киноактера соткана из славы и одиночества. Ты выходишь на улицу, с тобой все здороваются; «леваки» — шоферы часто подбрасывают бесплатно, разве что за автограф; продавцы за прилавками магазинов пытаются обслужить получше; чиновники мгновенно откликаются на просьбу о приеме и быстро решают вопросы. Не буду лукавить — по — человечески это приятно.

Но и ты должна соответствовать градусу популярности — быть всегда подтянутой, хорошо одетой, улыбаться, даже если чувствуешь себя неважно, вести себя скромно, но с достоинством. Многие думают, что у актера нет особых проблем и все хорошо, как и положено тем, кто знаменит. Актеры же, как и все, — люди, может быть, только более ранимые. Проблем у каждого хватает. Но есть главное — работа, творчество. И вот ты возвращаешься домой и… ждешь звонка.

Зазвонил телефон… Корреспондент…

Опять зазвонил телефон… Некая общественная организация желает, чтобы ты немедленно включилась в решение ее проблем…

Вновь звонит телефон — приглашают выступить перед ветеранами…

Но ты ждешь того звонка, который будет вестью о новой работе, о новой роли…

Пока актер снимается — всё к его услугам. Пришлют автомобиль, закажут билет, встретят и проводят. Но как только заканчивается работа на съемочной площадке, ты остаешься один на один со своими проблемами, и тебе порой кажется, что ты никому не нужен. Кроме зрителей…

Вот почему тот желанный звонок, когда тебя приглашают на роль, всегда воспринимается как подарок судьбы.

Так было и в тот день, когда мне позвонили из Ленинграда со студии «Ленфильм» и предложили приехать на пробы к Иосифу Ефимовичу Хейфицу, который начинал работу над картиной «Большая семья» по мотивам романа Всеволода Кочетова «Дни Журбиных».

До этого я никогда не снималась на «Ленфильме», да и в Ленинграде бывать не приходилось. А тут — сам Хейфиц, талантливейший режиссер, классик. Голова пошла кругом. Я схватила роман «Журбины», залпом его прочитала, думала только о предстоящей работе.

А пробоваться я должна была на роль Лиды, невестки

Журбиных. Роль мне понравилась — такая бытовая характерная роль.

Тут же выяснилось, что вместе со мной приглашения приехать на «Ленфильм» к Хейфицу получили Евгений Ташков, он тогда еще был актером, Катя Савинова и Клава Хабарова.

И вот мы в Ленинграде. По — моему, все попали туда впервые. Нас встретила ассистент режиссера. Сказала, что повезет нас в гостиницу, но машины у нее нет, а придется прокатиться на трамвае. На трамвае так на трамвае. А он в ту пору еще ходил по Невскому проспекту. Мы прилипли к окнам, за которыми был Ленинград. Вечерний Ленинград, залитый огнями.

Привезли нас в одну из лучших гостиниц города — «Асторию». Правда, оказалось, что нам могут предоставить только один двухкомнатный «люкс». У нас мужчина один и нас — трое. Мы посмеялись, но делать нечего: Ташков в одной комнате, а мы втроем в другой. Настроение было приподнятое, и мы отправились гулять по Невскому проспекту.

Утром поехали на «Ленфильм» — легендарную студию, давшую миру столько выдающихся кинолент.

И вот меня пригласили в кабинет к Хейфицу. Он сидел за столом, что-то писал, слегка приподнялся, отвечая на мое «Здравствуйте!», взглянул на меня несколько удивленно… И в его глазах я заметила безразличие.

— А роман вы прочитали? — спросил он.

— Конечно, — ответила я, чувствуя, что волнуюсь. — Да, я читала роман, мне роль нравится.

— Хорошо. Если роль нравится, пойдите в гримерную, поищите грим, оденьтесь, потом придете ко мне и мы почитаем сцену.

Мне показалось, что Хейфицу я не понравилась. «В жизни мы с ним не встречались, — подумала я, — видел он меня только на экране, и ему показалось, что я могу сыграть роль Лиды. А при встрече… сразу отказать неудобно, я приехала по его приглашению. Поэтому сейчас он со мной порепетирует, потом я уеду, и на этом все будет кончено». Я это уже проходила, знала, что наша профессия — бесконечные экзамены. Каждый раз — как первый раз, и так на каждую роль. Я уже бывала в подобных ситуациях, когда что-то мешало режиссеру найти со мной общий язык, что-то его не устраивало. Мы вежливо беседовали, обсуждали роль, а потом я уезжала. Никто мне больше не звонил, ничего не объяснял, как будто даже не было того разговора. Конечно, это унизительно, потому что каждый актер имеет право знать, почему он не подходит: плохо ли он репетировал, внешние его данные не подошли или в ансамбль не вписывается…

Я вышла из кабинета Хейфица и подумала: может, мне сейчас же собраться и уехать? Ну что я буду мучиться, унижаться, если я почувствовала, что он меня не возьмет? И тут ко мне подошел второй режиссер, Деревенский (никогда не забуду его фамилию).

— Не расстраивайся. Тебе показалось, что не понравилась ему?

— Не показалось, — отвечаю, — я увидела это по выражению его лица.

— Клара, — успокоил меня Деревенский, — я знаю Иосифа Ефимовича, он человек творческий и тонкий… Давай-ка мы с тобой пойдем в архив и поищем фотографии, которые соответствовали бы образу твоей героини. У нас там много фотографий женщин, которые снимаются в массовке. Думаю, что мы найдем что-нибудь подходящее.

Мы пришли в архив, перерыли кипы фотографий и наконец нашли. Даже, как мне показалось, похожую на меня женщину в странной шляпке, с завитыми волосами, как бы с претензией на моду.

— Точно. Вот это тебе подойдет, — сказал Деревенский. — Бери эту фотографию — и в гримерную. А потом в костюмерной найдем такое платье, шляпку и посмотрим, что нам скажет Хейфиц.

В гримерной я как-то сразу оживилась. Очень хороший был гример, очень известный, он делал портретные гримы многих исторических лиц. Вижу, и он как-то воодушевился, и мы начали с ним колдовать, пробовать так — сяк, подходит — не подходит.

Потом я пошла в костюмерную, нашла нелепую зеленую шляпу, платье, нацепила клипсы, бусы, тоже, в общем, нелепые. Деревенский был доволен:

— Клара, ты преобразилась.

А я и сама чувствую, что в этом наряде у меня и глаза стали другими, мне стало интересно.

Пошли к Хейфицу. Он повернулся, посмотрел, и в его глазах я заметила любопытство.

— Давайте порепетируем.

Иосиф Ефимович Хейфиц — удивительный режиссер. Я принадлежу к школе Герасимова. Эта школа оправдала себя. Несколько поколений учеников Сергея Аполлинариейича заняли в кинематографе огромный плацдарм. И это не просто актеры и режиссеры, это — личности. Это целое поколение, каста такая — герасимовцы.

И вот — Хейфиц. Он совершенно другой режиссер. Он ничего не показывает вообще, как бы даже и лишнего слова не скажет, вроде ничего и не делает. Но он так строит беседу, что тебе

кажется, будто ты сама что-то придумываешь. От этого появляется уверенность в том, что ты на правильном пути.

В сценарии была сцена, где я говорю о том, чего я хочу в жизни. Такой монолог. Никто мной не интересуется, в семье заняты только кораблями, только заводом, а что думаю я, как я живу, это никому не интересно. Я чужая в семье Журбиных.

Такой очень наболевший разговор, который я вдруг выплескиваю. И вначале мы так репетировали с Хейфицем, а потом он предложил:

— Знаете что, вы возьмите счеты, откладывайте костяшки и в это время разговаривайте.

Принесли бухгалтерские счеты. Я говорю и одновременно считаю.

— А теперь вот вы, — говорит Хейфиц, — поскольку волнуетесь, делаете ошибки. Поэтому вы неправильно считаете. Сбрасываете это все, потом снова начинаете считать, потом снова, и у вас дебет с кредитом не стыкуется.

Короче говоря, всего два действия, а я не могу сосчитать, видно, что у меня в душе смятение. А режиссер дает мне все новые и новые задания. Я их подхватываю, сцена усложняется, усложняется, становится интересней. Маленькая сцена, но видно, что я чувствую, как я задыхаюсь оттого, что я должна это все высказать.

Хейфицу репетиция понравилась.

— Если завтра вы так же сделаете на пробе, то все будет хорошо.

На следующий день назначили кинопробу.

После репетиции я пришла в гостиницу и думаю: как я хорошо репетировала. И вдруг подумала: да это же не я все сделала. Это — Хейфиц. И если бы меня утвердили, с каким удовольствием я бы снималась в картине.

На другой день после пробы я уехала в Москву.

В актерский отдел Театра киноактера приходили телеграммы со студий — утвердили или не утвердили на роль. И я каждое утро открывала дверь и спрашивала:

— Что-нибудь есть на мое имя?

Так продолжалось недели две. И вдруг в театре я встречаю Иосифа Ефимовича. Тогда был такой порядок — все пробы привозили из Ленинграда в Москву. И утверждали в Госкино.

Мне было неудобно спросить, как мои дела. А Иосиф Ефимович улыбнулся:

— Поздравляю! Вас утвердили на роль и очень много хороших слов сказали в Госкино. Вы снимаетесь.

Так, с легкой руки Хейфица, я стала частой гостьей в

павильонах «Ленфильма». Меня ждали новые роли в картинах, которые прошли по экранам не только Советского Союза, но и зарубежных стран.

Включайте свет! Съемка продолжается!

Это было ранней весной. Я заканчивала озвучание роли в фильме «Возвращение Василия Бортникова» у знаменитого режиссера Всеволода Илларионовича Пудовкина.

Признаюсь, для меня эти съемки были трудными. Роман Галины Николаевой «Жатва» имел в ту пору большой успех у читателей. Пудовкина в Госкино уговорили снять фильм по роману. Как и почему он дал согласие на эту работу, я еще расскажу.

Меня Пудовкин пригласил на роль главного инженера МТС. Из всех ролей в фильме это была, пожалуй, самая плохая. Невыразительная, схематичная, сугубо производственная. Рассказывалась история женщины, которая отправилась с большого завода в село налаживать работу машинно — тракторной станции. А вот — вот должна начаться горячая пора — посевная.

Но у моей героини нет личной жизни, зрители не знают, что еще у нее есть, кроме тракторов и запчастей, какой она человек, какая у нее семья. Или у нее нет никого — она одинока как перст? Ведь от всего этого зависит характер героини, а зритель сам будет решать, симпатизировать ей, сопереживать ли ее заботам. Одна только производственная линия вряд ли кого взволнует. Ну, мечется она по МТС, перепачканная в мазуте, ломаются машины, посевная срывается. Конечно, ей можно посочувствовать, но вряд ли кого-нибудь эта история возьмет за сердце.

Я поначалу хотела отказаться от предложения, но потом подумала: сниматься у Пудовкина — редкая удача. Его весь мир признает как классика. Кто знает, выпадет ли еще раз честь работать со столь выдающимся режиссером?

Но согласиться на плохую роль? Не знаю… Получить радость от работы или быть все время в паническом состоянии, чувствовать свое бессилие, сознавать, что ничего интересного не получилось.

И все же первое пересилило. Не только любопытство, но и чувство достоинства. Пудовкин меня пригласил и надеется, что именно я эту роль вытяну, что именно я должна это сделать. Могла ли я не оправдать его надежду? Вот с этим смешанным чувством я поехала в экспедицию.

Фильм снимался в Урени, на нижегородской земле. Вокруг

множество сел, природа необыкновенная. Застывшая русская красота. Маленькие речушки, ветви деревьев наклоняются над водой, листья пронизаны лучами солнца. Сказка!

В том крае жили удивительные мастера — ложкари. Они вырезали ложки, потом обжигали их, разрисовывали, вновь обжигали, чтобы закрепить узор. Их ложки — чудо.

Как-то, в перерыве между съемками, мы зашли в один из домов, чтобы попросить воды. Навстречу нам вышел старик с белой бородой, в домотканой рубахе, в лаптях. Будто он из леса, из сказки. Его жена степенно поздоровалась с нами. И на ней был национальный костюм, яркий, видно, ручной работы. Вынесли они нам воды ключевой и пригласили посмотреть, как ложки делают. Ложек было много, солнечные такие, краски золотые…

В Урени жили староверы. Поскольку гостиницы не было, нас разместили по частным домам. У староверов строгие правила. Из одной кружки пить с ними нельзя, посуда у них своя. Нам же полагалось иметь свою посуду. Люди были приветливые, хотя и суровые.

В тех местах прекрасная рыбалка, и это доставляло удовольствие актерам и особенно Пудовкину. Он был страстным рыбаком, но ужасно нетерпеливым: уж если забрасывает удочку, рыба должна попасться на крючок тотчас же. Если же рыба сразу не клевала, он начинал топать ногами, бросать удочку, хватать ее вновь, быстро насаживать червя и вновь забрасывать. Нервничает, суетится. Смотреть, как он ловит рыбу, все равно что смотреть спектакль.

Кто-то из актеров купил в магазине тараньку. Приходят актеры на рыбалку, у каждого две удочки. Одна с крючком и червячком, а на другой таранька. Как только Пудовкин повернет голову в их сторону, они — раз! И блестит рыба, вернее таранька. Что творится с Пудовкиным — невозможно передать. Он плакал, у него чуть ли не истерика: он ни одной рыбы не поймал, а здесь вытаскивают раз за разом!

Пудовкин по характеру просто ребенок. Наивный, непосредственный, темпераментный и бесконечно талантливый. Снимать «Возвращение Василия Бортникова» для него была мука мученическая. Ну ладно, любовные линии — Бортникова с его женой, любовный треугольник — это понятно. Но все, что касается производства, главного инженера, то есть меня, секретаря райкома (его Чемодуров играл) или директора совхоза (эта роль досталась Санаеву), — это для него было абсолютно чуждым.

Всю жизнь мечтал он снять фильм о Бетховене, сыграть Бетховена… Пудовкин — истинный художник, образованный

человек, глыба. А сельское хозяйство и его проблемы были от него бесконечно далеки.

Но других сценариев не было, а не работать он не мог. А может быть, ему показалось или убедили в Госкино, что он этот материал вытащит. В особенности он нервничал, когда снимал мои сцены. И я тоже нервничала, каждый раз шла на съемку как на каторгу. Но ведь я шла на съемку к Пудовкину!

Моя героиня чуть ли не впадает в истерику. У нее слезы на глазах. Завтра утром начнется посевная, а трактор не работает…

И вот снимаем эту сцену. Конечно, плакать, страдать по поводу того, что не могут починить трактор, можно, но не в такой же степени, как поставил передо мной задачу Пудовкин. Будто это конец света.

Сняли один дубль, другой… Я уже чувствую, как ненавижу эту сцену, свою роль и все на свете…

Я, конечно, стараюсь скрыть это настроение, сдерживаюсь, молчу, сжав зубы. Пудовкин, надо отдать ему должное, тоже не хочет передо мной показать свое состояние. Он должен обязательно эту сцену снять достойно.

Идет между нами этакий молчаливый внутренний диалог: я молчу, и Пудовкин молчит. Но я прекрасно понимаю, о чем он думает. И он понимает, о чем думаю я.

И вот, когда мы сняли еще несколько дублей, Пудовкин говорит:

— Ну ладно. Всё! Хватит! Сняли. Все равно лучше не будет. Съемка окончена…

А у меня — истерика.

На столе стоял графин с водой, я налила воды, подношу стакан ко рту, чтобы выпить, успокоиться, а руки дрожат. Когда начала пить, зубы стучали о граненый стакан.

И тут вдруг Пудовкин повернулся, увидел эту сцену и закричал:

— Назад! Включайте свет! Съемка продолжается. Оператор! Снимаем! Вот сейчас она в том состоянии, которое нужно для этой сцены!

И вот в таком, чуть ли не полуобморочном, моем состоянии эту сцену сняли. И она действительно получилась.

Но радости у меня не было. Было обидно, что именно у Пудовкина я должна была играть такую роль. Я не чувствовала никакого внутреннего удовлетворения, я страдала.

Работа над фильмом закончилась, и я подумала: ну и слава Богу. Нет больше ни нервов, ни сил.

И вот я иду по студии в таком состоянии, а навстречу мне Сергей Иосифович Юткевич. До того я знала, что есть Юткевич, а

он знал, что есть артистка Лучко, но как-то мы нигде не встречались. А тут он остановился и обращается ко мне как к старой знакомой:

— Клара, я вам хочу сказать очень приятное… Я думаю, для вас это будет хорошей новостью. Я только что из Госкино, вас включили в делегацию, которая поедет на Международный кинофестиваль в Каннах.

Я от неожиданности остолбенела, а он рассмеялся.

— Мне прочитали список. В делегации — Григорий Александров и Любовь Петровна Орлова, Акакий Хорава, грузинский актер, вы и я… А руководить делегацией будет Григорий Александров. Так что готовьтесь, едем в Париж в начале мая.

Я еду в Канны, на фестиваль

Да, мне выпал счастливый билет. Нет, я никогда не играю в азартные игры, даже карты вызывают у меня скуку. Я никогда не покупаю лотерейных билетов, а если они и окажутся у меня случайно, то, как правило, мне не везет. А тут судьба преподнесла мне такой подарок.

Я увижу Париж, я буду на фестивале в Каннах. О чем еще может мечтать актриса? Я ведь нигде до этого не была, разве что в Чехословакии на студии «Баррандов», где снялась в фильме «Три встречи».

Еду домой, улыбаюсь про себя и… Тут же подумала: что я надену? В чем я пройду по знаменитой лестнице на открытии фестиваля? У меня даже и платья, подходящего для такого торжественного вечера, нет.

Я видела кинохронику — Канны, парад звезд, идут мировые знаменитости, популярные актеры… Мужчины в смокингах, белых или черных. С бабочками. Актрисы в роскошных длинных платьях. А у меня такого нет.

Кто-то мне сказал, что в ателье на Кузнецком мосту шьют вечерние платья. Я пришла в ателье. Стали обсуждать, какой подобрать материал, долго спорили и сошлись на том, что лучше всего сшить из органди, цвета слоновой кости.

— Мне нужно, — говорю я, — вечернее платье и чтобы плечи были открыты.

— Клара, да мы сделаем такое, что все попадают от зависти. Будет очень красивое платье. Не беспокойся.

Я попросила, чтобы мне сшили еще костюм: спина открытая и пелерина, отороченная чернобуркой. Тогда это модно было. Если в пелерине, то выглядит строго, а если я вечером в нем выйду — сниму пелерину и буду в открытом платье.

Опять стали спорить и сошлись на том, что мне подойдет темно — синий цвет.

Потом вспомнила, что предстоит еще церемония закрытия. Что же я надену? Иду по Арбату и вижу комиссионный магазин. Может быть, какую-нибудь сумочку вечернюю куплю, туфли, которые подойдут к вечернему платью…

Возле Театра Вахтангова встречаю Людмилу Целиковскую.

— Клара, ты что грустная?

— Мне бы радоваться, — говорю, — но я вся в заботах: еду на Каннский фестиваль, а платья нет… Ну такого, особого, для церемонии.

— У меня есть вечернее платье. Ты же знаешь, в Театре

Вахтангова замечательно шьют.

«Да, — думаю, — но она поменьше ростом, а я высокая». Я на Люсю так посмотрела, что она догадалась, о чем я подумала.

— Да, мое платье вряд ли тебе пригодится. Я — пожалуйста, но вряд ли оно подойдет.

А я от отчаяния говорю:

— Люся, может быть, попробуем?

И мы пошли к ней. Идем, и я про себя думаю: не может быть, чтоб оно мне не подошло.

Целиковская достала платье из шкафа. Юбка длинная из тафты, а лиф — открытый, застегивается на крючки, подчеркивая фигуру.

Боже мой, думаю, ведь этот лиф я не застегну. Юбка — ладно, а это как?

Наряд мне так понравился, что я выдохнула воздух и почти не дышу. Целиковская застегнула крючки, и, о радость, трудно представить, но все подошло. Правда, впритык, но выдержать можно.

Люся удивилась. Она была уверена, что платье вряд ли подойдет. Мы ведь настолько разные…

Да и я, если честно, не ожидала, но была готова втиснуться во что бы то ни стало. Поблагодарила ее, взяла платье и пошла домой.

…Я познакомилась с Целиковской в Одессе, где гастролировал тогда Театр имени Вахтангова.

Мы жили с ней в одной гостинице. Как-то я услышала шум на улице. Подошла к окну и увидела большую толпу людей, они скандировали: «Лю — ся, Лю — ся!»

Это поклонники Целиковской требовали, чтобы она вышла на балкон. Толпа все увеличивалась. И Люся, сияя ослепительной улыбкой, вышла на балкон.

Я впервые видела такую любовь поклонников!

И вот я еду в Канны и везу с собой лучшее вечернее платье Целиковской. Чудеса, да и только…

Через неделю отправилась на Кузнецкий. Но здесь меня ждало разочарование. На платье пошло, по — моему, метров пятнадцать этого органди, потому что сделали плиссированные оборки. И оно получилось громоздким. Фигуры не видно. Все ровное. А плечи, когда я стою спокойно, открыты, но если поднимаю руку, то соскакивает какая-то там резинка, на которой держится это «плечо», и оно сразу доходит мне до шеи. Надо опять поправлять, чтоб были плечи открыты.

Я чуть не расплакалась.

— Ну как же я в этом платье в Канны поеду? Что же будет?

Мне наперебой стали советовать:

— А вы булавкой пристегните.

Платье пришлось все-таки взять…

Как говорится, с миру по нитке — и собрался один небольшой чемодан. Но в молодости огорчения переживаешь легче… Ну да ладно, думаю я, как-нибудь обойдусь… Ну, не буду руку поднимать или… Буду в одном платье ходить, зато увижу Париж, Канны, известных режиссеров, актеров, лучшие фильмы. Это ведь как сейчас в космос лететь, тогда — поехать в Канны.

Наступил день отъезда, мы должны были встретиться в аэропорту. Я подхожу к Орловой:

— Здравствуйте, Любовь Петровна, я Клара Лучко. Я с вами лечу.

— Я знаю о вас, — чуть снисходительно ответила Орлова.

И вдруг я вспомнила Полтаву, вспомнила, как я шла за Орловой по улице, как она спросила меня о букинистическом магазине. Могла ли я тогда предположить, что когда-нибудь вот так встречусь с ней. Не как поклонница, а как актриса. И что я поеду вместе с ней на фестиваль в Канны.

Сначала мы вылетели в Прагу, там нам предстояла пересадка на рейс до Парижа. Любовь Петровна предложила мне посмотреть, как выгружают наши чемоданы, кладут на тележки и везут к другому самолету.

К нам подошел Сергей Иосифович Юткевич:

— Что вы здесь делаете, дорогие мои?

— Да вот смотрим, чтобы наши чемоданы погрузили.

— Ну знаете… — Юткевич даже вспыхнул. — Что за привычка такая… Это же Европа! Куда ваши чемоданы денутся? Идите-ка лучше выпейте соку.

Я промолчала, а Любовь Петровна сказала со значением:

— Ничего — ничего, Сергей Иосифович, мы спокойны, наши чемоданы перегрузили.

Прилетаем в Париж. Нас встречает советник посольства по культуре. А прилетели поздно вечером — часов в одиннадцать. Вещи выгрузили, мы с Орловой быстро свои чемоданы отыскали, а Сергей Иосифович стоит озабоченный.

— Что-то я своего чемодана не вижу.

Еще раз прокрутили багаж — нет чемодана Юткевича.

Любовь Петровна говорит:

— Ну что, Сережа, Европа?

А в чемодане — смокинг для открытия фестиваля. Советник посольства пошел в администрацию аэропорта, написал какое- то заявление. Его успокоили: все будет в порядке. В каком отеле вы будете жить? Чемодан вам туда непременно доставят.

— Я вас провезу по ночному Парижу, — предложил советник. — Не возражаете?

Кто же будет возражать!

Как раз прошел дождь. И после дождя реклама, фонари, бегущие огни — все это отражалось на мокром тротуаре Елисейских Полей.

Я еду по Елисейским Полям. Такая красота, что просто не верилось, что я в Париже. Будто сон.

Позже я не раз бывала в Париже в разное время года. Но всегда вспоминала то первое впечатление: тот Париж я вспоминала. Тот Париж…

Я побывала едва ли не в сорока странах мира, видела Индию и туманный Альбион, пирамиды Мехико и небоскребы Нью-Йорка, африканскую саванну и желтые камни Святой Земли… Но в памяти моей — *тот* Париж.

Нас разместили в небольшом отеле «Монтевидео», в районе Булонского леса. Маленькая гостиница, очень уютная. Домашняя. У меня номер на втором этаже с балконом, который выходил на Булонский лес.

Утром проснулась от цоканья копыт: цок — цок, цок — цок. Посмотрела в окно — на аллеях наездники. И это мне тоже показалось сказкой. Будто не наши дни, а век минувший. Все одеты как полагается для верховой езды. Утренний променад.

В течение дня в отель привозили несколько чемоданов для Сергея Иосифовича Юткевича. Помню, открыли один из них, а там какая-то ветхая шляпка с перьями, письма, пожелтевшие бумаги, старые книги. Что за чемодан? Его в Лондоне отыскали. Он долго там лежал. Решили, это и есть чемодан, что пропал у Сергея Иосифовича. Смотрины окончились ничем.

Вечером посольство устроило прием, а потом наша делегация поехала на вокзал. Мы сели в голубой экспресс, который помчал нас в Канны.

В фестивальной столице наша делегация жила в отеле «Карлтон». Это отель в стиле ретро. На первом этаже в ресторане, в эркере, стоял огромный круглый стол и на нем — красный флажок с серпом и молотом. Стол был зарезервирован на все фестивальные дни для советской делегации. Нам сразу представился главный официант, типичный француз с аккуратными усиками — мсье Пьер…

И началась фестивальная карусель. Наша делегация была в центре внимания. В последние годы я наслышалась много чего о советском кино, что, мол, нас никто не знал, да и вообще было ли у нас в стране кино. Это не так. Советский кинематограф знал весь мир. Во всех киношколах изучали творчество Пудовкина,

Довженко, Донского, Эйзенштейна. И на кинофестивалях к советским фильмам было привлечено внимание зрителей, прессы, зарубежных деятелей кино. У нас был жесткий график, все было расписано по часам. К нам шли американцы и итальянцы, французы и индийцы. Нас приветствовали зрители.

Я в Москве получала тысячи писем. Адрес простой: «Москва, «Мосфильм», Кларе Лучко». А то и просто «Москва. Кларе Лучко». От этого, как теперь говорят, могла и крыша поехать, но меня Бог уберег. Я спокойно относилась к восторгам и даже не понимала, зачем собирать автографы. А в Каннах у входа в гостиницу день и ночь стояла толпа. Мы проходили через нее, и нас атаковали охотники за автографами.

Я писала, писала, писала эти автографы, даже рука уставала. Ажиотаж был не только у отеля. Стоило где-то появиться, моментально собирались люди.

Иду я с нашим переводчиком мсье Момпером по набережной Круазетт. Мое внимание привлек красивый ресторан, огромные зеркальные окна. И только мы задержались на минуту, как нас окружила молодежь. Смеются, кричат: «Автограф, автограф, как вас зовут, откуда вы?»

Мсье Момпер, привыкший к подобному ажиотажу фестивалей, представляет меня:

— Мадемуазель Клара, она из Москвы…

А ко мне уже тянутся руки: «Кляра, Кляра…»

Толпа напирает, я отступаю шаг за шагом, и меня прижимают к витрине ресторана. Я уперлась спиной в это стекло, и… оно затрещало, раскололось на сотни осколков. А я оказалась… внутри ресторана.

Первое мое чувство — ужас.

Я выбила зеркальную витрину, нужно будет заплатить за это огромные деньги, а суточные у нас были мизерные. Я в панике, а вокруг суетятся люди…

Тут как из-под земли появились хроникеры, начали снимать — еще бы! — происшествие на фестивале, на набережной Круазетт.

Ко мне сквозь толпу, я сразу поняла это, пробивался хозяин ресторана. Ну, думаю, пропала, такой скандал! А он расплылся в улыбке, галантно поцеловал руку:

— Мадемуазель, я очень рад, очень рад! Спасибо вам. Вы сделали мне отличную рекламу.

Потом спрашивает:

— Из какой страны вы приехали?

— Из Советского Союза, из Москвы.

— О — ля — ля! Из Москвы! Я приглашаю вас посетить мой

ресторан. Это замечательно. Москва! Благодарю вас, мадемуазель.

Слава Богу, подумала я, все закончилось чудесным образом.

Меня сняли крупным планом, сняли огромную толпу. И получился сюжет, его показали по телевидению. И любопытные приходили в этот ресторан поужинать и посмотреть: где же случилось такое необычное фестивальное событие?

Пресса баловала меня своим вниманием. Чуть ли не ежедневно в журналах, газетах мелькали мои фотографии. Одно издание, выходившее в Каннах во время фестиваля, посвятило мне целую страницу, написав, что Клара Лучко, советская актриса, в первые три дня фестивальной лихорадки популярностью превзошла Мишель Морган. Была помещена огромная фотография: я раздаю автографы.

А еще обо мне писали: «прелестная актриса из Москвы со свежестью пастушки». У меня тогда был румянец во всю щеку, и журналисты заключали пари — натуральный это румянец или искусный макияж. Один взял платочек и спросил, может ли он потереть мою щеку. Я, признаюсь, уже освоилась, подставила щеку.

— Силь ву пле… Пожалуйста.

Тут подошли другие.

Фестиваль подарил мне множество интересных встреч. И не только с популярными актерами кино. Были личности просто фантастические.

Так, мы познакомились с Ага — ханом — вождем исмаилитов, представителем одного из самых аристократических родов Востока и Запада. Носителем высшей мудрости, как его величали, ибо ему передается благодать пророка. Он дает исмаилитам наставления, и они имеют силу духовного закона. Мне трудно было понять разницу между суннитами и шиитами — приверженцами главных ветвей ислама, а ведь исмаилиты — это ветвь шиитов… Я запомнила жену Ага — хана, француженку, дочь обыкновенного трамвайного вагоновожатого, которая приняла мусульманство.

Когда она шла во Дворец фестивалей, то все расступались, освобождая ей путь, и репортеры бросали звезд, и камеры направлялись на нее. Она шла спокойно, величаво, и сразу чувствовалось — идет Женщина. Даже не просто Женщина, что-то в ней было магическое, таинственное, это завораживало окружающих.

Мы с ней познакомились, и нам пришло приглашение посетить виллу Ага — хана.

Что тут началось! Ни одного корреспондента не пригласили,

на фотосъемку было наложено табу. Мы понимали: не каждая делегация удостоится такого внимания.

За нами прислали машину, извинившись, что она выпуска прошлого года. Я тогда не водила автомобиль, тем более не разбиралась в марках, но заметила, что салон был обит нежнейшей лайковой кожей светлых тонов.

Неподалеку от Канн мы увидели белоснежную виллу с колоннами, увитыми розами. И ступеньки, которые шли от виллы к морю, тоже были в розах. Этакая симфония из вьющихся роз.

Хозяева встретили нас радушно, без чопорности, но во время обеда за каждым из нас стояли по два официанта. Не успеешь попробовать, а уже меняются приборы. Даже мясо было инкрустировано какими-то восточными узорами.

Благодаря Сергею Иосифовичу Юткевичу, который прекрасно говорил по — французски, и Любови Петровне, которая знала английский, у нас получилась легкая беседа.

Любовь Петровна вообще не терялась нигде. Она разговаривала с Ага — ханом и его женой, как будто только вчера с ними простилась и на следующий день вновь пришла к ним в гости.

После обеда все переместились в гостиную, пили кофе, разговор был общий, потому что хозяева о нас ничего не знали, да и мы о них тоже.

Принцесса сказала, что собирается в Москву. Ей очень хотелось познакомиться с нашей столицей. Она взяла слово с Сергея Иосифовича и с меня, что, когда приедет, мы непременно позовем ее в гости. Я пообещала, но мне тогда это показалось нереальным.

Когда мы возвращались в гостиницу, то увидели залегших в кустах репортеров. Они пытались сфотографировать хотя бы автомобиль, в котором мы ехали.

Дня через два Григорий Васильевич Александров признался:

— Я не знаю, куда фотопленку спрятать.

Дело в том, что он с разрешения Ага — хана и его жены снимал нашу встречу.

— Боюсь, что пленку украдут. Я прихожу в отель и чувствую, что кто-то рылся в моих вещах.

Действительно, Александрову предлагали большие деньги всего лишь за один негатив.

Газеты много писали о нас, в том числе и всякую чепуху. Будто мы привезли с собой столько черной икры, что Ага — хану подарили чуть ли не бочонок.

Нас приглашали то на дегустацию сыров, то на вечерний раут в старинном замке. Я даже не представляла, что все это может

быть в жизни.

И только в Каннах узнала нравы желтой прессы: сижу в номере, вдруг легкий стук в дверь, открываю, — врывается человек, отталкивает меня, открывает дверцы шкафа и начинает фотографировать мой нехитрый гардероб. Я онемела, не знала, что сказать, а он все снял и так же проскочил мимо меня в дверь, даже не попрощавшись.

У нас был прекрасный переводчик, добрый, отзывчивый человек. Он сразу понял, что я стараюсь из трех платьев изобрести двадцать нарядов. Однажды он говорит:

— Мадемуазель Клара, моя мама портниха.

У меня был красивый шарф из настоящего венецианского кружева. Я купила его по случаю в московском комиссионном магазине.

— Вы меня извините, но, если вы пожелаете, моя мама сделает из вашего шарфа нечто бесподобное.

А тогда только входили в моду платья без бретелек. На чем все держалось, я даже не понимала.

Мы поехали. Я отдала маме переводчика этот шарф, и на следующий день она сделала мне модный лиф.

Потом нас посетила какая-то дама и преподнесла в подарок бижутерию. Получился роскошный, ослепительный наряд. Когда я, немного оробев, спустилась в холл, портье даже присвистнул:

— О ля — ля, мадемуазель!

Я покраснела…

Встречи в Каннах продолжались, и однажды Юткевич сказал, что завтра нас ждет Пабло Пикассо.

И мы помчались на авто в маленький городок — там была керамическая фабрика великого художника. В своей мастерской нас и встретил Пабло Пикассо.

Мы остановились перед ним и стоим. Словно его разглядываем. И вдруг Любовь Петровна бросилась к нему на шею:

— Паблуша!

Они обнялись, а мы все засмеялись, и все сразу переменилось.

Пабло Пикассо нам показал продукцию фабрики и каждому сделал подарок. Мне он подарил овальное блюдо, а на нем несколько черточек. Две черточки — глаза, больше, меньше, еще меньше — рот. И какие-то еще черточки. На первый взгляд, примитивно до невозможности, но, тем не менее, вот уже столько лет висит у меня на стене это блюдо. Я просыпаюсь иногда, погляжу, и такое впечатление, что на меня смотрят глаза, в которых доброта и мудрость Иисуса.

Пикассо оказался крепышом в вельветовых джинсах, довольно потертых, рубашка в клетку, вокруг шеи повязана пестрая косынка.

Мне запомнились его глаза. Как два черных угля. Горящих, проникающих в глубину души. Вот такие были у Пикассо глаза.

Пикассо показал нам памятник пастуху: в руках у пастуха кувшин, а рядом овечка.

Потом повел нас в часовню. Маленькая часовня, которую он расписывал. На одной стене — атомная война, на другой — мир: женщина кормит грудью ребенка. Символы земли, жизни, материнства, счастья. На меня это произвело огромное впечатление.

Спустя много лет я была в городе, где прошла юность художника. Это Барселона — по — моему, один из самых красивых городов Европы. И там, в Барселоне, есть удивительный музей Пикассо. Ранние, еще ученические работы — реалистические портреты, полотна, относящиеся к «розовому» периоду его творчества. Была я и в музее Прадо, в испанской столице, где есть специальные залы Пикассо. Но я отчетливо помню, как сильно меня взволновало то, что я увидела на керамической фабрике и в часовне. Видимо, магические флюиды, которыми Пикассо, бесспорно, обладал, задали мне какой-то особый импульс восприятия, и я запомнила это на всю жизнь.

Пабло Пикассо тепло распрощался с каждым из нас и сказал:

— Зовите меня Пабловский…

Дня через три советник посольства по культуре сказал, что рабочие фабрики, которую мы посетили, просят кого-нибудь из советской делегации приехать к ним и выступить. У них будет праздник, и они очень хотят видеть советских артистов.

Ну кто должен поехать? Конечно, Клара.

— Ты у нас самая молодая, тебе это очень интересно. Согласна? — Любовь Орлова, казалось, была уверена в ответе.

Что мне оставалось? Конечно, согласна.

Советник по культуре решил меня на всякий случай проинструктировать.

— Клара, вы расскажете о Москве, о ее истории, не забудьте о квартплате, она у нас самая низкая в мире. Как промышленность развивается и так далее. И не забудьте сказать, что Москва — порт пяти морей…

Мне приставили переводчика, и мы поехали с ним на фабрику. Я приоделась как положено, думаю, сейчас речь буду держать.

Народу в зале полным — полно. Приехал мэр этого маленького городка. Он открыл встречу короткой речью:

— У нас сегодня — праздник. К нам приехала гостья из Советского Союза, из Москвы. Посмотрите на эту молодую прелестную актрису. Вы можете подойти к ней, потрогать ее и даже поцеловать. И взять у нее автограф.

После такого вступления рассказывать о том, что Москва — порт пяти морей, было бессмысленно. Да я об этом сразу же забыла. На сцене выстроилась очередь, и каждый, кто поднимался, преподносил мне маленький подарок: розочку керамическую, пепельницу, кувшинчик…

Очередь нарастала, и каждый прикладывался к моей щеке под бурные аплодисменты и радостный свист собравшихся.

Тут же я раздавала автографы.

В Каннах я познакомилась с художницей Надей Леже, женой знаменитого французского художника Фернана Леже.

Надя была родом из бедного белорусского села. История ее жизни уникальна. С детства она мечтала учиться рисованию. В ее биографии — учеба в Варшаве, мытарства в Париже, где, наконец, она поступила в школу Фернана Леже и осталась там навсегда. Она талантливая художница, ее работы широко известны и в Париже, и в Москве.

Когда возвращались из Канн, в Париже получили приглашение на обед в мастерскую Фернана Леже на Нотр — Дам де Шан.

Фернан Леже в начале двадцатых годов познакомился с Маяковским, затем подружился с Эйзенштейном. Он чтил их как крупнейших мастеров революционного искусства, к которому причислял и себя. В мастерской он показал нам фрагменты «Сталинградской битвы», над которой в ту пору работал.

— Документасьон, — говорил он, показывая вырезку из газеты. На ней — фотография пленения фашистов под Сталинградом.

Полотно было во всю стену мастерской. Маэстро бодро взобрался на лестницу и сказал, что вот так начинает свой рабочий день в шесть утра. По виду он напоминал крестьянина, глубокие морщины прочерчивали его обветренное лицо.

Оказалось, он смотрел «Кубанских казаков», его поразили буйство красок и темперамент режиссера. Леже выбрал женский портрет, выполненный из керамики, и подарил мне.

— Она похожа на тебя, Клара, — сказал он.

Этот портрет с теплой дарственной надписью — посвящением — висит у меня на стене рядом с работой его друга и единомышленника Пабло Пикассо.

Именно с Канн, с Парижа началась моя многолетняя дружба с Надей Леже.

Она часто приезжала в Советский Союз, где у нее отыскалось много родственников. Мы обязательно встречались в каждый ее приезд.

Как-то мне позвонила Лиля Брик. Она только что вернулась из Парижа, где жила ее сестра — писательница Эльза Триоле, жена Луи Арагона.

— Клара, я навестила Фернана Леже. Он спрашивал о тебе и передавал привет… Это было за два дня до его смерти.

Помню, как Надю Леже и ее нового мужа, Жоржа Бокье, министр культуры СССР Екатерина Фурцева пригласила в Москву и этот визит совпал с посещением Хрущевым выставки в Манеже, где он разгромил работы художника Фалька.

Скандал в Манеже Надю Леже не только насторожил, но и напугал. В тот вечер Надя и Жорж долго не могли уснуть в гостинице «Националь», а когда заснули, услышали взрыв. Они вскочили и, ничего не понимая, бросились к окну, в страхе думая, что началась стрельба. Но тут же увидели, что трехлитровая стеклянная банка с квашеной капустой, привезенная родственниками из Белоруссии, взорвалась от тепла…

В тот приезд Надя почувствовала, что друзей в Москве у нее поубавилась. Наступало Рождество, а в гости никто не пришел.

Я купила маленькую елочку, набор игрушек и поехала в «Националь». Мы вместе отметили то Рождество.

Летом следующего года Надя с Жоржем Бокье и двумя сыновьями руководителя коммунистов Франции Мориса Тореза — Жаном и Полем — решила путешествовать на машине по СССР. Они побывали в ее родной деревушке Зембин, посмотрели Смоленск и приехали в Москву. Дальше их путь лежал на Украину.

Я позвонила папе в Полтаву, и всех парижан приняли в нашем доме. Баба Киля угостила французов настоящим украинским борщом.

Надя побывала в одном из полтавских детских домов и взяла над ним шефство. До самой своей кончины она присылала своим подопечным подарки…

Надя всегда внимательно смотрела на портрет, подаренный мне Фернаном Леже. Особенно ее умиляла дарственная надпись.

Так Канны одарили меня не только памятными встречами, но и добрыми друзьями.

Нас пригласила в гости актриса Симона Синьоре. И там же, в Каннах, встретила я Марину Влади, которой тогда было, по-моему, лет шестнадцать, не больше. Она снялась чуть ли не в первой своей картине — о жизни послевоенной молодежи, травмированной и неприкаянной.

Марина сама подошла к нам, представилась, рассказала необычную историю сестер Поляковых (это ее настоящая фамилия). Она сказала, что режиссер, у которого она снималась, едет в Москву на фестиваль и приглашает ее. Ей очень хотелось бы посмотреть Москву, но вот мама опасается, не случится ли с ней чего-либо, не арестуют ли ее в Советской России. Мы посмеялись, успокоили, советовали приехать.

Через некоторое время я встретила Марину в Венеции. Она уже стала известной актрисой. Марина Влади пригласила нас на премьеру своего фильма и на прием.

Я была несколько удивлена: зал Дворца фестивалей полон, а Марины Влади все нет.

Но вот она появилась, медленно, гордо прошествовала по проходу, в руках у нее была норковая накидка. Она небрежно держала ее, а сама с наивно — виноватым видом смотрела в зал. Подошла к своему креслу и в микрофон сказала, что просит извинить ее… Она очень волновалась перед премьерой и потому опоздала. И зал ей рукоплескал как ни в чем не бывало… Звезда, оказывается, имеет право опаздывать…

Не могу не вспомнить об одном эпизоде в Каннах, который неожиданно получил продолжение. В программу Каннского фестиваля входил и показ студенческих режиссерских работ. Для участия в нем прилетел директор ВГИКа Владимир Николаевич Головня. Мы обедали с ним, обсуждали последние новости и так увлеклись беседой, что не заметили, как остались за столом втроем — Владимир Головня, Любовь Орлова и я. Появился наш официант мсье Пьер с помощником, парнишкой лет шестнадцати, который нес кипяток для чая. Он споткнулся о ковер и… кипяток ошпарил мне ногу. Я закричала от боли. Кричу, а сама думаю: «Кричу как кипятком ошпаренная».

Ресторан респектабельный, публика богатая. Никто даже не обернулся в нашу сторону. А боль была такая, что я выскочила из-за стола и помчалась в номер. За мной — Любовь Петровна.

Через несколько минут в моем номере появился хозяин ресторана, с ним официант мсье Пьер и насмерть перепуганный его помощник. Хозяин выразил сожаление о случившемся, вручил мне розы в необычайно красивой прозрачной упаковке и заявил о готовности не только заплатить мне деньги за причиненный ущерб, но и уволить помощника мсье Пьера.

Я, как нормальный советский человек, ответила, что платить мне ничего не надо, и попросила не увольнять парнишку. Конечно, хозяин с радостью согласился, сообщил, что вызвал врача, и удалился.

Вечером, как всегда, наша делегация пришла в ресторан на

ужин. Обычно была такая церемония. Официанты выстраивались в шеренгу, и каждый провожал своих гостей к столу. На этот раз, как только я появилась, все официанты стали аплодировать. Так они выразили свою благодарность за то, что их товарища не уволили.

Все оставшиеся дни я получала самое вкусное сверх того, что мне полагалось. Мсье Пьер незаметно приносил блюда, накрытые салфеткой, и молча ставил передо мной.

Прошел год. Возвращается из Канн директор «Мосфильма» Сурин и, встретив меня, говорит:

— Сижу я в ресторане, подходит ко мне официант и спрашивает: «Как поживает мадемуазель Кляра? Прошу вас, передайте ей привет». Я, конечно, удивился…

Я выслушала рассказ директора и рассмеялась, ничего не объяснив ему.

Потом мне не раз передавали привет из Канн — и актеры, и режиссеры.

Наконец, через несколько лет в Каннах вновь побывал Владимир Николаевич Головня, очевидец того давнего происшествия. По приезде он позвонил мне:

— Клара, твоя история продолжается. Сидел я за тем же столом, обедал с одной очень известной актрисой и рассказал ей о случае, который тогда произошел. В это время появляется официант мсье Пьер и спрашивает: «Как поживает мадемуазель Кляра? Мы всегда будем помнить ее благородный поступок». Представляешь, Клара, как была удивлена моя собеседница?

Есть в Каннах такая традиция — «битва цветов». На набережной Круазетт выстраиваются тысячи зрителей. У них в руках корзиночки, в них маленькие букетики цветов. А мы, артисты, — на открытых машинах. На радиаторе нашей машины — сделанный из белых цветов голубь мира. Проезжаем по набережной, нам бросают цветы, и мы бросаем свои букетики в публику. Восторг, крики, аплодисменты. Вот это и есть «битва цветов».

Бесконечные встречи, пресс — конференции, необычные знакомства — легко представить, что это значило для меня, молодой актрисы. Париж… Канны…

Я даже не расстроилась из-за того, что фильм «Возвращение Василия Бортникова», в котором я снималась, не был удостоен наград фестиваля. Видимо, в Госкино решили, что само имя Всеволода Пудовкина будет гарантией успеха. Кстати, и дирекция фестиваля взяла фильм безо всяких препятствий. Ведь Пудовкин — классик мирового кино.

Но все-таки Канны меня приметили и наградили. Но это было

уже на следующий год.

Фильм Иосифа Хейфица «Большая семья», снятый на «Ленфильме», был отмечен специальным призом за лучший актерский ансамбль. Даже сейчас, по прошествии многих лет (а фильм нередко показывают по различным телеканалам), зрители смотрят его с интересом, вспоминают любимых актеров, составляющих цвет нашего кинематографа: Борис Андреев, Алексей Баталов, Павел Кадочников, Сергей Лукьянов, Екатерина Савинова, Николай Гриценко…

Вот какая большая актерская семья была собрана на одной съемочной площадке Иосифом Ефимовичем Хейфицем, чтобы быть отмеченной в Каннах.

«Двенадцатая ночь»

В моей трудовой книжке одна — единственная запись: «Студия «Мосфильм». Театр киноактера. Актриса». Вот и всё. Кадровики скрупулезно заносили в мой служебный реестр какие-то благодарности и грамоты…

Все правильно, но, пожалуй, скучновато.

Я работала в Театре киноактера, но каждая новая картина означала, что я на время съемок перехожу в коллектив очередной съемочной группы, а после окончания работы возвращаюсь снова в Театр киноактера.

За свою творческую жизнь на каких только студиях я не снималась: «Ленфильм» и Киностудия имени Довженко в Киеве, Одесская киностудия и Ялтинская, «Молдова — фильм» и Ташкент, «Беларусьфильм» и Будапешт, «Ма — фильм», студия «Баррандов» в Чехословакии.

А если к этому добавить киноэкспедиции, концерты и фестивали, творческие встречи, то это чуть ли не весь Советский Союз — от Калининграда до «полюса холода» Оймякона, от Еревана и Баку до Карпат, от Измаила до Алма — Аты…

И все же с особой теплотой я вспоминаю «Ленфильм»…

Еду на съемки фильма «Большая семья» и в вагоне поезда Москва — Ленинград «Красная стрела» встречаю Надю Русанову, ассистента режиссера, с которой мы были знакомы.

— Клара, ты мне нужна, — говорит она. — Режиссер Ян Борисович Фрид начинает пробы к картине «Двенадцатая ночь» по Шекспиру. Есть роль для тебя, ты подойдешь. Вот почитай сценарий, а я поговорю с режиссером. Если Ян Борисович согласится, мы пригласим тебя на пробу. Ты этого еще никогда не играла… Два близнеца — брат и сестра. Юноша и девушка…

Я, конечно, обрадовалась, но про себя подумала: как можно Шекспира играть без репетиции? В театре чуть ли не год репетируют, когда ставят Шекспира. Как это с ходу можно сыграть, да еще две роли? А надо и фехтовать, и ездить верхом…

Прошло дней пять, я снимаюсь в «Большой семье», и вдруг в павильоне появляется Надя Русанова.

— Ты завтра занята на съемках?

— Нет, — отвечаю, — у меня свободный день.

— Прекрасно. Приходи к нам в группу. Поищем грим близнецов — брата и сестры, и мы тебя снимем. У нас идут только фотопробы…

Хотя меня и одолевали сомнения, я все же решила: рискну.

Долго искали грим и костюмы. «Ленфильм» славился

замечательными мастерами, которые великолепно шили классические костюмы.

Сначала я снялась в одном гриме, Себастьяна: сделали мне нос с горбинкой, густые брови, чтобы лицо было более мужественным. А потом сделали грим на Виолу — красивая прическа, роскошное платье. А когда Виола переодевается в мужской костюм — грим Цезарио.

Я так увлеклась, что перестала думать о том, возьмут или не возьмут, настолько процесс работы меня захватил и увлек. Ведь прежде я не снималась в классических ролях…

Сделали фотопробы, и на том все кончилось. Увы, на многие месяцы.

Я закончила работу в «Большой семье», вернулась в Москву, идет день за днем, но мне никто не звонит. Вызовут меня на кинопробу, не вызовут? Кто знает!

Поставила фотографии на туалетный столик, смотрю на них… И жду.

А может быть, уже снимают картину без меня? А может быть, ее закрыли?

Так в томительном ожидании прошло лето и наступила осень. То ли простудилась, то ли перенервничала, но я заболела. У меня начался гайморит, голова просто раскалывалась, пришлось делать уколы.

Зазвонил телефон. Снимаю трубку:

— Вас вызывает Ленинград.

Слышу голос Нади Русановой:

— Клара, срочно собирайся, мы уже снимаем картину, а у нас нет актрисы на эти две роли.

Я была поражена. Как можно начинать съемки, когда нет главной героини? Странно.

— Надя, — говорю, — я болею. Мне делают уколы.

— Ничего страшного, — отвечает Надя. — Возьми с собой лекарства, и здесь, на студии, тебе будут делать уколы.

Я знала: в кино, когда надо, делают все мыслимое и немыслимое: и лечат, и везут к врачам, лишь бы только актриса снималась.

Еду в Ленинград. Прихожу на студию, и мне все становится ясно. Актрису утвердили, но художественный совет после просмотра материала снял ее с роли.

Тут вспомнили обо мне и предложили художественному совету. Но послышались возражения:

— Лучко? Нет, не подойдет. Она же с Украины, у нее даже акцент чувствуется. Как она может играть Шекспира? Нет, это невозможно.

Однако Ян Борисович Фрид стоял на своем и упросил художественный совет разрешить снимать меня до первого просмотра. Если члены художественного совета согласятся, я останусь. Если же нет, меня уберут с роли.

Так я начала сниматься в «Двенадцатой ночи». В картине были заняты замечательные актеры: Яншин, Меркурьев, Медведев, Лукьянов, Фрейндлих, Вицин. Для них это был знакомый материал, они играли это в театре. И только Алла Ларионова — Оливия, так же как и я, впервые в жизни прикоснулась к Шекспиру.

Моя первая сцена была как раз с ней. Мы так обе волновались, что я даже не поняла, как сыграла. Но сцену сняли. Потом вторую, третью… И остановились в ожидании художественного совета.

Сколько было волнений, но, вопреки прежним сомнениям, на роль меня утвердили единогласно.

Пришла пора других забот: учиться фехтованию, брать уроки верховой езды.

Пригласили на студию заслуженного мастера спорта Коха. Он преподавал фехтование в театральном институте. Сказали:

— Вот актриса, она должна фехтовать, и, пожалуйста, просим вас ее научить.

— Сколько у меня времени? — спросил Кох.

— Недели три, в крайнем случае месяц.

— Как можно за этот срок научить фехтовать? Но давайте так: на крупном плане она начнет фехтовать, а на общем плане все сделают мои студенты. Мы найдем похожих на Лучко. И все будет отлично.

Но тут уже я вмешалась:

— Я все делаю сама. Я вас прошу, я буду примерной ученицей.

— Хорошо. Но вам придется приезжать в институт и заниматься вместе со студентами. Устроит?

— Согласна, — сказала я.

Я ежедневно снималась то в роли Себастьяна, то в роли Виолы. А каждый грим занимал у меня полтора часа.

К концу дня я уставала смертельно, но после тяжелейших съемок упорно ездила в институт вместе со студентами заниматься фехтованием.

Поначалу у меня уставали ноги — приходилось работать все время на полусогнутых. Помню, Кох отвернется — я выпрямляю ноги, надо же хоть немного отдохнуть. А Кох следил за мной и — раз! — шпагой по коленкам!

— Если пришла, так делай как следует.

— Хорошо, — отвечала я, как ученица. А внутри у меня закипала такая злость… Я с трудом сдерживалась.

Наступило время, и Кох сказал:

— По — моему, все нормально. Давай попробуем.

Я взяла шпагу, а сама думаю: умею я или не умею, но тебя этой шпагой обязательно проткну. И бросилась в атаку.

Кох остановился и говорит:

— У тебя прекрасные спортивные качества. Главное — есть воля к победе. А это самое важное.

«Говори, говори, — думаю я, — знал бы ты, какая у меня воля к победе».

Но, тем не менее, оказалось, что у меня и реакция хорошая, и руки длинные — в общем, есть все, что нужно для фехтования. Мы подружились, я была благодарна мастеру за его уроки, да и себя зауважала — все-таки у меня действительно есть воля к победе.

Оставалось научиться ездить верхом. В Ленинграде это не удалось. Я сказала директору картины:

— Я никогда близко не подходила к лошадям. И если честно, то я их боюсь.

— Ничего, — успокоил меня директор. — Приедем в экспедицию, возьмем тренера, научишься ездить верхом, а тогда и снимать будем.

Приезжаем мы в Ялту, и через день мне сообщают:

— У вас завтра съемка. Вы подъезжаете верхом к замку Оливии.

— Как? Вы мне обещали, что будет тренер…

— Что делать? Он не приехал, хотя и договаривались. А съемку отложить невозможно.

…В Ялте к нашему приезду построили замок на высокой горе. Видно море, голубое небо. Актеры в старинных костюмах.

Отдыхающие уже с утра приходили, садились в кружок и наблюдали за съемкой. Для них все было интересно.

А я ни о чем не думала, я боялась.

— Да не переживай ты, — говорил директор. — Это такая кляча… На ней возили бочки с водой. Надо только подъехать к воротам, лихо соскочить — и всё…

Привели лошадь. Стоит такая понурая, голову повесила. Думаю, да чего я боюсь… Раз надо — значит надо.

Лошадь почистили, расчесали гриву и хвост, надели на нее красивую сбрую, и она вдруг превратилась в приличную лошадку.

Сначала помогли мне сесть в седло. А у меня сапоги со шпорами, шпага, плащ — с непривычки все это цепляется, мешает.

Я немного потренировалась, уже без чьей-либо помощи соскакивала с седла, приспособилась с плащом и шпагой и почувствовала, что готова.

Режиссер говорит:

— Будем снимать. Приготовились!

Конюх видит, что сейчас все начнется, а лошадь, видно, притомилась — стоит, опустила голову, глаза закрыла. Он решил ее немножко взбодрить и ударил хворостиной по крупу. Лошадь подхватилась — и рванула… в галоп.

Я не ожидала, одна нога у меня из стремени выскочила, а лошадь понесла в горы.

Я чувствую, что пропала. Ухватилась за гриву, но съезжаю набок. Одна нога только в стремени. Думаю, ну всё…

Но тут у меня какой-то черный юмор появился! Я вспомнила, что внизу татарское кладбище, там меня и похоронить могут.

Вдруг передо мною возник какой-то человек, изловчился, схватил лошадь под уздцы. И остановил. Помог мне слезть, а у меня коленки трясутся, я даже ничего сказать не могу, только показываю, что нам надо идти вниз.

А на съемочной площадке все спокойно. Отдыхающие решили, что все идет по плану, актриса поскакала в горы, значит, так и надо.

Один только директор, вместо того чтобы послать за мной, как-то организовать мое спасение, бегал, всплескивая руками и причитал: если с ней что-нибудь случится, будут неприятности, полкартины уже сняли… Что делать? Деньги-то уже истрачены.

Увидев меня, подлетел со словами:

— Ты знаешь, сколько ты могла бы нам стоить!

И ни слова о том, как я себя чувствую.

Но, как говорится, нет худа без добра. Через день приехал тренер, и начались занятия.

Верховая езда — это замечательно. Я часто думаю: чего же я не сделала в жизни? Я могла бы заниматься конным спортом. Можно было продолжать учиться фехтованию. Но ни того, ни другого я не сделала, о чем и сожалею. Я о многом сожалею, потому что в свое время многое упустила. Так, например, я водила автомобиль, но после аварии решила больше не садиться за руль…

Сниматься в «Двенадцатой ночи» было сложно. Я все время терзалась мыслью, правильно ли я играю. Режиссер — добрый и милый человек, но он ограничивался общими установками. А вот как конкретно решить ту или иную сцену, мы с Аллой Ларионовой думали сами. К счастью, наши партнеры, прекрасные актеры Яншин и Меркурьев, помогали нам.

Но в конце концов все страхи улеглись, и картина была снята.

Меня пригласили представить фильм «Двенадцатая ночь» на Эдинбургском фестивале. Фильм еще не вышел на экраны нашей страны, но все были уверены, что он достоин быть представленным на международный фестиваль.

Признаюсь, я летела в Лондон и думала с тревогой о том, как примут Шекспира из России на его родине. Тогда в Великобритании организацию «Совэкспортфильм» представлял Н. Ф. Садкович, бывший министр кино Белоруссии. Он был человеком обаятельным, обладал добрым юмором. Когда я поделилась с ним своими сомнениями, он как отрезал:

— Да не переживай, Клара. Все будет хорошо. Увидишь, победа будет за нами. Ты лучше скажи, как тебя представить фотографам и репортерам? Нам нужна реклама.

Мы стали думать, как же мне предстать перед прессой, чтобы это было необычно и эффектно.

В «Совэкспортфильме» был небольшой внутренний дворик с качелями. Я уселась на них.

— То, что надо! — воскликнул Садкович. — Как только фоторепортеры появятся, ты не обращай на них внимания, пусть они снимают тебя на качелях.

Мы посмеялись, но так и поступили.

Корреспондентов прибыло много. Я раскачиваюсь на качелях, улыбаюсь, а мне смешно, потому что я как бы играю в придуманную игру. И получились необычные фото. Они появились во всех крупных британских газетах.

Садкович был доволен. Он сделал рекламу и для меня, и для «Совэкспортфильма».

— Вот видишь, в газетах, — говорил он на следующий день, — политическим деятелям на фотографиях отрезали даже уши, чтобы поместился твой портрет.

Газеты напечатали репортажи, интересные фотографии. И ни одного недоброго слова, что по тем временам было редкостью.

На машине мы отправились в Эдинбург.

— Смотри, Клара, — сказал Садкович, — тебе оказывают почести британские «бобби». Полицейская машина следует за нами…

Полицейские передавали нас из рук в руки. Когда мы остановились в маленьком городке, как и было определено заранее, в гостинице мест для нас не оказалось. Но тут же появился старший группы сопровождения.

— Вы забыли забронировать номер. Мы это сделали за вас. Всё в порядке.

Подъехав к Эдинбургу, мы дружески распрощались с

симпатичными «бобби».

Премьера «Двенадцатой ночи» прошла с большим успехом. Шекспироведы дали высокую оценку нашей картине. Они хвалили меня, Аллу Ларионову и Георгия Вицина.

А я так боялась, что же обо мне напишут. Ведь когда-то в Америке тоже сняли «Двенадцатую ночь», где роль Виолы играла великая английская актриса Вивьен Ли.

На Эдинбургском фестивале никаких премий не присуждали. Мы обрадовались, узнав, что во время фестиваля наш фильм купили.

Эдинбург красивый старинный город, свято соблюдающий традиции. Мы побывали в замке Марии Стюарт. Я поразилась, как здесь можно было жить — сырость, каменные стены, огромные камины…

Ко мне с самого начала прекрасно отнеслись в советском посольстве, я выступила перед сотрудниками; после премьеры в Эдинбурге, когда посол узнал о большом успехе фильма, посмотрел британскую прессу, он распорядился, чтобы нас с Садковичем опекал советник по культуре.

Поэтому вторая поездка в Эдинбург, на закрытие фестиваля, стала более представительной. Правда, как всегда, вмешался денежный вопрос.

В первую поездку мы жили в пятизвездочном отеле. А когда прошла премьера и деньги, отпущенные на проживание, кончились, пришлось снять комнаты в коттедже у какой-то хозяйки.

На первом этаже жил студент из Индии, он учился в Эдинбургском университете. Он был вежлив, всегда с нами здоровался, говорил, что рад познакомиться с советскими людьми, что впервые увидел русскую актрису.

Садкович, человек с юмором, как-то говорит ему:

— Ну что ты все стоишь, говоришь хорошие слова, а ничего не делаешь. Актрисе надо погладить вечернее платье. Помоги ей.

Студент кивал и с удовольствием помогал мне гладить.

А потом Садковичу пришла в голову идея брать студента на приемы.

— Это будет великолепно. И он будет счастлив. Представляешь, появляешься ты, а за тобой, как верный паж, индиец несет твой лиловый шарф.

Студент стал ходить с нами на приемы, и это вызвало новый интерес прессы.

Фестиваль закончился, мы вернулись в Лондон. Надо было подготовиться к отъезду в Москву.

Нас приехал провожать советник по культуре. Он сказал, что

какой-то индийский студент постоянно звонит в посольство, хочет подарить русской актрисе томик стихов Рабиндраната Тагора.

— Клара Степановна, — назидательно продолжил советник, — ваша делегация сделала огромное дело. Но почему вы так невнимательны к братскому народу Индии?

Мы с Садковичем рассмеялись:

— Мы любим народ Индии, мы приглашали студента на приемы. Пусть он оставит книжку в посольстве, а вы пришлите ее в Москву.

Книгу Тагора так и не прислали. Зато я получила письмо от студента. Он писал, что скоро заканчивает университет, но хотел бы продолжать образование в России, изучать сельское хозяйство. Он просил прислать ему деньги на дорогу и написать обязательство, что я буду его содержать. И больше беспокоить он меня не будет…

Я подумала: ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Много лет минуло с той поры, когда на родине Шекспира я получила признание: во всех британских справочниках «Кто есть кто» есть и моя скромная биография, и я каждый год получаю анкету, чтобы сообщить: нет ли каких-либо серьезных изменений. А в 1999 году я получила из туманного Альбиона особое свидетельство: Международный биографический центр в Кембридже назвал меня «Женщиной тысячелетия» за заслуги в мировом кинематографе.

И это все благодаря фильму «Двенадцатая ночь» и режиссеру Яну Борисовичу Фриду. Он дожил до преклонных лет и в последние годы жизни, как многие деятели искусства, оказавшиеся никому не нужными в своем отечестве, вынужден был уехать на местожительство в Германию. Я счастлива, что в 2004 году смогла полететь к нему на юбилей и сказать добрые слова. Он тоже был счастлив, когда мы, группа известных актрис России, снимавшихся в его картинах, вывели его на сцену, а многотысячный зал стоя аплодировал мастеру.

Вскоре после юбилея он занемог и умер. Мастер умер, но фильмы, снятые им, живут и продолжают победное шествие по экранам. Через годы, через десятилетия.

Бродяга я…

Фильм «Двенадцатая ночь» проложил мне дорогу не только в Англию, но и в Индию. На фестиваль советского фильма полетела представительная делегация — Людмила Касаткина, Сергей Юткевич, Николай Крючков, Иосиф Хейфиц, Сергей Столяров. Руководил делегацией начальник главка Госкино Игорь Рачук.

Только мы расположились в салоне самолета, как Рачук ошарашил меня новостью:

— Вот ты летишь в Индию, а не знаешь, что завтра Театр киноактера будет закрыт.

— Как?

— Решили, что его дальнейшая жизнь нецелесообразна. Не очень-то он и нужен.

— Как не нужен? — вскипела я. — Он нужен киноактерам и зрителям. У нас всегда аншлаги.

— Ну, конечно, аншлаги… Поставили сомнительную пьесу «Раки», которую сняли с репертуара во всех театрах. Наверное, это и было последней каплей, которая решила судьбу театра…

— А почему же вы мне говорите об этом в самолете?

— А ты представляешь, что начнется, когда узнают о приказе? Начнутся звонки, пойдут ходатаи… А я в Индии… А когда волна схлынет, все успокоятся, я и вернусь.

Меня это поразило. Во — первых, я даже не представляла себе, как можно жить без театра. Это было спасение для киноактеров, последняя пристань для тех, кто не снимался. Да и для тех, кто был занят, тоже была поддержка. В перерывах между съемками хотя и половинную, но платили зарплату. Как это так — закрыть театр? Как можно жить без Били Ароновны, маленькой худенькой женщины, на плечах которой были все заботы театра? Нас было чуть ли не триста человек, но она знала всё — куда уехал актер, в какой картине он снимается, когда он свободен, когда у него спектакль. Она была главной. Вернешься из отпуска или со съемок, придешь к ней и скажешь:

— Биля, я вернулась… Надо заявление написать? А как оно пишется?

С Билей можно было и пооткровенничать. Как же можно жить без нее?

А куда же пойдет наша курьерша тетя Нюша? Она сидела в приемной директора, ожидая какого-нибудь поручения, и всегда была чуть — чуть навеселе. Я сама в каждую зарплату давала ей на чекушку. И она каждый раз говорила:

— Дилехтора приходют и уходют, а я остаюсь.

Как можно было обойтись без репетиций, без встреч друг с другом? Когда уезжаешь в экспедицию, возвращаешься через полгода — год, в буфете обязательно встретишь кого-то из актеров и узнаешь все новости.

А директор театра? У нас был знаменитый директор. Фамилия у него была Нежный. Он был из династии театральных директоров. Его знала вся Москва.

Помню, театр поехал на гастроли в Одессу и там решили сделать из гастролей гешефт. Одесса всегда была слишком деловым городом. Театр стали рекламировать, мол, приедут знаменитые киноактеры, будут играть спектакли. И все билеты были распроданы за несколько дней. Потом по городу пустили слух, что гастроли срываются, а билеты надо сдать в кассу. Как только билеты вернулись в кассу, их тут же раздали своим людям. И сообщили, что гастроли будут, но… Но билеты шли с рук уже по тройной цене.

Когда мы приехали, Нежный устроил скандал.

— Зачем вы это сделали? Что о нас подумают? Вы позорите наш театр…

— Слушайте, что вы горячитесь? Это вы в Москве Нежный, а у нас в Одессе вы еле — еле…

Я представила, что творится в театре, и пожалела, что меня не будет в Москве.

Театр действительно закрыли. Но только на короткое время. Приказ пришлось отменить.

…И вот мы летим в Индию. Тогда еще не было прямых рейсов и путь в Дели лежал через Париж. Пассажиры ночевали в Париже, а затем британской компанией отправлялись в Дели.

Индия — сказочная страна. Именно сказочная! Нас с восторгом принимали зрители. В нашу честь устраивали бесконечные приемы. Советские фильмы шли с большим успехом.

В те дни в Индии был праздник священной реки Ганг. Есть легенда: если погрузиться в такой день в его воды, то можно исцелиться от болезней и недугов. К реке шли толпы людей, несметное число инвалидов, взрослых, детей… И это сонмище людское копошилось в мутной, глинистой воде. На меня это произвело удручающее впечатление.

Никто из нас до поездки в Индию не видел столько голодных детских глаз. Видеть это было для нас мучением.

Мы побывали не только в Дели, но и посетили Бомбей и Калькутту. Та поездка осталась в памяти навсегда.

Нас пригласили в гости родственники индийского поэта Рабиндраната Тагора. Потом мы удостоились чести быть принятыми в доме Джавахарлала Неру. Он был тогда очень

популярен и в мире, и в Советском Союзе.

Мы, естественно, волновались. Как пойдет встреча, о чем мы с ним будем говорить? Как он живет?

Нам представлялось, что Неру живет в роскошном дворце. Мы уже побывали до этого в нескольких богатых семьях.

Неру принял нашу делегацию в небольшом двухэтажном особняке, обставленном довольно скромно, и познакомил нас со своей дочерью Индирой Ганди, которая впоследствии стала премьер — министром Индии. Представил он и своего внука — Раджива Ганди, тоже ставшего премьер — министром.

Мы все вместе фотографировались на память. Потом отправились на прогулку в парк, окружающий дом. В парке жили какие-то смешные зверюшки, которых Неру, надев перчатки, кормил с рук.

Мы два часа провели в обществе этого великого гражданина мира и Индии. Ранее мне не приходилось встречаться с людьми такого высокого ранга.

Он был невысок ростом, у него были темные, мудрые глаза. Он говорил не спеша, и всё, что говорил, было интересно. Он видел мир по — своему. Это был образованный, интеллигентный человек, тонко оценивающий искусство. Он был образцом государственного деятеля, которого уважал и любил народ огромной страны.

У нас была сердечная встреча и с Раджем Капуром. В то время в нашей стране только — только начали демонстрироваться индийские фильмы. Они как бы открывали нашим людям далекую Индию, о которой они много слышали, но мало кто бывал в этой стране. У кинотеатров выстраивались очереди, а песню из фильма «Бродяга» знали все.

Помню, как сердечно приветствовали в Москве первую киноделегацию из Индии: Раджа Капура и Наргис.

Кинопромышленность Индии успешно развивалась. Если у нас выходило на экраны сто — сто пятьдесят фильмов в год, то в Индии втрое больше. Индийские картины пользовались большим успехом в странах Юго — Восточной Азии, но их восторженного приема в Советском Союзе поначалу никто не ожидал.

Радж Капур и Наргис любили друг друга, но, по законам своей страны, в брак вступить не могли: они принадлежали к разным кастам. В детстве Радж Капур был обручен с девочкой своей касты, и когда они подросли, то родители поженили их.

Однажды на съемках Радж Капур встретил Наргис, и они полюбили друг друга. Когда Капур пригласил нас к себе, его жены не было дома: она специально уехала к родственникам. Принимала нас Наргис.

И Радж Капур, и Наргис были большими друзьями нашей страны, всегда участвовали в московских международных кинофестивалях.

Много лет спустя после нашей поездки в Индию мы встретились с Раджем Капуром в аэропорту Шереметьево. Он был у нас на фестивале и получил приз. Мы оказались в одном самолете. Я летела в Лондон, он — в Дели.

В Копенгагене ему предстояла пересадка. Мы тепло распрощались.

Я видела, как Капур шел по огромному полю аэродрома. Дул сильный ветер. Он как-то съежился, будто втянул голову в черный пиджак, ветер трепал его белые брюки. В руках он нес коробку с призом.

Он, кумир миллионов в родной Индии, он, желанный гость Москвы, где его знал каждый мальчишка, распевающий «Бродяга я…», как заблудившийся ребенок, брел, подгоняемый ветром, никому не известный и одинокий, по этому огромному полю европейского аэропорта.

Баба Киля

Жизнь моих родителей — Анны Ивановны Сироты и Степана Григорьевича Лучко — была посвящена делу, которому они были преданы смолоду Долг и судьба бросали их по малым городам и весям — туда, где нужно было организовать колхоз или вытащить отстающий совхоз. Они были районщиками, теми, кто всегда находился в гуще дел, поднимал людей и вел их за собой. Их жизнь была нелегкой, но они так не считали, они свято верили в то, что строят новую жизнь.

Кстати, моя мама очень хорошо пела. У нее был сильный голос. Однажды она пела вместе с Иваном Семеновичем Козловским, ведь он же наш земляк. После Гражданской войны — а мама моя воевала — она организовала театр, который разъезжал от села к селу и представлял пьесы украинских классиков…

Родители редко бывали дома, и меня воспитывала мамина сестра, которую мы все называли баба Киля.

Ее семья была самая бедная в селе Старые Санжары, что на Полтавщине. Кстати, и фамилия была знаковая — Сирота. Баба Киля нигде не училась, с детства была отдана в люди. Потом она пошла на работу, варила варенье и очень гордилась тем, что числилась в «ударницах».

Ей советовали пойти учиться. Но тут родилась я. И баба Киля решила, что будет меня воспитывать.

Ее жизнь прошла в нашей семье. Сначала она воспитывала меня, потом мою дочь Оксану. Только на несколько лет она вернулась из Москвы в Полтаву. Это случилось, когда умерла моя мама и отец остался один. А когда умер отец, баба Киля вновь приехала в Москву. Полтавский домик, построенный отцом, был продан, а под Москвой мы купили дачу, потому что баба Киля любила работать на земле. Она привезла с собой домашние украинские коврики и старую швейную машинку «Зингер». Тогда-то у нас на даче появились две грядки овощей, две грядки клубники да еще два десятка кустов смородины. Она любила возиться с цветами, посадила розы, гортензии, флоксы и лилии.

В детстве она всегда меня называла «дытына». Если с кем-либо из соседей ругалась или грубо разговаривала, то тотчас обращалась ко мне:

— Ото мени можно, а тоби — ни.

Вот и все воспитание.

Каждый день строго допрашивала:

— Урокы зробыла? Иды пойижь карасика з картошкой. Я

пожарыла як ты любышь.

После войны наша семья вернулась из Джамбула в Полтаву. Папе дали участок земли, и нужно было построить дом — дом, в котором мы жили, немцы разбомбили. Денег было мало, и баба Киля выращивала поросят, чтобы продать мясо на рынке.

Однажды она пришла в сарай покормить поросят и удивилась:

— Як однэ порося рые носом яму, дывится на мене и хрюкае. Я глянула, а там щось блыстыть. Я дывлюсь, а то якыйсь царский орден — в весь из золота!

Баба Киля хотела дождаться, когда я приеду на каникулы, чтобы показать орден. Но очень нужны были деньги на постройку дома, и папе пришлось отнести орден в музей — ему заплатили 25 рублей.

Потом порося вырыло еще тоненькое золотое кольцо.

…Если баба Киля кормила кур, то обязательно петушок сидел у нее на голове…

У меня родилась дочь Оксана, баба Киля приехала к нам в Москву. Мы снимали комнату в коммунальной квартире, где жили пять семей. Всего в нашей квартире было девять детей. Когда баба Киля варила борщ, она не уходила из кухни, потому что видела однажды, как соседка достала мясо из нашего борща, поварила в своей кастрюле и обратно нам положила.

Потом мы переехали в отдельную квартиру. Квартира ей понравилась. И все же она чувствовала себя очень одиноко в столице.

— Ну шо это за ваша Москва. Не знаешь, хто жыве рядом, даже соли ни у кого попросыть.

Однажды я пришла домой, открываю дверь, а баба Киля сидит с каким-то мужичком и угощает его чаем. Я спрашиваю:

— Кто это?

А она:

— Та це ж вин из Полтавы.

Из разговора выяснилось, что гость только что вышел из тюрьмы. У меня он очень вежливо попросил дать ему нижнее белье — он хочет пойти в баню, — а заодно и немного денег. Я быстро собрала ему все, что он просил.

Когда наш гость «из Полтавы» ушел, я говорю:

— Ну как ты могла его впустить?

— Так вин же сыдив в тюрми в Полтави. Ничего такого вин не собырався зробыты. Мы просто побалакалы про Полтаву. Ото в вашей Москви вси всёго боятся.

Мои знакомые и друзья очень любили с ней разговаривать по телефону. Она всегда охотно рассказывала, куда я пошла, какое у

меня настроение, что она очень беспокоится, и просила:

— Вы посовитуйте, як лучше для ней, бо вона сама не знае, чого хоче.

Я уехала на концерты, а у нее разболелся живот, и пришлось вызвать «скорую помощь».

Отвезли ее в больницу на Пироговке. Заполнили карточку на фамилию Лучко. Дежурил в приемном отделении молодой хирург — грузин. Он спросил у медсестры:

— Кого это повезли на каталке?

Медсестра говорит, что привезли Лучко.

Хирург через две ступеньки взбежал на второй этаж, догнал каталку и спрашивает: а где Лучко?

— Да вот, — отвечает санитар.

Перед хирургом лежала маленькая, свернувшаяся от боли в клубочек баба Киля.

Наступила пауза, после чего все дружно рассмеялись.

Как-то вечером я приехала домой после съемки. Дверь мне открыла баба Киля. Взяла меня за руку, отвела в спальню, закрыла дверь и тихо сказала:

— У тэбэ е дочка!

Я засмеялась.

— Конечно, есть. Оксана.

— Та не, друга!

— Откуда ей взяться, этой дочке? Ты же все время с нами живешь.

— Ты ее виддала в детский дом, як вона була ще мала. На, читай пысьмо!

Я читаю письмо. Какая-то женщина пишет, что очень похожа на меня. И все у нее спрашивают: не дочка ли она моя?

Эта женщина выросла в детском доме в Кременчуге, всегда считала, что она моя дочь.

— Мне же было восемь месяцев, когда мы жили в Кременчуге.

— Та я знаю, но вона же пыше, що дочка. А що будемо робыти, як вона прийиде? Як ты докажешь? Вона пыше, що похожа. — Баба Киля осторожно сложила письмо и сказала: — Може ще пригодыться.

Довольно часто к нам привозили внука Сашу на выходные. У бабы Кили болели ноги, поэтому она редко выходила на улицу. Саша, тогда ему было лет шесть, спросил:

— Хочешь погулять по улице?

— Та я ж погано хожу.

— Ничего, я тебе помогу.

Он осторожно вывел ее на улицу. Прохожие наблюдали трогательную картину, как баба Киля, еле передвигая ноги и

опираясь на маленького худенького мальчика, гуляет перед домом.

Ей становилось все хуже, и пришлось положить ее в больницу в неврологическое отделение. Это отделение занимало маленький флигель, принадлежавший Четвертому главному управлению, «кремлевке». С каждым днем она слабела и как- то тихо мне сказала:

— Кларуся, я уже покотилась вныз.

И через несколько дней ее не стало.

По установленным правилам Четвертого управления, тело ее отвезли в Кунцево и гроб выставили в ритуальном зале, где обычно проходило прощание с умершими ответственными чиновниками.

Мы молча стояли у гроба, потом (предварительно заплатив за машины) на трех черных «Волгах» отправились в крематорий. Могла ли когда-нибудь наша баба Киля, которая не умела даже расписаться, представить, что поедет в свой последний путь так торжественно и нелепо?

Через несколько дней мы с дочкой Оксаной отвезли урну с ее прахом в Полтаву и похоронили рядом с папой и мамой в родной украинской земле, на которой она трудилась с малых лет и где на восьмерых детей в ее семье были одни валенки…

Так случилось, что я несколько раз собиралась поехать в Полтаву, чтобы навестить родные могилы, поклониться маме, папе и бабе Киле, но все не складывалось. То надо было провести заранее обещанные творческие встречи, то соблюдать жесткий график телевизионных передач «Кумиры экрана», что я вела на студии «Прометей», то мчаться на очередной фестиваль, где мне надлежало быть членом жюри. Но однажды я заболела, попала в больницу и там твердо решила: поправлюсь, отложу все дела и поеду в родной город.

Слава Богу, нашлись друзья, которые пригласили меня в Харьков, а оттуда — благо недалеко — поехали на машине вместе с ними в Полтаву. И — о ужас! Ходим по кладбищу, и я не могу найти могилы родных. А спросить не у кого — конторы на кладбище нет. Я в истерике, не знаю, что делать, и вдруг ко мне подходит незнакомый человек, спрашивает, в чем дело, и говорит:

— Клара Степановна, только не волнуйтесь. Вы можете приехать через два дня?.. Вот мой телефон.

Когда мы приехали во второй раз, то нас встретили у ворот кладбища, проводили до самых могил, которые была обихожены, там были посажены цветы, расчищены все дорожки вокруг… Я была бесконечно благодарна доброхоту, пыталась чем- то

отплатить ему за хлопоты, а он сказал:

— Я полтавчанин, ваш земляк и — еще учтите — ваш благодарный зритель. Видите, сколько ваших зрителей пришло сегодня, они все были рады в эти дни вам помочь.

Внизу, поодаль от нас, стояла большая группа полтавчан, которые весь день накануне приводили в порядок кладбище.

Опять — в который раз! — мне помогли зрители. Как же мне отблагодарить великое множество людей, любовь и доброта которых сопровождают меня всю жизнь и дают мне силы?

Рядом с нами

Однажды на кинопробы в Ленинград вызвали моих друзей — Лялю Шагалову, Жору Юматова и Музу Крепкогорскую. Режиссер Адольф Бергункер готовился к съемкам картины «Рядом с нами».

Мои друзья пребывали в хорошем настроении, собирались в экспедицию в Запорожье. Я им позавидовала и осторожно спросила, не найдется ли и для меня какой-либо роли.

— Клара, — ответил Юматов, — есть одна героиня, поиски актрисы ведутся, но это, как бы тебе сказать, нечто вроде современной Катерины. Она бросается в речку — хочет утопиться, вряд ли эта роль для тебя.

Мои друзья уехали в Запорожье на съемку, а я осталась в Москве. Вдруг звонит ассистент режиссера. Говорит, что она привезла сценарий и если роль мне понравится, то я поеду в Запорожье, но пока только на пробы.

Я прочитала сценарий. Моя молодая героиня («современная Катерина») — токарь, она ждет ребенка. Своему другу (его играл Георгий Юматов) сказала, что она беременна. А он ей грубо ответил: «Послушать вас, так все дети в деревне мои…» И предложил сделать аборт. Для моей героини это была трагедия. Она бросается в речку. Ее, конечно, спасают. Она рожает ребенка и живет в общежитии с девочками…

Почему Жора решил, что это не для меня? Я собралась в дорогу. Подумала, если я приеду вот так, как привыкла одеваться и причесываться, то меня не возьмут. Как-то повелось — играет актриса деревенские роли, ей и дальше будут предлагать деревенские. А если играешь классические или героические роли, то в других ролях тебя вроде бы не представляют. Поэтому важно первое впечатление. Я каждый раз доказывала, что я характерная актриса.

Я подобрала волосы, заколола их сзади, надела простенькое платье и пошла на встречу с ассистентом режиссера на «Мосфильм». Она на меня взглянула и говорит:

— Ой, Клара, знаешь, по — моему, ты подходишь на эту роль. Думаю, что у тебя все получится.

То, что просто оделась, еще не значит, что я уже знаю, как сыграть роль, хотя иногда можно отталкиваться и от внешнего рисунка, а потом уже искать характер. Часто бывает и наоборот. Сразу схватываешь характер, а потом мучительно ищешь грим, который соответствовал бы этому характеру.

…Как-то я поехала в больницу навестить мою подругу. Раньше, чтобы войти в палату, выдавали посетителю белый халат.

В коридоре случайно я встретила режиссера Станислава Ростоцкого. Он как раз начинал съемки фильма «На семи ветрах».

Ростоцкий долго и пристально на меня смотрел, а потом сказал:

— В этом халате ты совсем другая.

Через несколько дней Ростоцкий предложил мне роль хирурга. Я думаю, что, если бы он меня не увидел в халате, ему бы и в голову не пришло дать мне эту роль. Но самое главное было впереди — найти образ женщины, которая носила белый халат…

Вскоре пришел вызов на пробу. Я приехала в Запорожье в том же простеньком платье. Сижу и жду режиссера. И вдруг появился Леонид Быков. Он быстро прошел мимо, потом остановился, будто что-то забыл, и вернулся ко мне:

— Здрасьте. Простите, пожалуйста, Клара, я хочу извиниться перед вами. Когда зашел разговор о вашей кандидатуре, я был против. Мне казалось, что это не ваша роль. А сейчас я вижу, что ошибался. Поэтому я прошу вас, простите меня.

И улыбнулся. Он был некрасивый, но когда улыбался, то будто солнце изнутри озаряло его лицо.

Сняли мою пробу, и я уехала — мне предстояло лететь на неделю советского фильма в Люксембург.

Центр Европы, маленькая страна, всего дюжина городов. Мы представляли фильм «Большая семья» в городе Эш, где сталелитейные заводы. И надо сказать, рабочие с интересом смотрели фильм, горячо его обсуждали. Мы думали, что наши проблемы — и человеческие, и профессиональные — будут совершенно им чужды. Но оказалось, что многое было им так же близко и интересно, как и нашим зрителям.

Надо сказать, что Люксембург произвел на меня огромное впечатление. Архитектура городов там какая-то особенная, она создает ощущение вечности.

Посол СССР вручил мне телеграмму. В ней говорилось, что меня утвердили на роль, ждут меня в Запорожье. И подписались почти все, кто снимался в картине. Я была тронута. Получить дружескую телеграмму всегда приятно, а тем более вдали от родины.

И вот я подъезжаю к Запорожью. Вижу, на перроне много народу. Девушки стоят с хлебом — солью на рушниках. Включены осветительные приборы. А в толпе — Леня Быков с микрофоном.

Поезд подошел к перрону. Я думаю: наверное, встречают какого-то известного человека или делегацию. Чтобы не привлекать внимания, потихонечку сошла со ступенек вагона на перрон, иду к вокзалу.

А Леня Быков подбежал и на каком-то тарабарском языке, но очень хорошо имитируя, приветствует меня.

Девушки подносят хлеб — соль. Потом еще кто-то выступает тоже с приветствием и тоже непонятно на каком языке. Все это снимают кинокамеры, народ толпится. Я поначалу растерялась, ничего не могу понять. А это был дружеский розыгрыш.

Все стало ясно, как только мы вышли на привокзальную площадь.

— А на чем мы едем? — спросила я.

— Вот наш экипаж, — Быков показал на ослика, запряженного в маленькую тележку. — Вот сюда мы водрузим твой чемодан и пойдем пешком.

Мы шли по главной улице Запорожья — она длинная — предлинная. Впереди девушки с хлебом — солью, потом ослик с чемоданом, а за повозкой мы.

И так всю дорогу — до самой гостиницы.

Это было начало игры, которая сопровождала нас все время, пока шли съемки.

Мы были молоды, азартны, нам сопутствовал успех, и мы не уставая шутили, «покупались» на розыгрыши, смеялись и тут же придумывали что-то в ответ.

Часто спрашивают: какая из картин, в которых вы снимались, вам нравится больше других? На это ответить трудно, потому что порой запоминается не то, что снималось, а то, что было за кадром.

Картина «Рядом с нами» — это далеко не шедевр, пожалуй, средняя картина, хотя в ней были заняты замечательные мастера: Чирков, Смоктуновский, Рыбников, Юматов, Быков, Шагалова… Зато экспедиция была необычная.

Мы играли в Запорожскую Сечь. Конечно, атаманом у нас был Леня Быков. Смоктуновский был поляк, какой-то лазутчик или даже шпион. Его ловили, он какие-то грамоты нам приносил. Всего уже не помню, но сюжет был примерно такой.

Однажды Леня Быков уехал в Харьков — он тогда работал в театре — играть премьеру. А я купила на базаре карасей — с детства у меня это любимое блюдо, — отдала в ресторан пожарить, пригласила всех и заявила:

— Быкова нет, атаман уехал, командовать Сечью буду теперь я.

Словом, совершила переворот. Никто не сопротивлялся, все были согласны. И мы послали Быкову телеграмму, что он свергнут, а командует Сечью Мать Запорожская.

С нетерпением ждем его приезда. Как он отнесется ко всему? Когда он появился, тут же собрал своих сторонников, начал с

ними совещаться. Стало ясно, что так просто власть они не отдадут.

До меня дошли слухи, что ночью явятся ко мне в гостиничный номер и будут меня свергать. Я решила подготовиться. Поставила кресло на стол и расположилась в нем. Бывают такие ночники, с железными колпачками. Я два колпачка связала, надела на себя, взяла в руки половую щетку, уселась в кресло и жду. Слышу, кто-то крадется вдоль коридора. А это — Быков, Юматов и другие. Они врываются в номер — лица разрисованы, в пижамах, из кривых палок сделаны сабли. И… останавливаются.

И тут все стали хохотать! Значит, свергнуть меня не удалось. Но я добровольно отдала Лене Быкову половую щетку — как символ власти.

Не было дня, чтобы мы друг друга не разыгрывали. Даже тем, кто любил выпить, было некогда пить, потому что каждую минуту кто-то что-то придумывал.

Подошел срок уезжать актрисе Нине Агаповой. Но что-то с билетом не получалось, и она задержалась. А Кеша Смоктуновский был на съемке. Тогда мы решили, что Нина устроится в его постели, я залезу в шкаф, а актеры будут в соседнем номере ждать. И когда Кеша вернется и увидит ее, Нина скажет, что очень его любит, поэтому и не уехала. А я буду на всякий пожарный случай сидеть в шкафу и, если что-то произойдет, подам сигнал.

Мы с Ниной разговариваем, а Кеши все нет. Говорим о том о сем, смеемся. Вдруг открывается дверь, я быстро захлопнула дверцу шкафа, Нина слегка выставила плечико из-под одеяла. Смоктуновский входит, и с ним женщина — корреспондент газеты. Они продолжают разговаривать, — мы замерли. Нина вообще не знала, что делать. Тем временем Смоктуновский договорился с корреспонденткой о встрече. Через несколько минут она ушла, а Смоктуновский разгримировался, вошел в комнату и увидел Нину.

— Нина, ты что здесь делаешь?

— Кеша, я тебя люблю, я поэтому не уехала…

— Отлично! Сейчас я переоденусь, и мы поговорим…

Открывает шкаф и видит, что я там сижу. Мы начали смеяться.

— Ах так! — говорит Кеша. — Хотели разыграть? Ну ладно. Получится обратный розыгрыш.

Актеры, услышав шум, решили, что пора прийти и сказать:

— Как тебе, Кеша, не стыдно, ты что… Нина такая…

С этими словами они и вошли в номер. А Смоктуновский

лежит на ковре.

Жора Юматов закричал:

— Почему он лежит? Кеша, что с тобой, почему ты лежишь? Тебе плохо?

Я испуганно говорю:

— Не знаю. Он открыл шкаф и увидел меня. Увидел и упал.

Юматов на нас набросился:

— Что за жестокий розыгрыш, ему ведь плохо!

Взял графин с водой и вылил Кеше на голову. Смоктуновский даже не дрогнул. Он так и лежал неподвижно. Потом через некоторое время поднялся:

— Хватит разыгрывать. Меня корреспондент ждет…

В нашей группе был фотограф из местных. И он то и дело исподтишка нас снимал. Потом продавал фотографии любителям кино. Он нам так надоел, что мы решили и его разыграть.

Обычно фотограф подходил и каждый раз представлялся:

— Я работаю в лаборатории института, и студенты очень просят ваши фотографии. Можно я вас сниму?

Однажды мы ему сказали:

— Приходи к нам вечером в гостиницу, у нас сегодня будет очень интересно. Ты всех увидишь и всех сфотографируешь. А собираемся мы у молодого актера. У Смоктуновского. Он пока только снялся в одной картине, в «Солдатах». Еще пока не очень известен, но это будет один из самых знаменитых артистов. Твои фотографии будут первыми…

Так мы напророчили Кеше будущую славу.

Вечером фотограф явился в точно назначенный срок. Постучал в номер, дверь открывает Кеша.

Он обмотан полотенцем, в трусах, голова намыленная. Агапова изображает его жену.

Кеша говорит:

— Проходите, проходите, мы вас ждем, дорогой…

И тут же принялся обнимать фотографа, целовать, перепачкав его мылом.

А мы предупредили фотографа:

— Знаешь, это человек необычный. Он может выкинуть все что угодно. Ну как все гении. Так что если ты почувствуешь, что что-то не так, то… Ты петь умеешь?

— Да.

— Ну вот сразу начинай что-нибудь петь. Тогда он утихомирится. Мы уже это знаем.

Фотографа мы посадили на диван, а над ним висел натюрморт с яблоками. Кеша о чем-то разговаривает, руками размахивает, влезает на диван, рукой как бы дотрагивается до

натюрморта, а сам вытаскивает из-за картины яблоко (мы его туда специально положили), потом возвращается к столу. Фотограф оглядывается — яблоко на натюрморте. Фотограф не понимает: что тут происходит?

Мы с Юматовым заходим в туалет, а Кеша залезает в шкаф. В это время мы в туалете спускаем воду, а Кеша появляется из шкафа, вроде бы застегивает брюки и продолжает есть яблоко.

У нашего гостя глаза округлились, думает: куда я попал… В это время Юматов пошел к себе в номер и звонит Кеше.

Кеша снимает трубку.

— Кто это? Шостакович? Здравствуй, дорогой Дмитрий Дмитриевич. Беда, не могу заниматься. Рояль не влезает, никак не можем в номер втащить. Понял… Завтра мы подъемный кран пригоним, может быть, с его помощью через окно мы как- нибудь втащим этот рояль. Сломается, говоришь? Ну, сломается и сломается. Ничего не поделаешь. Но мне же надо работать. Митя, бывай здоров…

Фотограф ничего не понимает. Видит только, что Кеша зажигает какую-то бумагу, бросает ее на пол, она горит.

И вдруг мы слышим:

Комсомольцы, беспокойные сердца…

От ужаса фотограф запел тоненьким срывающимся голосом. Нас душит смех, но мы просим фотографа:

— Только, ради Бога, никому не говори.

— Если бы я даже сказал, никто бы мне не поверил.

Я вспоминаю то далекое — близкое… Иногда говорят: актеры как дети. Да, мы были, наверное, этими детьми.

Мы закончили фильм, и наша дружная компания разъехалась. Впереди были новые фильмы. У каждого была своя дорога в кино. А эта дорога всегда была трудной. У каждого.

Леонид Быков… Заводила, веселый, обаятельный человек. Казалось, что у него легкий характер, он как бы не замечал трудностей, не обращал на них внимания. Но так только казалось.

Мы часто с ним беседовали, и я узнала его гораздо лучше. Это была личность, думающий человек, которого все волновало, прекрасный актер, давно переросший тех героев, которых он играл. Надо сказать, его внешность не соответствовала его сложному внутреннему миру.

Режиссер Надежда Кошеверова пригласила его в картину «Укротительница тигров». Она почувствовала его огромный актерский потенциал и предложила роль юноши, влюбленного в героиню, ее играла Людмила Касаткина. А она предпочитает другого — его роль исполнил Кадочников.

Тогда еще не было Госкино, и все пробы утверждали в Министерстве культуры. Пробы смотрела министр Екатерина Фурцева.

— Не понимаю, как этот гадкий утенок может быть соперником Кадочникова, — сказала она.

Быкова не утвердили.

В кино не бывает секретов, и тут же нашлись «друзья», которые передали эти слова министра Быкову.

Фурцеву в конце концов уговорили, и Леня сыграл роль Пети Монина блестяще. Он украсил картину.

Но те слова, что были сказаны ею, разве их можно забыть?

Он многие свои роли сыграл вопреки и наперекор. Его долго уговаривали сняться в главной роли в фильме «Алешкина любовь», а он отказывался: «Ну какой я Ромео? Не буду играть!» Он помнил «гадкого утенка».

Быков обладал редким даром комедийного актера. Но во всех его ролях просматривался второй план — какая-то тоска, внутренняя трагедия. Зрители понимали, что не все так просто у героя фильма, и потому ему сочувствовали.

Леня мечтал стать режиссером, переехал в Ленинград, и на «Ленфильме» ему удалось поставить картину «Зайчик», где он к тому же сыграл главную роль. Однако дирекция «Ленфильма» никаких режиссерских открытий в картине не обнаружила, и о дальнейшем сотрудничестве не могло быть и речи. Быков почувствовал, что почва уходит из-под ног, что он никому не нужен, и после тяжелых мытарств и мучительных раздумий принял смелое решение — вернуться в Киев.

Леня с детства мечтал стать летчиком. Ему было тринадцать лет, когда началась война. Он прибавил себе годы и отправился в военкомат, чтобы получить направление в авиационное училище. Его не взяли — подвел рост.

Он все же настоял на своем и был зачислен в летную школу, но через год кончилась война, и училище было закрыто. Вернувшись в Донбасс, Леня с баулом кукурузных лепешек взобрался на крышу товарного вагона и поехал в Киев, чтобы стать киноартистом. Но его не приняли.

Он вернулся в школу, закончил десятый класс и через год поступил в Харьковский театральный институт. Десять лет проработал Леня в Украинском драматическом театре имени Т. Шевченко, сыграл множество ролей в классических и современных комедиях и водевилях. И все эти годы разрывался между театром и кино.

Но тема войны всегда его волновала.

В Киеве он поставил фильм «В бой идут одни старики». О

войне, о летчиках, о своих неосуществленных мечтах. Картина имела колоссальный успех. Леониду присвоили звание народного артиста Украины. Он получил несколько почетных призов на фестивалях, Государственную премию имени Т. Шевченко, первую премию за режиссуру и диплом за лучшую мужскую роль на Всесоюзном кинофестивале в Баку.

Успех окрылил Быкова. Он понял, что может еще многое сказать о войне, на которую сам не попал, но ее дыхание обожгло его. В следующем фильме — «Аты — баты, шли солдаты» — он рассказал о памяти, о том, как дети и внуки вспоминают близких, не вернувшихся с полей сражений.

Фильмы, поставленные Быковым, свидетельствовали о том, какой он тонкий, вдумчивый, с Божьей искрой режиссер. Сколько юмора и трагизма совместилось в его творчестве, как пронзительно звучит и откликается в душах живых нота оборванных человеческих жизней…

Он долго искал тему следующего фильма и остановился на фантастике. Фильм «Пришелец» рассказывал о жизни на другой планете, а проблемы обсуждались те, что волновали землян. Съемки шли трудно… Здоровье было подорвано: на картине «Аты — баты…» у него случился инфаркт.

У талантливых, тонко чувствующих людей бывает предчувствие неминуемой гибели. За несколько месяцев до своей трагической смерти Леня написал письмо — завещание и отдал его своим друзьям. Он писал, что долго не протянет, и просил, чтобы на его похоронах не было речей, официальных лиц и поминок. Чтобы собрались на его могиле друзья и сказали одно — единственное слово «Прощай!», а затем спели бы его любимую «Смуглянку».

Все это было странным. Его душевное состояние, его мрачные предчувствия…

Через три месяца он погиб в автомобильной катастрофе. Тогда много ходило разных слухов, кто-то предположил, что он ушел из жизни сознательно…

Леонид Быков ушел, а память о нем, его фильмы остались. Их освещает солнечный свет доброты.

…Когда я вспоминаю Жору Юматова у меня сжимается сердце.

Он мечтал стать моряком и в шестнадцать лет стал им. Жора служил сигнальщиком на большом военном катере. Несколько раз тонул, был контужен, а в День Победы, 9 мая 1945 года, — ранен. Юношей он прошел войну, видел, как убивают, и сам убивал. Выйти из этой страшной войны без душевных потерь было невозможно.

Его стремительный взлет начался после войны. В двадцать два года Жора выписался из госпиталя и как-то пошел в Дом кино на премьеру, а там разговорился с соседом, который сидел рядом с ним в зале. Разговорились, и сосед пообещал ему помочь с трудоустройством.

— Заходите завтра, — сказал сосед. Это был знаменитый кинорежиссер Григорий Васильевич Александров.

Первую реплику на киноэкране: «Разрешите?», Юматов произнес в фильме «Весна», накладывая компресс героине Любови Петровны Орловой.

Его стали снимать. Сергей Аполлинариевич Герасимов пригласил его в «Молодую гвардию», а в Театре киноактера, во втором составе, Жора играл роль молодогвардейца Сергея Тюленина. Он хотел поступить во ВГИК, но Герасимов сказал, что он уже актер, ему надо сниматься.

И Юматов стал сниматься. Да еще у каких режиссеров! Григорий Александров и Сергей Эйзенштейн, Леонид Луков и Всеволод Пудовкин, Александр Столпер и Михаил Ромм…

Он играл солдат, моряков, шоферов, токарей, и его герои конкретны и естественны. Среди его фильмов «Порожний рейс», «Разные судьбы», «Жестокость», «Офицеры», «Петровка, 38», «Адмирал Ушаков», «Герои Шипки» и многие другие. Его не просто любили, его обожали зрители, особенно моряки. Стоило ему зайти в ресторан, как мгновенно сдвигались столы, появлялись пирамиды бутылок, начинались воспоминания, поцелуи, объятия со слезами. Мне кажется, он и сам в то время не до конца верил, что он артист и что игра эта на всю оставшуюся жизнь. Какая-то раздвоенность была у него в душе, и она особенно проявлялась, когда он выпивал. В такие часы он становился нестерпимым, жестким, храбрым до отчаяния. Он начинал воевать, словно перед ним был враг.

Но я помню Жору и совсем другим — счастливым. Он и моя подруга по институту Муза Крепкогорская решили пожениться. Я пришла к ним накануне свадьбы — спросить, не нужна ли моя помощь. Мы с Музой учились у Герасимова, и это была первая свадьба на нашем курсе. Пришел Жора и приволок на плечах большой ковер, который он одолжил для свадьбы, чтобы было где сидеть гостям. Собралось человек сорок, и каждый что-то принес с собой. Это была самая необыкновенная свадьба из всех, которые я за свою жизнь видела.

Не знаю почему, но у меня всегда было ощущение, что какая-то трагедия стояла у него за спиной. Он был одинок и любил свое одиночество. Любил рыбачить в тишине — только он и собака. Порой закрывался в своей комнате на весь день, читал или

смотрел телевизор…

Мы должны были сниматься вместе с Юматовым в комедии «Опекун». Он приехал в Ялту на натуру, когда съемки уже шли полным ходом.

Вечером назначили смену, а днем он пошел в ресторан пообедать. И там встретил моряков…

Когда снимают на улице, то для порядка и оцепления места съемки вызывают наряд милиции.

Жора явился на съемку с пугачом. Где он его раздобыл, никто не знал. И начал воевать с милицией. Был большой скандал.

Картину снимали молодые режиссеры. Они боялись, что не справятся с Юматовым, и отстранили его от роли. На следующий день он должен был вернуться в Москву.

Я зашла к нему в номер попрощаться. Он был подавлен, ему было стыдно перед режиссерами и съемочной группой. Мы долго говорили. Ведь не в первый раз подобное случилось. Жора не мог простить себе такую же историю с картиной «Белое солнце пустыни»…

Он лечился безропотно, но ничто не помогало. Однажды и мне пришлось отвозить его в неврологический диспансер, потому что Муза была на съемках: она боялась, что в последний момент Жора сбежит.

Я заехала за ним на такси. В машине он сидел тихо. В руках держал целлофановый пакет со сменой белья.

В проходной, пока нам оформляли пропуск, Жора оглядывался по сторонам. Кругом был высокий забор, стояла охрана. На его лице как будто было написано: «Да, отсюда не убежишь…»

В холл, где мы ждали главного врача, вошла уборщица с ведром. Она пристально посмотрела на меня и сказала:

— Ну что, опять к нам пожаловали? Не везет вам. По — моему, я вас здесь уже несколько раз видела.

Я не стала ее разубеждать.

Лечение шло успешно. Но, выйдя из диспансера, Жора на радостях выпил, почему-то поехал в аэропорт, взял билет на первый попавшийся рейс и улетел, как потом выяснилось, в Минск. Прилетел… А куда идти? Конечно, в ближайший кинотеатр. Ему там обрадовались. Раньше в кинотеатрах работали люди, любившие актеров как родных.

В Минск Жора прилетел в домашних тапочках, простудился и тяжело заболел. Его выходили совершенно незнакомые женщины, варили ему бульоны, вызывали врачей, заботились о нем. И когда он поправился, купили билет и отправили в Москву.

В картине «Рядом с нами» мы были партнерами. Моя героиня

родила ребенка и жила в общежитии. А Жора ходил под окнами и смотрел, как я кормлю его сына, от которого он отказался. Я никогда не забуду его взгляда. Сыграть так невозможно, это надо чувствовать! Плохой человек так смотреть не сможет.

Потом произошла история, о которой много писали. В квартире, где жили Юматов и Крепкогорская, прозвучал роковой выстрел. От выстрела погиб человек, с которым Жора выпивал. Это был дворник, он помог похоронить Жорину любимую собаку.

Сколько я помню, у Жоры и Музы всегда были собаки. Я слышала от него историю, как во время войны он привел на катер бездомного пса и за это получил наряд вне очереди. Но собаку он не выгнал, в каюте спрятал. Однажды собака случайно упала за борт, а в это время шел бой, катер обстреливали немцы. Жора не раздумывая бросился в море. И тут снаряд угодил в катер. Вся команда погибла. А Жора с собакой спаслись.

И вот, когда дворник, подняв очередной стакан, сказал: «Ну что ты так убиваешься, это же собака! Ну сдохла, и всё!» — Жора взорвался: «Собаки иногда бывают лучше человека!» И что-то у Жоры сработало. Он увидел в дворнике врага, который отозвался о его друге жестоко и несправедливо. Так произошла эта трагедия.

Его арестовали, потом выпустили. Он долго лежал в больнице, ему сделали операцию. Многие от него отвернулись. Остались настоящие друзья — Василий Лановой, Виктор Мережко и фронтовые товарищи.

Жора перестал сниматься. Ему предлагали сценарии, он отказывался. Видимо, он вступил в третью фазу своей жизни. Первая — война, вторая — звездная пора, третья — жизнь после трагедии.

Что-то в нем сломалось. Я видела его незадолго до смерти. Было еще тепло, середина сентября. Он шел в каких-то сандалиях, в мятых брюках и старой куртке. Из авоськи выглядывали морковка, лук и консервы. Он на меня посмотрел такими, как в фильме «Рядом с нами», пронзительными, но беспомощными, детскими глазами. Мне стало горько.

А почти через два с половиной года в квартире на кухне нашли мертвой Музу Крепкогорскую. Она пролежала три дня с зажатым в руке клоком волос…

И еще я хочу рассказать об Алле Ларионовой и Николае Рыбникове. Так случилось, что они рано ушли из жизни, эти талантливые, красивые актеры, которые оставили неизгладимый след в киноискусстве.

Алла и Коля учились во ВГИКе на курсе у Сергея Аполлинариевича Герасимова.

Коля влюбился в Аллу с первого взгляда, а Алла долго его не замечала. Она всегда была окружена поклонниками.

Еще в пору студенчества ее пригласил сниматься режиссер А. Л. Птушко в фильме «Садко». С этим фильмом — сказкой она объехала множество стран, побывала на различных международных фестивалях. О ее русской красоте писала мировая пресса. Ее приглашал сниматься в Голливуде Чаплин — легенда мирового кинематографа, ей посвящал стихи Жерар Филип, ей поклонилась на фестивале в Аргентине прославленная Мэри Пикфорд, легенда кино двадцатых годов, в Венгрии, после триумфа фильма «Садко», выпустили журнал «Алла», в Греции она была признана лучшей актрисой года.

Всенародный успех имел и фильм «Анна на шее», где Алла играла главную роль прекрасной, обольстительной женщины, которая попала на первый в своей жизни бал и очаровала всех чиновников, в их числе был и Его Превосходительство, роль которого играл Александр Вертинский. Он любовался ее красотой как произведением искусства. Когда они снимались в Ленинграде и жили в одной гостинице, то после каждого его концерта у дверей ее номера стояла корзина цветов.

Тысячи писем из разных городов и весей нашей страны получала Алла. Но в личной жизни, несмотря на колоссальный успех, она нередко чувствовала себя одинокой.

Я вспоминаю, как увидела Аллу в первый раз. В Доме кино состоялась премьера фильма «Анна на шее». Все уже знали, что в нашем кино появилась молодая актриса необыкновенной красоты, чувственности, женственности и притягательности. Закончился фильм бурными аплодисментами, и тут объявили, что в зале присутствует Алла Ларионова. Ее попросили подняться на сцену.

Наступила тишина. Публика была уверена, что на сцену выйдет актриса, какую они видели в фильме. Они даже не обратили внимания на скромную девушку в черном платье, которая шла по проходу к сцене. Многие мужчины были разочарованы, не могли поверить, что эта милая смущающаяся девушка и есть та самая Анна.

Мы снимались вместе в фильме «Двенадцатая ночь» и на съемках подружились. Обе волновались. Нас одолевал страх, получатся ли сцены. Ведь играть Шекспира, да еще часто без репетиций, было трудно. Но фильм завоевал сердца миллионов. Сколько лет прошло, а его и поныне любят зрители.

Алла снималась во многих картинах, но лучшими из них оставались «Анна на шее» и «Двенадцатая ночь». Почему? Да потому, что нужно было специально для нее писать сценарии,

ведь она была яркой индивидуальностью. Но годы проходили, а Алле все меньше предлагали интересных сценариев. На студиях говорили, что Ларионова очень красивая и спрятать эту красоту даже гримом невозможно.

Николай Рыбников стал знаменитым актером, любимцем публики. «Тревожная молодость», «Весна на Заречной улице», «Высота» и другие фильмы принесли ему всенародную любовь. В «Войне и мире» у Бондарчука он сыграл Дениса Давыдова. Рыбников обладал редким обаянием.

Коля был хозяин в доме. В гараже у него стояли бочки с солениями и банки с вареньем. Он любил играть в шахматы. На его плечи легли основные заботы о двух дочерях.

А Алла была в доме гостьей — фестивали, встречи, концерты…

Но вот настали дни, когда и Алле, и Коле роли предлагали все реже. Они не понимали, в чем дело. Коля очень тяжело переживал эту пустоту, невостребованность. У него часто стало болеть сердце, пошаливали нервы.

Случалось, что его на улице подбирала «скорая помощь» и отвозила в больницу…

И никто не подумал, что он гибнет, что ему нужно простое участие, надо написать ему роль, и он оживет, воспрянет духом. Коля был очень ранимым и доверчивым человеком. Он словно бы нарочно не слушался врачей. Как-то после очередного сердечного приступа он уснул и больше не проснулся. Лежал умиротворенный и спокойный…

Алла осталась одна и остро переживала свое одиночество. Вот когда она по — настоящему поняла, кем для нее в жизни был Коля!

Ролей не было, но она играла в антрепризном спектакле «Коварство, деньги и любовь». С этим спектаклем побывала во многих странах мира — от Австралии до Америки.

Мы часто звонили друг другу. После смерти Коли Алла разменяла большую квартиру на две маленькие: для себя и дочери.

Помню, последний раз она позвонила мне и пожаловалась, что устала, но, увы, надо лететь в Германию, нельзя подводить партнеров.

После гастролей вернулась домой простуженная; у нее болело сердце.

Вечером позвонила мне и сказала: «С каким удовольствием я выключу телефон, выпью лекарство, а завтра буду целый день отдыхать». Это было на Страстной неделе, под Пасху. Алла заснула и не проснулась.

Они оба с Колей умерли во сне. Говорят, так легко умирают хорошие люди. Я не могла себе представить, что Аллы больше нет. Ее смерть потрясла меня.

Хоронили Аллу в Белом зале Дома кино. Гроб почему-то стоял в углу. Пришло много народа, но кинематографистов было мало и никого от Госкино и Союза кинематографистов. Рядом был пустой зрительный зал, и полагалось, чтобы гроб стоял на сцене и все, кто хотели, могли подойти и проститься. Там бы друзья стояли в почетном карауле. Но об этом никто не позаботился. Разве так нужно было проводить в последний путь великую актрису, гордость советского и российского кино? Алла была символом настоящей русской красоты! Но кому это нужно в наши суровые дни? Каждый думает только о себе, а до истории кино и его лучших из лучших актеров, на которых должны равняться молодые и талантливые, дела нет.

Теперь Николай Рыбников и Алла Ларионова лежат рядом. Они принадлежат вечности.

Помню, был V съезд кинематографистов России. Там встал какой-то человек и сказал: за два года умерло 360 с лишним членов Союза. И стал перечислять фамилии. И не называет Аллу Ларионову. И вот говорят: «Давайте почтим память…» Без Аллы. Я тогда встала и сказала: «Давайте сейчас помянем народную артистку Аллу Ларионову». Кто-то сказал: «Мы ее поминали на пленуме». — «Пленум пленумом, а это — Союз», — ответила я, и съезд со мной согласился.

В день закрытия съезда состоялось празднование столетия Ивана Александровича Пырьева. Вначале показали хронику: Первый съезд Союза кинематографистов, а его создателем явился именно Пырьев, — идут крупным планом лица: Козинцев, Трауберг, Хейфиц, Райзман, Донской, Довженко — весь цвет кинематографа. Мне больно стало. Боже мой, какие глыбы, какие режиссеры, какое у нас было кино! Нас могли любить или не любить, но мы получали призы многих фестивалей. Вот я ездила в Падую, в Италию, по приглашению тамошнего университета, рассказывала о Довженко. Они изучали творчество наших режиссеров больше, чем мы сами. И во что мы превратились? Какое кино мы снимаем?.. Хроника меня так взволновала, что я выступила и сказала: нужно добиться денег для молодых режиссеров — не для тех, кто умеет выклянчить и снимать белиберду, а для талантливых, которые через свое восприятие бытия, своими выразительными средствами покажут нам житие XXI века. Государство должно быть заинтересовано в том, чтобы у него развивалось киноискусство, которое способствовало бы укреплению страны, и поэтому долю ответственности оно должно

взять на себя.

А ВГИК? Раньше — Козинцев, Герасимов, Довженко, Кулешов… Мне несколько раз звонили: не возьмете ли вы курс? Я отвечала: нет, не возьму. У меня нет на это морального права. Чтобы иметь учеников, надо быть личностью в режиссуре, в педагогике. Надо отвечать за их судьбы…

Между прочим, один мой знакомый американец сказал: никогда не делайте картины под кого-то, тем более под Америку. Мы их у вас никогда не купим. Нам интересна жизнь вашей страны, если она снята мастерами. Мы, американцы, любим свою страну, 95 процентов зрителей идут у нас на наши фильмы.

Но многим российским деятелям культуры буквально плевать на то, что творится в их собственной стране. По телевидению, к примеру, любовные сцены демонстрируются чуть ли не в программах для младенческого возраста. Как-то я присутствовала на одной из телепередач в прямом эфире, и там шел весьма фривольный разговор. У меня уши завяли, я подумала: «Я здесь сижу и молчу. А что люди скажут?» Я тогда высказалась: «Если бы вы в Америке, которую вы ставите нам в пример, в три часа дня показывали эротику, вам бы не поздоровилось»…

Ну вот и всё! Как много ушло из жизни друзей, товарищей. Тех, кто долгие годы был рядом с нами.

«Три встречи»

Я училась на четвертом курсе института, когда меня пригласил сниматься в своем фильме «Три встречи» Александр Петрович Птушко. До этого он снимал русские народные сказки. Думаю, что вряд ли кто еще мог так мастерски и с огромной любовью это делать. Он же был создателем невероятного по тем временам кукольного фильма о Гулливере, который обошел все экраны мира.

Фильм «Три встречи» состоял из трех новелл. В одной снимались Тамара Макарова и Николай Крючков, в другой — Юлия Борисова, а в той, где участвовала я, были заняты Борис Чирков и Юрий Любимов.

Студентам надо было получить разрешение на участие в съемках. Сергей Аполлинариевич Герасимов обычно шел на это с неохотой. Но так как в картине снималась Макарова, для меня сделали исключение. Тем более что она обещала присматривать за мной.

Картину снимали в Чехословакии на студии «Баррандов». Представьте себе, что это значило для студентки, у которой в пустом чемодане перекатываются всего два платья и один отрез на костюм. Добавьте к этому парусиновые туфли, американское пальто, купленное по случаю на барахолке в Полтаве, и там же приобретенную шляпу. Вот и весь студенческий гардероб.

Когда я пришла на «Мосфильм» получать билет и документы, директор отвел меня в сторонку:

— Клара, одна деликатная просьба. Наша группа уже в Чехословакии, и родственники очень волнуются. Конечно, они хотели бы получить оттуда весточку, но почта идет долго. Короче, прошу тебя, возьми эти письма и порадуй наших коллег. Но я должен тебя предупредить, — зашептал директор. — Это опасно. Если у тебя их найдут, то будет неприятность. Через границу почту перевозить нельзя.

Ничего о разных пограничных формальностях я не знала. Сделала большие глаза и спрашиваю:

— А как же мне это сделать?

— Ну, понимаешь, приспособься. Спрячь письма на себе…

Я взяла десяток писем, принесла их домой и стала размышлять, как же мне их спрятать. Было такое ощущение, что я совершаю чуть ли не подвиг. Вот провезу через границу письма, и люди, которые их ждут, будут рады.

Я привязала широкую резинку на талию, а за резинку запихнула все письма. Надела юбку и кофту. Ничего вроде не

видно, правда, что-то немножко шуршало, если я резко поворачивалась. Но попробуй догадайся, что это шуршит…

Перелет в Прагу был трудным, самолет попал в болтанку. Когда объявили, что мы идем на посадку, я с облегчением вздохнула, и моя резинка… лопнула. Я поняла: если сейчас поднимусь, то из-под юбки все письма посыплются на пол. Я как могла придавила локтями юбку к телу, чтобы удержать на себе тайный груз, и так скованно пошла.

В здании аэропорта я увидела стул и тут же села. А меня встречал администратор. На нем я заметила новые ботинки, новый костюмчик, и он смотрел на меня сверху вниз — какая- то там приехала… студентка. Он-то уже в Чехословакии не одну неделю, даже приоделся.

Администратор недовольно буркнул:

— Почему вы здесь сидите? Сейчас паспорта будут выдавать.

А я ему говорю:

— Узнайте, где здесь туалет.

Он немного оторопел, но все же сказал:

— Идите прямо, потом направо. Там увидите…

Я поднялась, прижимая руки к телу, и протопала в туалет. А сама взмокшая от этого стресса. Вытащила письма, положила их в сумку — ведь мне уже теперь ничто не угрожало. И вернулась к администратору легкой походкой.

— Ну вот, приехала, и сразу проблемы, — недовольно сказал он.

— Спасибо, никаких проблем уже нет. Всё в порядке.

Машина привезла нас в «Алькрону», тогда это была привилегированная пражская гостиница, где останавливались знатные и богатые иностранцы. Меня проводили в номер.

Номер мне понравился, особенно ванная. Я наполнила ее водой, долго разбиралась опытным путем, что и как там переключается, попробовала разные шампуни, редкость по тем временам. И все время думала, как я, взрослый уже человек, не знаю самых обыкновенных бытовых вещей?!.

…Прага меня поразила! Это было какое-то чудо. Куда ни посмотришь — красота, история и вечность.

Карлов мост. Градчаны. Храм святого Вита. Часы на ратуше… Помню, как мы вошли в храм — был католический праздник. Откуда-то сверху, словно из-под небес, зазвучал женский голос. А потом вступил орган. Акустика такая, что мы замерли. Будто и музыка, и голос лились с небес.

Через три дня я отправилась в Татры, там уже собралась почти вся съемочная группа, не было только Николая Афанасьевича Крючкова.

Мы жили в высокогорном отеле. Красота вокруг необыкновенная. Низкие облака разрезали вершину горы надвое, уплывали ввысь, и гора сливалась с горой, совершенно меняя пейзаж.

К сожалению, я простудилась, но как сказать об этом?

Выбрала удобный момент и обратилась к костюмерше пани Славке:

— Нет ли у вас какого-нибудь лекарства? Меня продуло, по — моему, у меня цистит.

— Я пойду узнаю, — говорит пани Славка, — у кого есть лекарство.

— Только, ради Бога, не говорите никому из мужчин, — попросила я. — Мне неудобно…

— Нет, нет, что вы, — заверила меня пани Славка. — Я им ничего не скажу.

Не прошло и получаса, как раздался стук в дверь. Я открыла. На пороге стоял чех, один из сотрудников нашей группы.

— Кларичка, у вас проблема? У меня есть вот такое лекарство.

Я покраснела, но ничего не оставалось, как поблагодарить его.

Не успел он уйти, как в дверь опять постучали. Пришел другой сотрудник.

И так чуть ли не вся группа побывала у меня. И каждый говорил, что, раз у меня есть проблемы, он готов мне помочь.

Съемки в Татрах проходили на натуре, а природа в Татрах такая, что дух захватывало. Хотелось сидеть и молчать. Молчать и смотреть, как всходит из-за гор солнце, как золотит оно вершины, как краснеют облака, а небо становится синим — синим, и воздух…

Из Татр мы вернулись в Прагу, где к нам должен был присоединиться Крючков.

Николая Афанасьевича я видела только в фильмах. Конечно, я знала все его роли. И любила его так же, как любил его каждый человек в нашей огромной стране — за те образы, которые он создавал на экране.

Крючков играл танкиста, и молодежь валом шла в танковые училища. Он играл летчика, и ребята стремились в небо. Его герои были живыми людьми, воспринимались как собирательный образ молодого человека сороковых — пятидесятых годов, на которого равнялись, которому подражали.

Я обрадовалась, что увижу Николая Афанасьевича, познакомлюсь с великим артистом.

И вот мы стоим в холле гостиницы, сверху сейчас должен

спуститься Крючков: он только умоется с дороги, переоденется, и мы поедем на студию.

Вдруг я услышала такой… цокот, как будто кто-то отбивает чечетку. Это когда на ботинки набиты металлические подковки. Такой характерный звук. Я повернула голову и вижу — по лестнице спускается, отбивая чечетку, Николай Крючков.

В кепке, в довольно простом, даже немного помятом костюме, но лицо… Его лицо сияло счастливой улыбкой. Он рад, что прилетел, что он с нами встретился. Со всеми поздоровался, в том числе и со мной, да так, словно мы давным — давно знакомы. Он вел себя так свободно, раскованно, будто это было не в Праге, а в Москве…

Надо сказать, для Николая Афанасьевича все было естественно, не существовало понятия «неловко» или «неудобно». Он не задумывался о том, что люди скажут, что подумают. У него была открытая душа, обворожительная улыбка, в глазах светилась доброта, и потому, что бы он ни сделал, ему всё прощали.

Каждое утро за нами присылали автобус. По пути на студию автобус останавливался на Вацлавской площади. В автобус входили хорошо одетые люди — в беретах, плащах, до блеска начищенных ботинках, с кожаными портфелями… У студии они выходили и исчезали.

А вечером опять ехали с нами в автобусе до Вацлавской площади.

Однажды я спросила пани Славку:

— Кто это с нами каждый день едет в автобусе?

— Да вот же они, — ответила Славка. — Осветители, костюмеры, гримеры.

Оказывается, они надевали на студии синие халаты, аккуратные спецовки и работали целый день.

Эта бытовая культура, аккуратность меня поразили. На студии в Чехословакии был строгий порядок, каждый знал свои обязанности и точно исполнял их.

Когда в первый день мы приготовились сниматься, я заметила, что чешский актер (он играл моего жениха) то ли побаивается меня, то ли робеет. Он был страшно скован.

Вот он должен сказать, что я ему нравлюсь, а его глаза неподвижные, унылые. Тогда я расхрабрилась и решила ему помочь.

— Скажите, Яромирку, у вас есть манжелка?

Манжелка — это по — чешски жена. Он кивает.

— Вы ее любите?

Он тоже кивает.

— Вы можете на меня так посмотреть, как вы дома на

манжелку смотрите?

Он засмеялся, и вдруг вроде лед сломался, мы перешагнули грань отчужденности. И дальше сниматься было легко.

Я **только скажу: «А где манжелка?» — и он улыбается, Поняв мой сигнал.**

Вдруг я слышу в павильоне:

— Хлопцы, вы маете углики в заду?

Думаю: «Боже, что они говорят». А оказывается, в осветительных приборах сгорела вольтова дуга, ее надо поправить, и бригадир осветителей спрашивал, есть ли там углики, чтобы потом не погас осветительный прибор во время съемки.

И еще меня поразило: духи по — чешски — ванявка.

Садишься в трамвай, и молодой человек хочет с тобой заговорить: «Слечна, вы маете геску ванявку», то есть «Девушка, у вас хорошие духи». Поначалу — «ванявка», «углики в заду» резали слух. Но потом я узнала много чешских слов.

В группе меня в шутку называли «пани Помпадур». У меня была своя артистическая уборная, состоявшая из двух комнат. В одной меня гримировали, там же висели костюмы, в другой — маленький бассейн, где после съемки я могла поплавать, если было время. Это были привилегии героини картины. Звезда не звезда, но я играла героиню и имела право на такие удобства.

Несколько лет спустя композитор Борис Мокроусов (он жил в нашем доме на Котельнической) позвонил мне:

— Клара, вы снимались в Чехословакии? Я ходил по студии, мне показывали комнаты для актеров и на одной я увидел табличку: «Геречка Лючикова», «Актриса Лучко».

Я удивилась — прошло столько лет…

Я тоже до сих пор тепло вспоминаю моих чешских друзей со студии «Баррандов», которые проявили такую заботу обо мне, только — только начинающей актрисе.

Я заканчивала съемки и собиралась в Москву, а Крючков должен был задержаться в Праге.

— Клара, ты не можешь со мной поехать к портнихе? — спросил он. — Я для жены заказал вечернее новогоднее платье. Хочу, чтоб ты его взяла с собой…

— Конечно, конечно, — сказала я. — Это ведь не письма через границу возить.

И рассказала ему мои приключения. Он долго смеялся.

Мы отправились с Крючковым к пани Корольковой. У нее был известный в Европе Дом моды. У Корольковой одевались французские, австрийские и немецкие звезды. И даже Мишель Морган. Пани Королькова была знаменита тем, что умела, как

говорят, сделать фигуру. Подчеркнуть то, что нужно. И спрятать то, что плохо. Это очень ценилось.

Мы приехали в Дом моды, нам принесли платье, и я его надела.

Этого я никогда не забуду. Платье было белое, вечернее, открытое, с глубоким вырезом, затянутое по фигуре. Я впервые в жизни надела такое красивое платье и долго смотрела на себя в зеркале: «Боже мой, неужели это я…» Я стала как бы другим человеком. Абсолютно другим. Я стояла перед зеркалом, а Николай Афанасьевич смеялся:

— Ну чего ты застыла? Нам нужно ехать.

Я с такой неохотой рассталась с этим платьем. В Москве я позвонила жене Крючкова, сказала, что привезла подарок, и порадовалась за нее.

…Помню, в Театре киноактера репетировали пьесу «Дон Иванович». Актриса, игравшая главную роль, уехала на съемки. И срочно понадобилась замена — вот — вот должна быть сдача спектакля и премьера. Выбор пал на меня.

Я волновалась. Это был мой первый выход на сцену. В театре совсем иной принцип репетиции, не такой, как в кино. Для меня было непривычным то, что я сегодня репетирую, завтра, послезавтра… В кино отрепетировали сцену, сняли, отрепетировали другую и опять сняли.

В той пьесе Николай Крючков играл моего отца. Это была комедия положений. В спектакле были заняты Михаил Глузский и Виктор Авдюшко. По ходу пьесы я была влюблена в экскаваторщика, его играл Слава Тихонов. А он на меня не обращал внимания и даже ни о чем не догадывался. В меня же был влюблен милиционер. Он сопровождал меня на стройки, где я, будучи кассиром, выплачивала зарплату.

Есть в спектакле сцена, где я объясняюсь в любви Тихонову. Не впрямую, а так… разными намеками. Думаю, что он меня поймет… А он говорит о другом. От обиды я начинаю плакать. Я плачу, а он не понимает, в чем дело, и утешает меня. Для меня это была самая драматическая сцена, и от того, как я ее сыграю, зависел успех роли.

Наступил день премьеры. Ну, думаю, сегодня эту сцену я должна обязательно сыграть с полной отдачей. Я вхожу в комнату, чтобы поговорить со Славой Тихоновым. И вдруг у меня голос прерывается, слезы текут, а в зале смеются. Я играю дальше, а смех в зале все сильнее.

Сцена уже близится к концу, я чувствую, что сейчас сознание потеряю. У меня даже колени дрожат. Всё — я провалила роль. Почему они смеются? Я плачу, а они смеются?

Наконец дали занавес, в зале зааплодировали. Я стою за сценой и плачу — теперь уже от обиды. Плачу и думаю: ну как же так… Почему они смеялись?

Ко мне подошел Николай Афанасьевич Крючков.

— Ну, мать, поздравляю тебя. Поздравляю тебя с первой премьерой в твоей жизни.

— Николай Афанасьевич, — говорю я в слезах, — какая премьера? Вы слышали, как они смеялись? Я провалилась.

— Ну ты дурная. Ведь это комедия положений, там все подготовлено так, что чем больше ты плачешь, чем искреннее ты играешь, тем это смешнее. Это же комедия, пойми.

Он говорил со мной как отец. Как он подошел, как поздравил, как понял, что означает для меня этот день… День первой премьеры в моей жизни. Начало жизни на сцене.

Я любила Театр киноактера. Я играла в «Варварах» Горького, в «Суровом поле» Калинина, в водевиле «Беда от нежного сердца»… По ходу водевиля у меня спрашивают: «А сколько вам лет?» Я говорю: «Восемнадцать». И вдруг я замолкаю, а про себя думаю: сейчас в зале скажут — ей не восемнадцать, а двадцать два.

Не забуду нашу встречу с Крючковым в Ленинграде. Я снималась на «Ленфильме». Выхожу я после съемок на Кировский проспект, машины нет, а хочется побыстрее добраться до гостиницы. Вдруг из ворот студии выезжает машина, и в ней — Николай Афанасьевич. Он открыл дверцу:

— Клара, ты в гостиницу? Садись, подвезем.

Выруливаем на Невский проспект, и тут я вспоминаю, что у меня нет губной помады. А на Невском, у Литейного, парфюмерный магазин.

— Остановите, пожалуйста, — говорю. — Я куплю помаду.

Быстро открываю дверцу, бегу через дорогу. Купила помаду и, чтобы не задерживать Николая Афанасьевича, бегом обратно.

И вдруг вижу: он стоит у машины совершенно белый, лицо перекошено, что-то кричит. Я ничего не могу разобрать.

Остановилась так же резко, как бежала. А в это время на меня мчался автомобиль. Шофер не ожидал, что я остановлюсь, и резко затормозил. Я рывком в сторону — к нашей машине.

И тут Николай Афанасьевич стал кричать на меня. Как он кричал!.. Я не могла понять, в чем дело.

А оказывается, у него была когда-то жена, известная спортсменка. Они прожили вместе меньше года. И вот так же он ехал на съемку, она была с ним и упросила остановиться. Перебежала через дорогу, чтобы купить… губную помаду. На обратном пути какая-то машина сбила ее. Она умерла у него на

руках.

Когда Крючков увидел, что я бегу через дорогу, что на меня мчится автомобиль, он, видимо, настолько ярко вспомнил гибель жены, что готов был… ну, не знаю… готов был меня убить…

Через несколько лет после этого случая я снова встретилась с Крючковым в картине «Гнезда». Главные роли играли он и Лидия Николаевна Смирнова.

По сценарию они были мужем и женой. У них были дети. Потом он от нее ушел к продавщице Нюрке, которая торговала бочковым пивом. Эту роль играла я.

Нюрка родила ему двух ребятишек. Но и с прежней женой он не разводился, и на мне не женился. Понимал все-таки, что ошибся, хотел вернуться в семью.

Помню, снимали сцену, когда Нюрка, то есть я, возвращается домой поздно вечером из ресторана. Пьяненькая, снимает туфли, пробирается тихонько, чтоб его не разбудить. А он не спит. Сидит злой, заросший щетиной.

— Где ты была?

— Какая тебе разница, где я была. Была и была…

Он кричит:

— Вон дети некормленые, а ты где-то шляешься.

— А чего ты распетушился, может, это дети не твои…

Глаза его налились кровью:

— Как?!

И заносит огромный кулачище, чтоб меня ударить. Но какая продавщица пивом будет ждать, пока ее ударят! Я должна развернуться и со всей силой врезать ему.

Вот такая сцена. Доходим мы до кульминации сцены, а я не могу ударить. Замахиваюсь, а ударить не могу.

Режиссер остановил съемку:

— Давайте-ка еще порепетируем.

Репетируем вновь и… Не могу ударить, и всё.

— Николай Афанасьевич, — говорю я. — Извините, но не могу вас ударить.

— Как это ты не можешь… Это же не ты бьешь, а Нюрка. Ну-ка давай…

— Нет, не могу.

— Если ты в этот раз меня не ударишь, так я тебя так ударю!

И с такой злостью и ненавистью занес надо мной кулак, что я совершенно непроизвольно развернулась и влепила ему…

— Ну молодец! — рассмеялся Крючков. — Правда, я не ожидал, что у тебя такая тяжелая рука…

Таких великих актеров, кумиров экрана, как Николай Афанасьевич Крючков, у нас немного. У него не то что

популярность была — это слово к Крючкову даже не подходило, — он был всеобщим любимцем. Крючков выходил из кинотеатра — и толпа стонала от восторга. Он привык к тому, что его радостно встречали, что, когда он появлялся на сцене, аплодировал весь зал. Он привык к тому, что о нем пишут в газетах, ему предлагают роль за ролью, одна лучше другой. Его картины зрители смотрели по нескольку раз.

Но в жизни был простым, скромным, обаятельным человеком. Он обладал каким-то особым секретом — близко к себе не подпускать эту славу, не разрешал себе в ней раствориться. Как посмотришь бывало, думаешь: парень с Трехгорки, парень из нашего города.

Незадолго до смерти Крючков снялся в картине «Горожане». Это был фильм о таксистах, которые называли его Батей. И когда Николая Афанасьевича хоронили, огромная колонна такси провожала его до кладбища. Над Москвой тревожно гудели клаксоны.

Так шоферы отдали дань уважения своему Бате, великому русскому актеру.

Ромашка полевая

Я удивилась, когда получила приглашение на студию «Беларусьфильм» сняться в «Красных листьях». Приглашение пришло от знаменитого режиссера Владимира Владимировича Корш — Саблина. Еще до войны он снял картину, которую знает каждый, «Моя любовь», главную роль в ней играла Лидия Смирнова.

Меня Корш — Саблин пригласил на роль героини Стаей. Это была мелодрама, основанная на реальных исторических фактах. Действие происходило в Польше. У героини несчастье: ее жених, известный революционер, попал в тюрьму, ему грозит смертная казнь…

Была в сценарии и другая яркая роль — Ядвиги, певички из кабаре.

Когда я прочитала сценарий, мне очень понравилась роль Ядвиги. Подобного я еще никогда не играла, но было ясно, что Корш — Саблин в этой роли меня не представляет.

Незадолго перед этим я снималась на «Ленфильме» в картинах «Рядом с нами» и «В твоих руках жизнь». Мои героини — простые женщины, но с очень драматическими судьбами. Эти две картины я проплакала. Чуть ли не в каждом кадре что-то случалось…

И в «Красных листьях» в роли Стаей мне опять предстояли острые переживания. Ну, думаю, нет, третий год плакать в кино я не могу, у меня сил для этого нет.

И я предложила Корш — Саблину, чтобы он меня попробовал на роль Ядвиги.

— Да вы что, Клара, — удивился режиссер, — это не ваша роль. Эту роль будет играть актриса из оперетты.

— Но я Стаею не могу играть. Подобное я уже играла. Мне вряд ли удастся создать какой-то другой характер, и будет лишь повторение пройденного. Ну попробуйте, поскольку я уже здесь, в Минске. Не получится так не получится.

Корш — Саблин согласился.

Мы придумали удачный грим, подыскали вечернее эстрадное платье. Из Моих длинных волос удалось соорудить красивую прическу. Нашли песню. Сцену снимали в ресторане. Я ходила между столиками и пела… Садилась к кому-то на колени, кому-то улыбалась, наклонялась к одному, другому…

Корш — Саблин был удивлен:

— Ну всё… Я утверждаю вас. Вы меня убедили.

Натурные съемки проходили в Вильнюсе, а декорации были

построены в павильонах ленинградской студии.

Уже в Ленинграде я узнала, что в картине будет сниматься Михаил Жаров и у меня с ним будет несколько сцен.

С Михаилом Ивановичем мы жили в одном доме. Я его часто встречала. Мы здоровались. Иногда разговаривали. У него была молодая жена, две дочки. Их тоже я знала. Но одно дело — соседство по дому, а другое — партнерство на съемках. В фильме была даже такая сцена, когда я в ресторане садилась Жарову на колени.

Михаил Иванович был простым, обаятельным человеком. Он умел на съемочной площадке создать такую обстановку, что я чувствовала себя уверенно и легко. Он был актером от Бога, величайшим профессионалом. К тому же, как никто другой, он имел огромный опыт в кино. Кого он только не играл!

Ведь очень важно, кто твой партнер, как он на тебя смотрит, как помогает тебе сыграть ту или иную сцену. Бывают такие партнеры, для которых важно, чтобы его снимали, а когда снимают актрису, ему все равно. Жаров другой — настоящий партнер на площадке.

У Михаила Ивановича был счастливый характер. Со всеми он умел найти контакт: с режиссером, оператором, с ассистентами, с актерами. Я благодарна ему за помощь, за уроки мастерства, за его умение создавать праздник на съемке, за веру в свои силы.

Фильм имел большой успех. Но некоторые зрители, увидев меня в роли певички из кабаре, были огорчены. Один из строгих зрителей, который откликался на каждый мой фильм, написал, что всегда считал меня серьезной и вдумчивой актрисой. «А как же вас теперь понимать?» — спрашивал он после картины «Красные листья».

Я исполняла в ресторане песню «Белая, несмелая ромашка полевая…». На самом деле пела ее Эдита Пьеха. У нее тогда был необычный польский акцент, и нам это было нужно, потому что действие происходило в Польше. Этот акцент и блестящее исполнение песни очень украсили мою роль.

Эдита приехала на запись вместе с Александром Броневицким. Репетировали долго: он говорил Эдите, что надо подчеркнуть, как выделить то или иное слово. А я сидела и слушала. Они тогда работали в ансамбле «Дружба», самом, пожалуй, популярном в те времена.

После этой картины меня долго в шутку называли «ромашкой полевой».

…Ушел из жизни Владимир Владимирович Корш — Саблин, когда-то уступивший моим просьбам и взявший меня на роль Ядвиги. Нет с. нами Михаила Ивановича Жарова, о нем мне

каждый день напоминает мемориальная доска на фасаде нашего дома. В расцвете творческих сил умер Александр Броневицкий.

А с Эдитой Пьехой мы иногда встречаемся и по сей день. Я радуюсь, видя ее на экране телевизора, всегда элегантно одетую, красивую, настоящую актрису.

Не так давно был у нее юбилейный концерт в зале «Россия». Я была на концерте, поднялась на сцену, чтобы от души поздравить Эдиту, вручила ей букет цветов, в который были вкраплены красные листья…

Как память о первой нашей встрече в фильме «Красные листья».

Плясала женщина на свадьбе

Сколько раз задавали мне один и тот же вопрос: «Как вы работаете над ролью?» И журналисты, и зрители — в письмах и на творческих встречах. А действительно, как?

Сергей Аполлинариевич Герасимов учил нас создавать характеры, а для этого наблюдать жизнь, внимательно присматриваться к человеку, подмечать какие-то черточки в его манере поведения. Ведь двух одинаковых людей вряд ли встретишь. Даже близнецы, и те порой различаются характерами или хотя бы какой-нибудь родинкой на щеке. У каждого человека свои привычки, своя походка, своя манера говорить.

Это как отпечатки пальцев — никогда не повторяются, у каждого свой дактилоскопический узор. Если всмотреться в зрительный зал, когда выступаешь, то каждый слушает тебя по — своему, по — своему откликается на рассказ, смеется, аплодирует…

А тогда, в студенческие годы, наблюдение за людьми было для нас увлекательной игрой, веселым домашним заданием.

Помню, как однажды в метро я всматривалась в пассажиров, надеясь увидеть нечто необыкновенное. Но увы… Люди входили в вагон, выходили на станциях, занимали свободные места, читали книги. И я расстраивалась, что ничто не привлекло моего внимания. Я вышла на своей станции, и вдруг…

Впереди меня какой-то быстрой странной походкой шел человек. И я побежала за ним, пристроилась чуть поодаль и попыталась идти так же, как и он. Это было, конечно, смешно. Может быть, кто-то из пассажиров, заметив мои пассажи, подумал: «Ку — ку!»

Постепенно это вошло в привычку, я что-то запоминаю, и это «что-то» хранится в памяти… А иногда просто смотришь на дерево, **видишь** его сильный ствол, нежные листья — и понимаешь характер героини, которую предстоит сыграть.

Выступали мы в подмосковном Доме офицеров. В военном городке, где жили летчики. Концерт прошел, нас дружно приветствовали, а потом все разошлись. Мы остались в артистической и ждем, когда же за нами придет шофер машины. Но никто не приходит.

Дело было зимой. Мы продрогли, нервничаем: может, вообще о нас забыли? И тут появляется начальник Дома офицеров.

— Мне доложили, что вы здесь сидите. Ваша машина сломалась. Послали за механиком. У меня предложение. Через дорогу — напротив — женится летчик. Приглашаю на свадьбу.

Поздравите молодых, они будут довольны. Починят машину — поедете домой.

А действительно, чего мы сидим в холоде, а напротив свадьба гуляет, летчик женится! Пошли к летчику.

Свадьба в разгаре. Симпатичные жених и невеста. Нас встретили как родных. Мы поздравили новобрачных.

Меня посадили за стол рядом с мужчиной небольшого роста. На коленях у него аккордеон. А рядом его супруга — дородная, пышная женщина, с мощным бюстом и высокой прической.

Когда в очередной раз провозглашали тост за молодых и кричали «горько!», мужчина тихонечко, незаметно тянул руку к рюмке, а она — на страже, тут как тут: «Играй, я танцевать хочу».

Он играет, она танцует.

Вновь тост, и он только пытается взять рюмку, а она снова:

— Играй!

Он играет, она танцует…

— Ну что же вы не разрешаете ему выпить, — говорю я. — Праздник, свадьба.

— А я ему велела, чтобы он аккордеон с собой взял. Чтоб не пил.

И в самом деле: руки заняты, не напьется.

Я стала за этой женщиной наблюдать. А она действительно очень любила танцевать. Она танцевала так, как будто это был последний танец в ее жизни. Резко наклонялась вниз, и волосы

Мои родители —Анна Ивановна и Степан Григорьевич Лучко

Наш дом в Полтаве

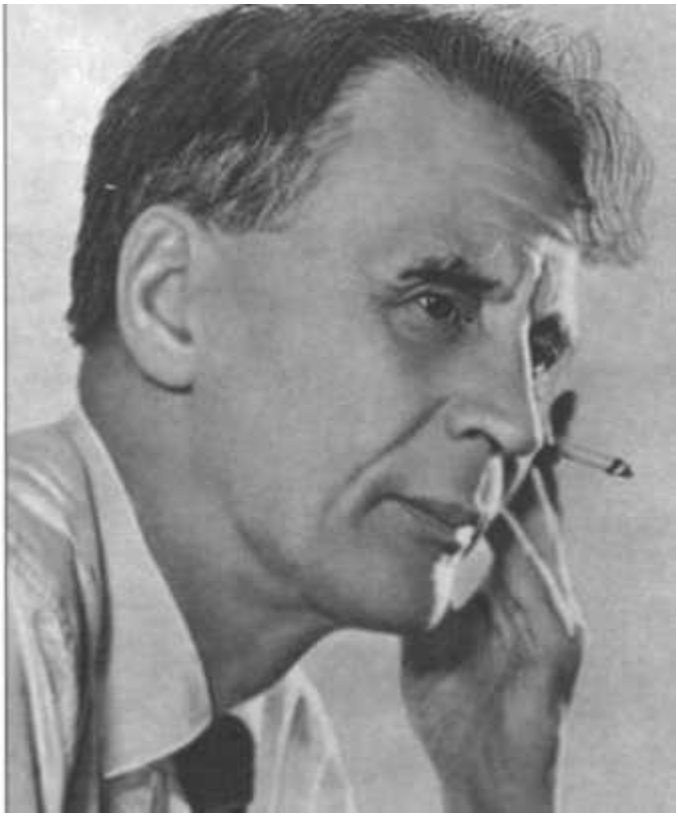
О други юных лет!.. Я — справа

Его жена Тамара Федоровна Макарова преподавала нам актерское мастерство

Училась я во ВГИКе на курсе Сергея Аполлинариевича Герасимова

Накануне поступления в институт

С «Кубанских казаков» (1949) началась моя большая жизнь в кино



Иван Александрович Пырьев. Вокруг его имени было много слухов, споров и скандалов. Но каждая его картина становилась событием

Актеры поздравляют И А. Пырьева с пятидесятилетием.Слева направо: Е. Самойлов, Б. Андреев, В. Зельдин, Н. Крючков, В. Дружников, С. Лукьянов, М. Ладынина и я

Полвека спустя в гостях у кубанских казаков

Я играла роль Даши Шелест, а Сергей Владимирович Лукьянов — роль Гордея Ворона. После выхода картины на экран мы поженились

* * *

В фильме «Донецкие шахтеры» (1950) мне улыбнулось счастье: я встретилась с прекрасными актерами — В. Дружниковым, П. Алейниковым, А. Петровым, О. Жаковым

С Верой Кузнецовой в фильме «Большая семья» (1954). На Международном кинофестивале в Каннах фильм был отмечен специальным призом жюри

В «Снежной сказке» (1959) я впервые сыграла острохарактерную роль — Чёрную душу

«Красные листья» (1958). С Михаилом Жаровым

«Двенадцатая ночь» (1955) Еще не появилась на экранах страны, А меня пригласили представлять ее на международном фестивале в Эдинбурге

С Аллой Ларионовой С Михаилом Яншиным

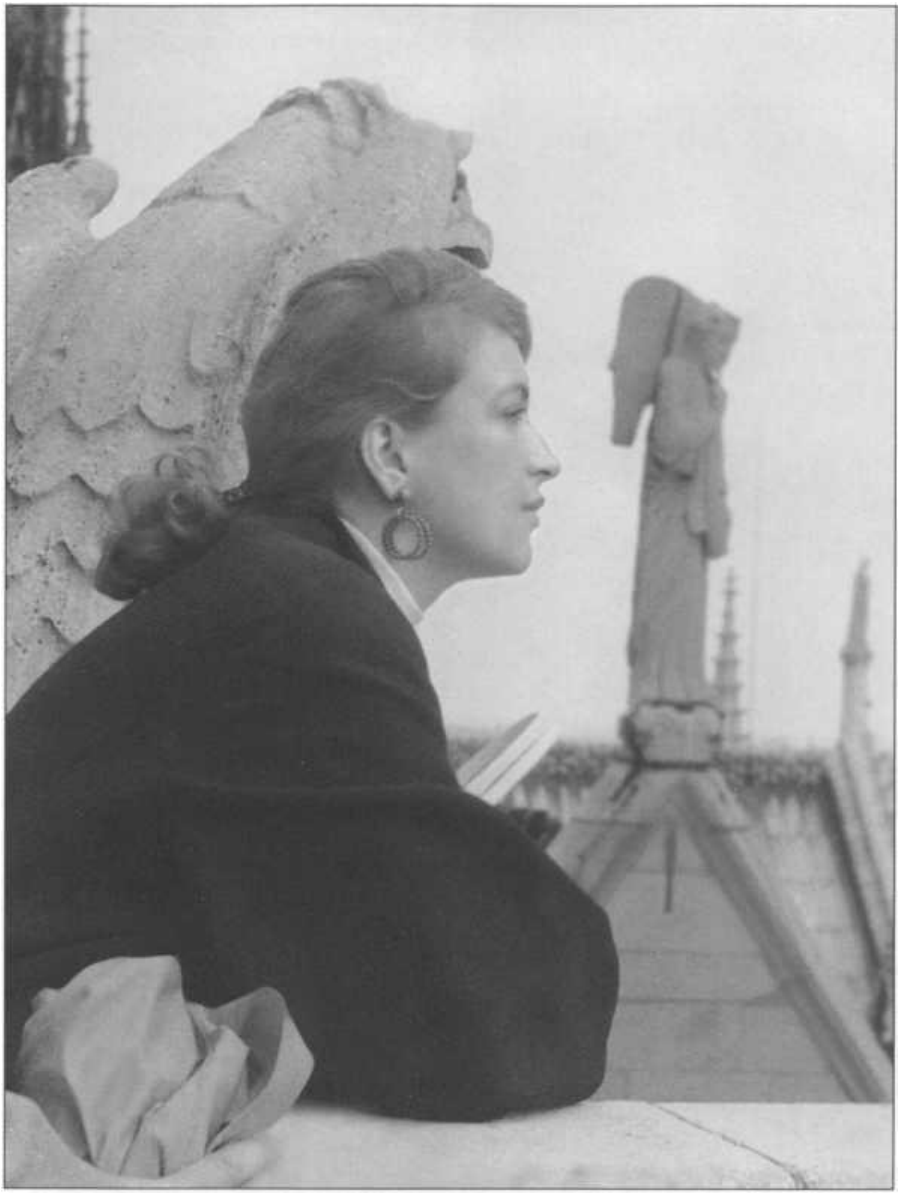
Сцена из фильма

Канны, набережная Круазегг. С Любовью Орловой на празднике «Битва цветов»

В Каннах на кинофестивале. О чем еще могла мечтать актриса?

Николай Крючков был моим верным спутником в путешествии по Индии

С Борисом Чирковым и Сергеем Столяровым мы летали в Люксембург



Я побывала едва ли не в сорока странах мира. Видела Индию и туманный Альбион, пирамиды Мехико и небоскребы Нью — Йорка, африканскую саванну и желтые камни Святой Земли…Но в памяти моей — *тот* Париж

Пабло Пикассо (второй слева) встретил нас в своей мастерской. Каждому сделал подарок. Мне он подарил овальное блюдо

С Фернаном Леже. Оказалось, он смотрел «Кубанских казаков» и его поразили буйство красок и темперамент

режиссера.

Он подарил мне женский портрет, выполненный из керамики: «Она похожа на тебя, Клара»

В фильме «На семи ветрах» (1962) Станислав Ростоцкий

«Государственный преступник» (1964)

предложил мне роль хирурга «Чужое имя» (1966)

В фильме «Ференц Лист» (1970) я сыграла Мари Д'Агу, возлюбленную великого композитора

закрывали ее лицо. Потом она закидывала голову назад и гордо приподнимала грудь — ну очень гордо! И танцевала, танцевала…

Я смотрела не отрывая глаз. Вот сыграть бы мне ее! Это — характер. И мне уже было все равно, когда придет машина, когда мы поедем домой. Я все время наблюдала за этой женщиной.

Возвращались домой поздно, кое-кто из моих друзей был расстроен. Завтра утром рано вставать. А я тихо устроилась в

машине и улыбалась, потому что та женщина была у меня перед глазами.

Конечно, не всегда случается, что ты можешь использовать то, что увидела в жизни. Но тут, как говорят, совпало. Опять счастливый случай.

Режиссер Рудольф Фрунтов готовился снимать картину «Жил отважный капитан» и предложил мне сыграть роль бригадира маляров, Агнию.

Это здоровая, сильная женщина, с низким сипатым голосом. Время военное. Суда приходят на ремонт после боев, надо залатать пробоины, закрасить. И все это на холодном ветру.

У Рудольфа Фрунтова я снималась в нескольких картинах, первая из них — «Ларец Марии Медичи».

…Я приехала на «Мосфильм». Зашла в лифт с товарищами по съемочной группе, а на следующем этаже в лифт входит директор картины, с которой я не раз работала прежде.

— Клара, — спрашивает она, — ты что сейчас делаешь?

— Заканчиваю съемки, а дальше — как судьба распорядится.

— Вот судьба и распорядилась. Как только освободишься, зайди к нам. Мы начинаем снимать картину, и, наверное, ты очень бы подошла нам на одну из главных ролей.

Меня встретил молодой режиссер, это была его первая самостоятельная работа — детектив «Ларец Марии Медичи». Он предложил мне роль аристократки — француженки Мадлен Локкар.

Сценарий мне понравился, да и роль захотелось сыграть, потому что я раньше в детективах никогда не снималась.

Мы долго пробовали, искали грим, сняли несколько сцен и потом, посмотрев материал на экране, поняли, что нашли и внешний облик моей героини.

Фильм «Ларец Марии Медичи» прошел по экранам с большим успехом. Как раз в ту пору был в Москве Международный кинофестиваль. Поначалу мы сомневались, не помешает ли фестиваль прокату картины — лето, жара, во многих кинотеатрах показывают зарубежные ленты. Тогда заграничные фильмы были редкостью, и специально брали отпуска и приезжали в Москву, бегали по фестивальным просмотрам.

Фестиваль был в разгаре, а мы уже праздновали первую победу — миллион зрителей за месяц посмотрели «Ларец Марии Медичи». С тех пор я снималась у Рудольфа Фрунтова почти в каждой его картине. Мы часто ездили с ним на встречи со зрителями, на премьеры и очень подружились…

Фильм «Жил отважный капитан» снимался в Архангельске. Город встретил нас сурово. Было холодно. Дул шквальный ветер,

да такой, что даже лицо замерзало и трудно было улыбнуться.

Съемки шли на старом сухогрузе, что стоял у причальной стенки на Северной Двине.

Я пришла в костюмерную и попросила «утеплиться». Надела на себя все, что было: несколько свитеров, ватную куртку, повязалась платком. Добавила две пары носков, страшные башмаки и ватные штаны и стала похожа на огородное пугало.

Посмотрела в зеркало и пришла в ужас — такой страшной я себя еще никогда не видела. Но женщины, мне кажется, очень хорошо устроены: когда мы не смотрим на себя в зеркало, у нас хорошее настроение, мы вроде себе нравимся. Мы по — другому себя представляем, и, пожалуй, намного лучше, чем мы есть на самом деле. А посмотришь в зеркало, думаешь: эх, что-то я сегодня не так выгляжу. Ну, наверное, плохо спала, да еще недавно болела. Отойдешь от зеркала и тут же все забываешь.

Через день — другой я привыкла и не стала обращать внимание на свой вид. Ведь как бывает: маленького роста женщина, ну, маленькая, и ей, наверное, хочется быть выше. Но про себя думает: «Ну, я маленькая, а высокие каблуки надену и буду среднего роста». Или полная женщина думает: «Ну, я полная.

Черное платье надену, и… вроде бы нормально». Я высокая. У меня рост — метр семьдесят. Но я же не думаю, что высокая, а считаю, что мужчины мелкие пошли.

Вот так мы и живем в согласии с собой. А если бы мы каждый раз помнили о своих недостатках? Тогда у нас всегда было бы плохое настроение. И нам было бы трудно жить.

Закончили мы экспедицию, вернулись в Москву, и вскоре режиссер пригласил актеров посмотреть снятый материал. Сидим мы в зрительном зале и, конечно, волнуемся. Вдруг вижу: на экране движется какое-то здоровенное существо, как шкаф. Спрашиваю у актрисы, что по соседству:

— Ты не знаешь, кто это идет?

Она отвечает:

— Не хочу тебя расстраивать, но, по — моему, это ты.

Моей героине Агнии очень нравился моряк по фамилии Бондарь. Агния как увидит его, говорит: «Товарищ Бондарь, приходите к нам морошку кушать». Ну, конечно, война — не до морошки…

Но однажды она набралась смелости и пригласила его в гости. Он согласился.

Агния одолжила «лодочки» у подруги, соседке отдала маленького сына.

Я думала: как же мне построить сцену так, чтобы моя героиня

понравилась моряку? Конечно, каждая женщина знает, чем она может привлечь мужчину. Одна очень заливисто смеется, этак призывно. Другая рассказывает веселые истории. Третья прекрасно готовит, может угостить пирожками…

А я решила, что буду танцевать так, как танцевала женщина, встреченная мною на свадьбе у летчика в подмосковном гарнизоне. Конечно, режиссеру не стала рассказывать о том, как хочу построить сцену, он бы мне наверняка сказал:

— Да вы что, Клара Степановна, мы ведь войну снимаем, а вы… танцевать…

И я решила ничего не говорить. Думаю, все само собой образуется.

Но все же мы с гримером придумали прическу: заворачиваются волосы вверх, закалываются шпилькой, чтоб кок двигался вниз — вверх. Нашли в костюмерной облегающее платье. Художника — декоратора попросила, чтобы поставили на тумбочку патефон и пластинку. Обязательно танго.

Начинается съемка. Я аккуратно набираю в чайную ложечку морошку и кормлю Бондаря. Смотрю, как он ест, и улыбаюсь. А потом говорю: «Потанцуем?»

Но этого текста в сценарии нет. Мой партнер несколько растерялся. А я встаю, накручиваю патефон, ставлю танго.

Танцую так, как танцевала та женщина. Мой партнер не очень понимает, что происходит. И режиссер удивился, но молчит. И вдруг засмеялся:

— Замечательно! Так вот и снимем эту сцену.

И вся роль пошла по — другому: в следующем кадре я выхожу из дома, а китель Бондаря у меня на плечах. И иду я мимо соседок такой вальяжной походкой…

Казалось бы, ну что особенного в этой сцене. А для характера она имела большое значение. Как жили женщины во время войны: и холодно, и голодно, и работали сутками. Но каждой хотелось и тепла, и ласки, и любви…

А в следующей сцене — моя бригада работает, и я на своих товарок покрикиваю хриплым голосом. Такая здоровая баба, будто совсем другой человек. Но теперь уже зрители понимают, что в душе Агния совсем другая. Роль стала живая и человечная.

Конечно, не будь той подмосковной встречи, я придумала бы что-то другое. Но то, что увидела, было гораздо ярче и интереснее, чем то, что я могла бы придумать.

Когда я в кинотеатре смотрела картину вместе со зрителями, то зал оживился — все было смешно, нелепо и трогательно…

У режиссера Рудольфа Фрунтова я снималась и в картине «Тревожное воскресенье». Специально для меня он написал роль

женщины — мэра портового города.

В основе сюжета — драматическая ситуация: загорелся в порту иностранный танкер, а в его машинном отделении была наша ремонтная бригада. В той бригаде работал мой сын. Я случайно узнала, что он там. Но об этом никому не сказала ни слова и занималась множеством неотложных дел: эвакуировала детские сады, школы и ясли на случай, если прогремит взрыв, чтобы никто в городе не пострадал. И только в конце всей этой драматической истории с пожаром, когда все благополучно закончилось, отстояли от огня не только город, но и спасли ребят — ремонтников и вынесли моего сына на носилках, — только тогда люди узнали, чего мне стоило сохранять самообладание.

Это была сильная драматическая сцена. Очень сильный характер был у моей героини. Важная для меня роль. Интересная. Ведь есть роли внешнего какого-то эффекта, а есть роли, когда у героя в душе что-то происходит. И это гораздо сильнее, чем внешнее проявление. Моя героиня — мэр города — никому не показала, что она, как всякая мать, боится за сына, в глазах ее была трагедия, и никто из окружающих не смог понять, что с ней. Но каждую секунду зрители не забывали, что ее сын там…

Сыграть это состояние героини, ее внутренние метания между долгом и материнским чувством было очень сложно.

Специфика кино такова, что вокруг нет зрителей, нет их глаз, мгновенного отклика. И только потом, в кинозале, на встрече со зрителями можно понять, что тебе удалось или не удалось.

Жертвы популярности

Я люблю Ялту, ее знаменитую набережную, белоснежные корабли у причала, небольшие улочки, скромный чеховский домик… С этим городом у меня связаны яркие воспоминания, на местной студии я не раз снималась.

Но однажды я оказалась в Ялте проездом из Новороссийска, где закончились съемки картины «Тревожное воскресенье». Мне нужно было попасть в Кишинев на «Молдова — фильм». Мне купили билет на теплоход, до крымских берегов путь недалекий, я сошла в Ялте, устроилась в гостинице, чтобы дождаться машины из Кишинева.

У меня было несколько часов свободного времени, и я пошла погулять по городу.

Когда приезжаешь в город, который хорошо знаешь, всегда вспоминаешь минувшее, и не общую картину, а какие-то детали.

Впервые я приехала в Ялту на съемки «Двенадцатой ночи». Вот часовня, где мы снимались с Аллой Ларионовой…

Я зашла на рынок. Здесь когда-то снимались забавные эпизоды комедии «Опекун». У нас тогда был прекрасный актерский ансамбль — Александр Збруев и Георгий Вицин…

Помню, в те дни на Ялтинской студии, где шла работа над нашим фильмом, снимался «Остров сокровищ» с Борисом Андреевым. Он плохо себя чувствовал, у него болели ноги. Он выходил из гостиницы, медленно шел, то и дело останавливался. Его узнавали, здоровались, хотели поговорить. А он присаживался на лавочку и делал вид, будто наблюдает за людьми, проходящими мимо него.

Ему трудно было учить роль. Помогала жена. И он повторял каждую фразу по многу раз.

Заглянула я и на студию. Там, как всегда, толкотня: хлопотали ассистенты, собирались участники массовки, искали кого- то из актеров.

Я вышла и пошла по улице к морю. У ворот одного из домов стоял тонваген, доносилась музыка. Моя музыка. Финал из «Цыгана».

Неподалеку от гостиницы, в маленьком переулке, были построены декорации: вывески на испанском языке, стояли столики у кафе. Были припаркованы две иностранные машины. Нечто похожее на уголок Латинской Америки.

Я пришла в гостиницу и спросила, какой фильм снимается. Мне сказали, что Витаутас Жалакявичюс снимает фильм о Чили, вернее, небольшую сцену, а вскоре они уедут в Чили.

Мы с ним были хорошо знакомы. Вместе с Жалакявичюсом и Рыбниковым я летала на Кубу, а путешествие в дальние страны сближает людей. Жалакявичюс часто приезжал в Москву, звонил мне.

Я попросила у дежурного администратора его телефон, набрала номер и, изменив голос, спросила:

— Это Витаутас Жалакявичюс?

— Да. Это я.

— Хорошо, что я вас застала. Я эксперт из Госкино. Мы специально приехали в Ялту с художником, экспертом по Латинской Америке. Мы посмотрели декорации, и я должна вас обрадовать: вам не нужно лететь в Чили, можно снять картину в Ялте. Поэтому работайте спокойно, не дергайтесь. Даже те, кто бывал в Сант — Яго, не смогут отличить вашу улицу от настоящей чилийской.

А я еще в Москве слышала, что и режиссер, и вся группа мечтали полететь в Чили… Витаутас растерялся:

— А вы откуда говорите?

— Я в Симферополе. Лечу в Москву.

— Почему вы со мной не поговорили? Я режиссер, я бы вам все рассказал, тем более что я договорился с председателем Госкино.

И он начал горячо доказывать мне, что группа обязательно должна лететь в Чили.

— Если у вас есть вопросы, — сказала я, — поговорим в Москве. Но зачем вам мучиться и куда-то лететь? Работайте спокойно здесь. И все у вас получится.

И тут Витаутас вдруг понял, что его разыгрывают: он узнал мой голос…

— Клара, это ты, что ли?

— Я.

— Вечно ты меня разыгрываешь.

Витаутас даже рассердился не на шутку, ведь я заставила его поволноваться. Он спорил и горячился попусту. Но я рассмеялась, стараясь сгладить шутку.

— Не сердись. Я проездом в Ялте, сейчас еду в Кишинев…

…В актерской среде принято разыгрывать друг друга. Не раз жертвой розыгрыша становилась и я.

Снимаю телефонную трубку и слышу:

— Это есть Клара Лучко?

— Я.

— Здравствуйте. Вам звонят из Венгрии. Студия «Мосфильм».

Я на этой студии снималась в совместной с венграми картине «Ференц Лист». Я играла Мари Д'Агу, а Листа играл знаменитый

венгерский актер Имре Шимкович. Поэтому я не удивилась. Венгры тогда продали фильм во многие страны мира.

— Да, я вас слушаю.

— Мы хотим вам предложить очень интересную роль. Там будут сниматься еще два советских актера. Мы хотим знать ваш график, чтобы назначить съемки. На «Мосфильме» в двадцать пятой комнате мы оставим сценарий, он переведен на русский язык.

— Хорошо, — говорю я.

Через три дня я была на «Мосфильме». Иду по коридору, вижу — двадцать пятая комната. Вхожу, там сидит какой-то мужчина. Я спросила, где сценарий, который оставили для меня венгры.

— Венгры? Никаких венгров здесь не было.

Я пошла в плановый отдел, мне сказали, что съемок с венграми не предвидится. И я поняла, что меня кто-то разыграл.

Но были и случаи другого рода. Однажды мне позвонил человек, представился советником по культуре нашего посольства в Париже. Он написал сценарий фильма — оперы, играть будут драматические актеры, а петь знаменитости из Италии, Франции и Австрии. Многие актеры, сказал советник, уже дали согласие. А вы согласны?

— Если понравится роль.

— Отлично, — говорит он. — Я предварительно позвоню вам и принесу сценарий.

Через несколько дней он пришел. Сказал, что оставил сценарий в Большом театре, там просили кое-что уточнить. Я смотрю на него — неказистый такой человек, костюм выутюженный, но старенький, плащ потертый, в руках полиэтиленовый пакет. Я думаю: ничего себе советник по культуре, как же он во Франции работал?

Он стал мне рассказывать, время от времени вставляя французские слова, перечисляя концертные залы мира. Чувствую, человек образованный. Мы с ним поговорили, он уже собрался уходить и вдруг замялся у порога.

— Простите, Клара Степановна, у вас в доме букинистический магазин. Я зашел и увидел книгу об Анне Павловой. Но я, к сожалению, не захватил с собой денег. Нет ли у вас… двухсот рублей?

Я удивилась. Вот это да… Меня принимают за идиотку. Мне стало обидно.

— Вы меня, извините, — сказала я, — но у меня нет денег. Только что я заплатила за квартиру…

— Жаль… Да ладно, в следующий раз приду, отдам

сценарий, может быть, эту книгу никто не купит.

— Может быть, — только и смогла я сказать.

Вечером мне позвонил Никита Владимирович Богословский, тоже мой сосед по дому.

— Слушай, Клара, у тебя был этот… советник по культуре?

— Да. Сегодня заходил.

— Деньги просил?

— Да, — говорю, — хотел книжку купить.

— Вот и у меня был. Но я ему, конечно, денег тоже не дал. Я же всех в посольстве знаю, спросил, работает ли там мой друг. И он подтвердил: да, работает. А мой друг давно уехал из Парижа.

Никита Богословский написал фельетон в «Вечернюю Москву» о том, как нас пытались дурачить. Но я даже пожалела «советника по культуре»: Бог знает, как и почему вступил он на этот путь.

Встречаю вскоре композитора Микаэла Таривердиева. Оказывается, и к нему обратился «советник».

— Но я его домой не позвал, а пригласил в Союз композиторов. Он пришел.

— И вы ему дали денег?

— Дал.

И актриса Зинаида Кириенко чуть не попалась на удочку. Но она читала фельетон, поэтому договорилась о встрече и пригласила милицию.

«Советник» действительно когда-то окончил институт. Не вполне здоров… Но давно занимается своим промыслом. Его задерживали, давали небольшие сроки, и он, отсидев положенное, вновь «собирал дань» с известных людей, всякий раз придумывая новую легенду.

А однажды мне позвонила дежурная по дому и сказала, что со мной хочет поговорить сын Леонида Быкова.

Что делать? Может, он авантюрист, а вдруг и в самом деле сын? У меня екнуло сердце. Конечно, я не могла его не принять.

Он вошел и спросил:

— Ну что, похож?

Он и в самом деле походил на Леонида Быкова. Но в этом напористом «Ну что, похож?» я почувствовала, что он не тот, за кого себя выдает… Он начал рассказывать различные истории, видимо, все прочитал о своем «отце». Сообщил, что его взял Марк Захаров в театр, даже показал мне старый грим:

— Воруют в театре, я с собой ношу грим…

Рассказал, что говорил с Никитой Михалковым, тот обещал ему подготовить творческий вечер в память о Леониде Быкове.

Я молчала.

Мне было грустно оттого, что кто-то выдает себя за сына моего друга. Я ждала, когда же он попросит денег.

Он понял, что пора приступать к делу:

— Вы знаете, как сейчас трудно организовать творческий вечер. Мне не хватает некой суммы. Нужно разослать пригласительные билеты. Вы не могли бы мне одолжить?

Я понимаю, что он врет… Если я дам ему деньги, то буду просто дурой. И он посмеется над тем, как меня обманул… А вдруг это и в самом деле сын?

— Я вам их обязательно верну, — сказал он, получая деньги. — Я пришлю вам пригласительный билет…

Муж вышел его проводить на площадку к лифту. И «сын» моего друга, ничуть не смущаясь, спросил:

— А Людмила Гурченко тоже живет в этом доме?

Было множество и других случаев, о которых нельзя забыть. Я, надо сказать, не принадлежу к тем актерам, которые любят, чтобы в их доме были поклонницы, готовые и обед сварить, и куда-то на машине подбросить. Я тоже порой не могу отвязаться от назойливых звонков поклонников. Но стараюсь, правда, как можно деликатнее, отвадить их. Увы, не всегда это удается.

Долгое время меня атаковала одна девица из Питера. Она чуть ли не ежедневно присылала мне письма с признанием в любви и нарисованные ею портреты. Однажды раздался звонок в дверь, я, как было прежде положено, открываю замок, и в квартиру входит хорошенькая черноволосая девица. Она начинает говорить, что ее жизнь сломана, она должна знать, что я ее не заверну с порога, и вдруг… падает на диван, начинает задыхаться… Я бросаюсь за сердечными каплями, не знаю, как ей помочь…

В это время пришел с работы муж и, узнав, в чем дело, говорит:

— Ты что, Клара, не видишь, что это симулянтка? Я сейчас быстро приведу ее в чувство.

И правда, он тут же ей строго приказал подняться, одеться и следовать за ним. И она покорно пошла.

На улице он остановил такси, усадил в машину мою поклонницу и отвез на Ленинградский вокзал. Так как он работал в «Известиях», то прямо на вокзале зашел в депутатскую комнату, попросил купить один билет на поезд, который вот — вот должен был отправиться на берега Невы. Дождался, когда началась посадка в вагоны, и только после того, как поезд тронулся, поехал домой. Он очень был доволен проведенной операцией, и я, признаюсь, тоже.

А вскоре после этого к нам пожаловала нежданная гостья из

Полтавы. Приехала расторопная бабуля, передала привет от Степана Григорьевича Лучко, моего папы, тут же переоделась в халатик, надела домашние тапочки и стала по — хозяйски осматривать нашу квартиру. Особенно ей понравился вид из окон: излучина Москвы — реки и башни Кремля. Между прочим, какие-то зарубежные компании нам не раз бросали в почтовый ящик предложения сдать квартиру в аренду за огромные деньги. Именно из-за этой панорамы. Но это было в поздние времена, а тогда, когда нас навестила бабуля из Полтавы, счет был иной. В подарок она привезла нам большую индейку.

Мы усадили гостью за стол, стали ее расспрашивать про Полтаву, и надо же было так случиться, что раздался междугородний телефонный звонок. Звонил из Полтавы Степан Григорьевич. Оказалось, что никого он не посылал к нам и вообще не знает, кто эта бабуля, нагрянувшая в Москву.

И что вы думаете? Бабуля, услышав, что звонят из Полтавы, в один момент переоделась, сложила халатик и домашние тапочки и тут же откланялась.

Второпях она забыла у нас индейку.

Цыган

Режиссер Театра киноактера Дмитрий Вурос прочитал повесть Анатолия Калинина «Суровое поле», и она его так захватила, что он сделал пьесу и поставил ее. В этом спектакле играли Нонна Мордюкова, Анатолий Кузнецов и я.

Анатолию Калинину, приехавшему с Дона в Москву на премьеру, спектакль понравился. Он благодарил режиссера и нас. На том мы расстались.

Прошло несколько лет, и вдруг меня приглашает на переговоры режиссер Александр Бланк. Я не была с ним знакома, но видела его прекрасные телевизионные фильмы. Оказывается, Анатолий Калинин вместе с дочерью Наташей закончили работу над сценарием по повести «Цыган». Четыре серии — телевизионный сериал. Когда обсуждали с режиссером, кого пригласить на роль Клавдии, Анатолий Калинин твердо сказал, что он видит только Лучко. Он запомнил меня в спектакле «Суровое поле» и уверен, что я подхожу, тем более что я казачка.

Но вскоре начались трудности. Кому-то что-то показалось, и запуск сериала притормозили. Имя Калинина было широко известно, и он, разгневанный, написал письмо секретарю ЦК КПСС Михаилу Суслову. Но то ли о письме вовремя не доложили, то ли помощники не сработали, а дело с мертвой точки не сдвинулось. Объединение телевизионных фильмов одобрило сценарий, но запускать сериал все-таки не решалось.

Мне посоветовали обратиться к Сергею Георгиевичу Лапину, председателю Гостелерадио СССР О его жесткости и непримиримости было много разговоров, и потому особо радужных надежд на успешный исход встречи я не питала. Но муж посоветовал, чтобы я все же рискнула.

Набрала телефон, попросила секретаря соединить с председателем. Лапин взял трубку, я попросила о встрече, и он сказал:

— Если вы свободны, приезжайте сейчас.

Я быстро собралась и поехала на Пятницкую. Внизу, в холле, меня уже ждали, и через несколько минут я была в председательском кабинете.

Лапин встретил меня приветливо, предложил кофе и тут же извлек из ящика стола огромную папку. Тогда только что на телеэкранах прошел фильм «Ольга Сергеевна» с Татьяной Дорониной в главной роли. Фильм вызвал споры, на телевидение пришли тысячи откликов, и Лапин, не спросив меня о причине прихода, стал обсуждать со мной письма зрителей. Мы

поговорили, даже поспорили, он остался доволен нашей беседой. И только после этого спросил:

— Так что вас привело ко мне?

Я рассказала о сценарии, о том, что кто-то тормозит начало работы. Имена не называла, да все тонкости мне и не были известны.

— Дайте мне несколько дней, — сказал Лапин.

И через три дня началась работа над сериалом.

Я буду играть Клавдию! Но кто же Будулай? Это идеальный герой! Кто может его сыграть?

Начали пробовать актеров из разных, в том числе национальных, студий. Были среди претендентов грузины, армяне, стали подумывать и о Николае Сличенко. В театре «Ромэн» он уже сыграл Будулая. Сличенко — актер яркий, лучшего цыгана не сыскать. Но Бланк несколько по — другому видел своего героя, а переделывать актера, утвердившегося в роли, очень трудно. Поэтому от Сличенко отказались.

Наконец, после долгих споров решили попробовать Армена Джигарханяна. Я очень люблю этого артиста и замечательного человека. Но Джигарханян был занят — снимался в другой картине. Правда, через год — два мы встретились с ним на Всесоюзном радио, в радиопостановке «Цыгана», где он сыграл Будулая, а я Клавдию.

Приехал на пробы и один актер из Армении, щуплый, небольшого росточка, с длинными вьющимися волосами, узкоплечий и тонконогий. Когда я увидела его, то подумала: нет, если это Будулай, то я играть не смогу.

— Саша, — говорю я Бланку, — мне кажется, он не очень подходит. Будулай — это идеальный герой.

— Зато, — ответил Бланк, — этот актер похож на Иисуса Христа. Понимаешь, это очень важно.

— Но ведь и я, и зрители должны полюбить все-таки Будулая…

Мы долго спорили, и каждый остался при своем мнении.

Я стала думать, где все же найти актера, с которым я смогла бы сниматься.

И вдруг вспомнила, что в картине Николая Гибу «Корень жизни» снималась вместе с Михаем Волонтиром, народным артистом Молдавии. В том фильме он играл председателя колхоза, и я по ходу сценария долго и безответно страдала по нему.

Михай Волонтир живет в Бельцах, работает в местном драматическом театре. Помню, на «Молдова — фильм» он приехал после театральной премьеры и показывал фотографии —

кудрявые волосы, шляпа на голове. Что-то было в его облике романтическое и загадочное.

Я тут же позвонила Бланку. Он, оказалось, видел Михая в фильме «Зона особого внимания», и тот ему запомнился.

Бланк меня послушал. Отправил ассистента со сценарием в Бельцы. Волонтир согласился приехать.

На пробах я попросила, чтобы Волонтиру сделали тот же грим, что на театральной фотографии. Волонтир говорил помолдавски, ну а я по — русски, естественно. Это украсило пробу, придало ей романтичность. Пробу утвердили, и группа начала готовиться к съемкам.

Адрес экспедиции был определен. Только Дон. Я, Клара Лучко, а по роли Клавдия Пухлякова, — донская казачка.

И вдруг Бланк говорит, что экспедицию, возможно, придется отложить: Волонтира в театре не освобождают — предстоят гастроли, а на нем весь репертуар. Что делать?

— Саша, — говорю я Бланку, — добудьте телефон заместителя председателя Совета министров Молдавии. Мы с ним отдыхали в одном санатории. Давайте я позвоню, попрошу, может, он решит этот вопрос.

Телефон достали. Я позвонила.

Говорю, видела по телевизору передачу из Кишинева, сделала комплимент, мол, вы так хорошо и по делу выступили. У меня небольшая просьба. Михай Волонтир должен сниматься в четырехсерийном фильме. Картина прославит на всю страну не только актера, но и республику. Помогите, чтобы ему в театре предоставили отпуск на полгода.

— Подождите несколько минут, — говорит мой собеседник.

Слышу, его соединили с министром культуры и он говорит о том, что действительно картина нужна республике для ее престижа, молдавский актер выходит на всесоюзный экран и так далее…

Отпуск Волонтир получил. Сам он был крайне удивлен и только в Москве узнал о моей «тайной» операции.

Когда он приехал на Дон, мы уже сняли несколько сцен. Как раз в день его приезда вся группа смотрела рабочий материал.

Волонтир тоже посмотрел и остался доволен:

— Я так рад, что я увидел, как Клара Степановна меня любит. Я должен ее любить еще больше.

На следующий день снимали сцену, когда по цыганской почте Будулаю передают, что дома его ждут жена и сын. «Повтори еще раз, повтори еще…» — не верил Волонтир — Будулай. И радовался, и плакал, и смеялся. С этой сцены и началась наша совместная работа.

Все в группе работали как одержимые: хоть ночью, хоть днем снимай, надо — значит надо. Группа поверила в то, что сериал получится. Но для меня было очень важно, примут ли меня донские казаки, как ко мне отнесутся станичники.

Женщин с такой биографией, как у Клавдии, на Дону много. Станичники приходили на съемки, стояли в сторонке, смотрели…

Мы снимали сцену с Настей. Она, беременная, приходит ко мне, а у меня день рождения. Видит полковника, что в доме квартировал, отзывает меня в сторонку и говорит: «Полковник — хороший человек, но ты должна ждать Будулая». Вот она, бабья сцена. Когда мы ее сыграли, женщины вручили нам цветы. Это было первое признание.

Мы арендовали дом для Клавдии Пухляковой. Стали думать, как его обставить, какие фотографии повесить, где это все найти. И женщины — станичницы принесли все, что нужно, из своих домов. Нам-то, говорили они, лучше известно, каким должен быть дом Клавдии.

Дом получился уютным. Над комодом повесили старинное зеркало. Хозяйка позже подарила его мне. Оно так и висит у меня дома — как память о картине, о добрых людях.

Однажды в воскресенье мы снимали в станице Пухляковской. И вот в перерыве, после обеда, я спускаюсь по ступенькам столовой и вижу — на скамейках сидят казаки, пьют вино, обсуждают новости. Один из них поднялся, подошел ко мне и стал рассматривать. Мне стало не по себе, неловко. Я была в костюме, в гриме Клавдии.

Наконец казак спросил:

— Ты, говорят у нас, Клавдию играешь?

— Я?.. Да, играю.

— Ну что ж, ты ничего… Подходишь. От туто маловато, — и он показал на грудь…

Ну если только это, подумала я, тогда можно считать, что казаки меня приняли.

Станичники снимались у нас в массовках. Даже в маленьких эпизодах.

Неожиданно трудной для нас оказалась сцена суда над цыганкой Ширало и ее мужем. Снимать решили на открытой площадке с концертной раковиной. Зрительный зал — ряды скамеек.

Я приехала на съемку и увидела расстроенного режиссера.

— Клара, съемки не будет.

— Почему?

— У нас администратор уехал в Одессу. И никого не предупредил.

Администратор на съемке должен следить, чтобы было ограждение, чтобы посторонних не пускали в кадр.

— Саша, — говорю я, — нет администратора — справимся сами. Кто свободен, тот и будет администратором. Я тоже буду помогать. Мы не должны сорвать съемку.

Мне нужно было войти через заграждения на площадку. Но не тут-то было. Станичникам интересно, они пришли посмотреть на съемку. И видят, есть калитка, а через нее можно пройти на площадку. Не одному, не десяти, а всем сразу.

Режиссер молчит, растерявшись. Встает второй режиссер — женщина с микрофоном в руках — и тоже молчит.

А толпа нахлынула такая, что нет возможности ни мне пройти, ни оператору снимать.

Слышу команду:

— Приготовились!

Я расталкиваю всех, пробираюсь на площадку. Когда прозвучала команда «Мотор!» — я была на месте.

Наверное, со стороны это выглядело невероятно: артистка расталкивает толпу и как ни в чем не бывало входит в кадр и играет сцену.

Сцену суда мы сняли, и, как ни странно, получилось хорошо.

Или вот сцена драки с Катькой Аэропорт. В сценарии написано, что мы ругаемся. А мы с Ниной Руслановой на репетиции решили, что будем драться. Но как? Чем?

Мы с дочкой несем мокрое белье с Дона, после стирки. Значит, будем драться мокрым бельем.

Русланова в ванной намочила полотенца. Попробовали. Но полотенца легкие. Неинтересно. Может быть, скрученными простынями? Это уже посерьезнее.

Утром на съемке режиссер говорит:

— Покажите, как будете драться.

Нам принесли корзину мокрого белья. Катька, то есть Русланова, побойчей меня, схватила простыню и как огрела по спине. Я аж задохнулась! И тогда я тоже схватила простыню и дала сдачи.

Дрались мы молча, потому что текст забыли. Я раньше никогда не дралась и не подозревала, что азарт появляется, да такой, что обо всем забываешь.

— Отлично, — сказал режиссер. — А где же текст?

Мы отрепетировали и стали сниматься. Мы дрались, плакали, смеялись, не хотели отдавать этого Будулая друг другу. Словом, получилась настоящая бабья сцена.

По сценарию во время сцены идет дождь. Прибыли две пожарные машины, набрали воды из Дона и поливали нас от

души. Лето было жаркое, засушливое, так что поначалу нам даже было приятно. Но съемка продолжалась шесть часов. Платья нам не меняли, мы промокли до нитки. Я видела, что у Нины Руслановой посинели губы и зуб на зуб не попадает.

А станичницы смотрели, и некоторые плакали.

После съемки я сказала одной женщине:

— Что вы плачете? Это же съемка. Вы же видите, стоят осветительные приборы, пожарные машины.

А она мне:

— Это про одинокую нашу бабью судьбу.

Помню, мы снимали сцену: к Клавдии накануне Дня Победы приходят фотографы, чтобы переснять старую, единственную оставшуюся фронтовую фотографию погибшего мужа. Мы с актрисой Майей Булгаковой сидели за столом и рассматривали фотографии. Потом — согласно сценарию — я должна была встать и подойти к комоду. А над комодом висел старый репродуктор.

Начали снимать. И тут, сама не знаю почему, я включила репродуктор. Мне и в голову не приходило, что он может работать, такой он был старый. И вдруг мы услышали голос Марка Бернеса:

А на груди его светилась медаль за город Будапешт…

Все замерли. Кто-то заплакал. И меня это потрясло. А зрителей потрясла правда того, что происходило в кадре.

…Когда Центральное телевидение впервые показало четыре серии «Цыгана», никто не собирался снимать продолжения. Но на нас обрушился шквал писем. Тысячи, десятки тысяч писем… Большинство зрителей требовало продолжения. Ведь неизвестно, что будет с Будулаем. Вот едет он в цыганской кибитке, и никто не знает — выживет ли он, встретимся ли мы…

Зритель любит, чтобы было ясно, чем кончится, и все хотели счастливой развязки. Чтобы Будулай выжил. И чтобы этот мальчик, Вася, тоже жил с нами. Чтобы мы любили друг друга. «Ну что вам, пленки жалко? — спрашивали нас. — Еще бы немного досняли — и все было бы ясно». И этот зрительский напор дал результат.

Но не сразу. С Калининым говорить об этом не стоило: Анатолий Вениаминович — писатель серьезный, с пылу да с жару решений не принимает.

И вот помню робкий вопрос корреспондента «Литературки» к автору:

— Верно ли, что вы продолжили «Цыгана»?

— Да, Будулай снова постучался мне в окно. Трудно сказать, почему это произошло. Очевидно, потому, что его судьба — это

дорога. В нее впадают другие судьбы… Обращение к Будулаю вовсе не значит, что Калинин собирается ехать на цыганской лошадке из-за популярности. Будулай дает, как мне кажется, возможность высказаться по ряду проблем, которые меня волнуют. В этом все дело. Пятая и шестая части уже печатаются в «Огоньке». Пришло новое время, можно сказать что-то новое.

Интервью было напечатано в июле 1983 года. А в декабре 1984 года был снят первый дубль нового четырехсерийного фильма «Возвращение Будулая».

Мы с волнением приступили к работе. Ведь мы возвращались к таким родным, уже полюбившимся и нам, и миллионам людей героям.

Прошло несколько лет после первых четырех серий. Оказалось, что продолжать гораздо сложнее, чем начинать новое.

Так случилось, что после выхода на экран «Цыгана» я сыграла в кино четырнадцать ролей. И все же Клавдия жила во мне, да и зрители все эти годы не давали забыть о ней. На творческих встречах, в поездках спрашивали, не будет ли продолжения «Цыгана», интересовались судьбой Клавдии.

Картина «Цыган» шла во многих странах. Помню, как в Югославии, после демонстрации фильма, меня узнавали на улицах, ко мне подходили, я видела тепло в глазах самых разных людей. Вероятно, потому, что существуют вечные ценности — любовь и верность, дружба, чистота человеческих отношений, надежность и доброта.

И вот настало время ехать в Ростовскую область. Когда я пришла на Казанский вокзал, в поезде «Тихий Дон» меня встретили те же проводницы, что и несколько лет назад. В это трудно поверить, но это так. И, конечно, мы говорили о «Цыгане», о Клавдии и Будулае. Наши киногерои стали для зрителей близкими и родными, это я знаю твердо.

И снова знакомая дорога от города Шахты к Усть — Донецку. Теперь мне знаком здесь каждый поворот — так породнила меня актерская судьба с донским краем, связала накрепко и неразлучно.

Где-то в середине пути дорогу бросает вправо, излучина выносит ее на площадку, что раскинулась на высоком речном крутояре, и глазам открывается чудо. Дух захватывает от распахнутого навстречу простора, света какого-то необыкновенного, излучаемого рекой, в которой отражается небо.

Дон… Река как бы охватывает все пространство окрест, на пологих ее берегах в утренней размытой дымке примостились станицы и хутора, петляют проселки, и островерхие пирамидальные тополя, как казачьи сторожевые вахты,

возвышаются над зеленым разливом садов.

Тихий Дон… Веет от него величавым покоем, а в душу вливаются радость и умиротворение.

Впервые чудо открылось моим глазам и сердцу десять лет назад, и не думала, не гадала я в ту августовскую пору, что придется свидеться с этой картиной вновь. Притом не раз, не два… Не думала, не гадала, что дорога эта станет и моей, как дорога к родному дому. И всякий раз, когда останавливалась здесь, сердце замирало от предчувствия красоты.

Тогда, в 1976 году, ехала я по этой дороге в гости к Анатолию Вениаминовичу Калинину. Много гостей собралось в Пухляковке, журнал «Огонек» проводил творческую конференцию по произведениям писателя, и все мы, ее участники, близко прикоснулись к миру его ярких и самобытных героев.

Есть у Калинина запомнившиеся мне строки. Они из книги «Время “Тихого Дона”», программной книги писателя:

«Вот и опять с утра передо мной стремя Дона. С яра, к которому прильнул наш казачий хутор, схожу к воде. Взмывающая из-за острова заря пламенеет сквозь ветви верб и тополей, а приулегшийся было за ними ветер задувает из-за островного леса с новой силой. И вдруг так зримо покажется, что это сам ветер времени летит на крыльях зари, ухватившись за гриву взыгравшего в своих берегах Дона».

Мы бродили с Анатолием Вениаминовичем по берегу и вспоминали давнее наше знакомство, начавшееся еще со спектакля «Суровое поле» в московском Театре киноактера. Тот разговор невольно вспомнился спустя годы, и, хотя прошел по экранам снятый Евгением Матвеевым фильм «Цыган», как-то незаметно завязался разговор о телевизионном сериале, который мог бы вобрать в себя более полно и емко всю яркую и многострадальную, но полную веры, надежды и любви историю Будулая и Клавдии. То был еще робкий замысел, и мы сами не предполагали тогда, сколько нам предстоит потратить сил, прежде чем цель будет достигнута.

Разговор наш на берегах Дона был лишь мечтой. Но стремя Дона уже позвало нас в дорогу, которая и в самом деле началась у порога калининского дома.

Прямо от порога
Нас ведет дорога,
Как детей заботливая мать…

Помните эту песню, которая звучала в первых четырех сериях «Цыгана»? Она для нас, причастных к созданию фильма, имела и

особый, потаенный смысл. От донского порога, через трудности — к победе!

Спустя три года после этого нашего разговора режиссер Александр Бланк приступил на Одесской киностудии к первым съемкам. Так что дорога только к подступам сериалам заняла у нас ни много ни мало — целых три года. И все это время я жила думами и заботами Клавдии, моей будущей героини.

И вот снова, спустя годы, та же дорога к Усть — Донецку. Снова излучина выводит нас на берег Дона; как и тогда, останавливается на площадке машина, я выхожу — и все повторяется как в первый раз. Но смотрю я на все это уже другими глазами — я приехала на съемки.

Сколько раз я не просто перечитала роман, я проигрывала каждую его страницу. Я была уже не Кларой Лучко, а Клавдией Пухляковой, и потому я чувствовала, что приехала домой.

В тот год ранней весной необычно сильным был разлив Дона. Даже кузня Будулая, где мы должны были снимать несколько сцен, и та долго еще была под водой. Жили мы в Усть — Донецке. Картину снимали в Пухляковке и Константиновке, там, где поселил героев писатель.

Судьба Клавдии Пухляковой — это судьба поколения женщин, жизнь которых была изломана войной и разрухой. Эти вечные невесты, жены, совсем молодыми ставшие вдовами, воспитали детей, своих и чужих, познали столько горя и разочарования, но сохранили в душах своих доброту, чистоту и надежду. Сколько тепла, сочувствия и сострадания видела я в глазах этих женщин, и, может быть, поэтому так легко, трудно и счастливо одновременно было мне работать над этой ролью.

Все, казалось, вернулось: поселились мы в той же гостинице, я вошла в тот же номер, где когда-то прожила полгода, и почувствовала себя так, как будто не минули годы. Я включила радио и услышала позывные Усть — Донецка. Это была музыкальная тема нашего фильма… Прекрасная музыка композитора Валерия Зубкова.

Мы стали искать, что осталось из реквизита. Волонтир боялся, не пропал ли его широкий цыганский пояс. Нашлось и мое старое платье. Все мы, кто снимался в фильме «Цыган», стоим в гриме, в костюмах и смотрим друг на друга. Такое впечатление, будто что-то родное вернулось из дальнего далека, долго не виделись и наконец собрались вместе.

Я никогда не думала, что возвращение будет столь сложным. Но уже через два — три дня мы почувствовали, что перерыва будто и не было…

Однако все в конце концов заканчивается. «Цыган» и

«Возвращение Будулая» вышли на телеэкран. И снова Москва была пустынной, зрители приникали к экранам телевизоров, ждали возвращения Будулая.

Своим успехом фильм во многом обязан не только режиссеру Александру Бланку, актерам, но и талантливому композитору Валерию Зубкову. Помните финальную мелодию в «Цыгане»? Музыка, берущая за душу… Как жаль, что Валерий рано ушел из жизни.

После первого появления на телеэкранах истории Будулая и Клавдии прошло столько лет, столько было телепоказов, но фильм по — прежнему любят зрители. Фильм, оказалось, не только не устарел, а стал смотреться как-то по — новому. Я заметила, что круг зрителей неожиданно расширился: потоком пошли письма от молодых. Значит, история жизни и любви, история нелегкая, но чистая и звонкая, дошла до сердец, заставила присмотреться к себе, к окружающему миру, задуматься о нравственных проблемах, о цене человечности.

Я помню, как после первого показа ехала в Ленинград и моим соседом по купе оказался врач из небольшого городка. Ну, конечно, он сразу завел речь о «Цыгане».

— Вы получили награду?

— Что вы, — отвечаю, — на студии нам дали вторую категорию, на первую не расщедрились.

— Как же так? Все врачи нашего города написали в Москву, чтобы вам дали Ленинскую премию.

Конечно, это милая наивность, но мне было приятно. Куда бы я ни приезжала, где бы я ни была — всегда меня спрашивали: «А Будулай где?» Я отшучивалась: «Да дома оставила. Дома». Никто не мог себе представить, что мы не вместе. Как это — восемь серий были вместе, а теперь где-то он там живет… Где Будулай?

В Новороссийске я снималась в картине Рудольфа Фрунтова «Тревожное воскресенье». И в свободный от съемок день пошла на рынок, а там цыганки гадают. Вдруг одна другую стала подталкивать, и вот уже меня окружил табор.

— Клавдия… Дай-ка мы на тебя посмотрим.

— А что на меня смотреть…

— Вон там наш барон, он тоже хочет на тебя посмотреть.

— А вы ему скажите, что я тут была и ушла.

Вокруг нас собралось много любопытных. Это же базар!

— А что тут?

— А — а, вон она стоит!

— Кто?

— Да Лучко.

— А Будулай где?

Я еле выбралась из толпы. Слышу за спиной каблучки стучат: цок, цок, цок. Догоняет меня цыганка:

— Ну что же ты ушла? Поговорила бы с нами.

— Да как-то неудобно. Столько народу собралось. А вот ты мне скажи, вы расстроились, что я за Будулая вышла, а не ваша Настя?

— Нет, ты что! Мы за тебя болели! Ты добрая, хорошая. А Настя злая.

Многие до сих пор называют меня Клавдией. В письмах меня так и величают: «Дорогая Клавдия…»

«Как благодарна я всем вам, жившим жизнью главных героев фильма, за мучительную боль сердца и горькие слезы мои, товарищи дорогие! Не хочется с вами прощаться. Вы добру учите. Добру и любви.

Н. К., г. Винница».

«Вы играете честно, искренне. Ведь сыграть так, чтобы люди поверили, Клавдия, чтобы людям понравилось, очень нелегко. Я пишу вам, как самому дорогому человеку.

Наташа О., Ростовская область».

«Когда вы прибежали в дом Будулая и не застали его, мне так хотелось быть с вами, обнять вас, успокоить. А когда рядом появился Ваня, я завидовала ему. Вы меня извините, что пишу так откровенно, но после этих фильмов я вас очень полюбила.

Светлана С., г. Луцк».

«У меня такое впечатление, что Михай Волонтир не герой фильма, а живой Будулай с прекрасной душой ребенка. Не мог бы он прожить жизнь Будулая, не имей в настоящей жизни прекрасное сердце.

Н. Калиновская, Черновицкая область».

«Говорят, что в ролях раскрывается истинный характер актера. Я не знаю, так ли это? Похожи ли вы на свою героиню Клавдию?

Г. Ксенофонтова, г. Куйбышев».

«Мне хотелось бы иметь мужа такого же хорошего, как Будулай, и быть такой же счастливой, как Клавдия. Я, может быть, еще и встречу его. Ведь у меня еще все впереди.

Е. С., Омская область».

«Вы очень по характеру и добротой души похожи на мою маму. Или моя мама на вас. Я стала думать о жизни по — другому. Вокруг есть много хорошего, а самое главное — люди.

Г. К, г. Кишинев».

«Спасибо за образы ваших героинь, которые продолжают делать хорошее даже после экрана. В своей жизни я бы очень хотела быть на вас похожей. И буду стараться.

О. Н. В., г. Новочеркасск».

«Мне пятнадцать лет; но вы не подумайте: откуда, мол, она может знать о войне? Что она вообще знает о горькой судьбе женщин, потерявших на войне своих родных и близких… У меня бабушка во время войны потеряла мужа и брата и сама вырастила четверых детей.

Б. Н., г. Самарканд».

«Я смотрела ваш фильм и плакала. Значит, есть все-таки на свете истинная верность, настоящая любовь… Мне так хочется в это верить.

М. Я., Москва».

«Никогда никому в своей жизни подобных писем не писала. А вот после просмотров фильмов «Цыган» и «Возвращение Будулая» я не могла не сделать этого, хотя первый фильм смотрела не раз. Душу мою наполнило какое-то сильное волнение, к горлу подступил комок… Такое сильное эмоциональное впечатление произвела на меня Клавдия, а особенно состояние ее в последних кадрах фильма, встреча с Будулаем. Никаких лишних движений, а все так естественно, ясно и понятно.

И. О., г. Первоуральск».

«Такой была и моя мама — ласковой, доброй, справедливой. Смотрел фильм и как будто дома побывал.

Г. Л., г. Пермь».

«Судьба Клавдии напоминает мне судьбу моей мамы. Она одна нас, двоих дочерей, вырастила. Мы теперь в городе живем, а она одна в деревне осталась. К сожалению, не часто мы ее навещаем. Смотрела я, и так стыдно мне стало за свое невнимание к ней. Мама нам всю жизнь отдала…

Е. В., г. Киев».

«Мне 16 лет. Живу я в Ленинграде. Фильм ваш не развлекательный, не шоу, в нем нет красивой жизни и модных рок-групп, всего того, что так нравится сейчас молодежи. Но в фильме есть чистые люди, любовь, возвышенная, настоящая. Именно ее сейчас и хочется встретить. Людям так не хватает любви, что-то ушло из нашей жизни…»

Годы проходят, а картина привлекает не меньше, чем прежде, внимания зрителей. Когда фильм вышел на экран, было неважно, кто ты и где живешь: в Грузии или в донской станице… Вот Клавдия — она взяла цыганенка и воспитала его как своего сына. И что в этом было особенного? Нормальное дело. Люди дружили, люди помогали друг другу. Строгие нравственные критерии воспринимались большинством как само собой разумеющееся. Сейчас мы многое растеряли или забыли под натиском нищеты, криминала и наглости.

Никто не оспорит, что наша картина была и остается высоконравственной. И Будулая любят за то, что он надежный, добрый, отзывчивый на чужую боль и беду. Он — хозяин, но и романтик. Все, о чем может мечтать женщина, есть в этом герое. Картина не теряет влияния на людей. И тем она дорога и зрителям, и мне.

Случались и смешные истории. Я была членом жюри фестиваля «Киношок», который проводился в Анапе. И нас вместе с Сергеем Никоненко пригласили выступить во Дворце культуры одной из станиц. Зал был набит битком. И когда закончилась встреча, местное начальство пригласило нас в маленький ресторанчик. На Кубани это давно заведено — званых гостей надо попотчевать.

Только мы устроились за столом, как открывается дверь, врывается огромного роста казак и сразу ко мне:

— Що ж никто мене не сказал, что вы сегодня приедете? Меня же здесь все зовут Будулаем. А я вчера как назло бороду сбрил. Если б я знал, что вы приедете, никогда бы ее не сбривал.

Я не успела охнуть, как он схватил меня и высоко поднял. Я машу рукой Никоненко:

— Сережа, спасай, этот Будулай меня погубит.

Но казак меня осторожно поставил на пол, глубоко вздохнул и ушел. Я заметила слезы в его глазах…

Теплая, сердечная аура творческого содружества сохранилась в сердцах и продолжает согревать души.

С режиссером Александром Бланком мы вновь встретились на съемках многосерийного фильма «Профессия — следователь». А в жизни я подружилась не только с ним, но и с его семьей — женой Изольдой и дочерью Ликой. Помню, я поехала в роддом, чтобы поздравить Изольду с рождением дочери, и остановилась у цветочного киоска. А так совпало, что накануне завершилась первая демонстрация «Цыгана». Я попросила продавщиц подобрать хороший букет, сказала, что еду к жене режиссера в роддом. Они вручили мне несколько букетов и отказались взять деньги.

— Мы так вам благодарны, — сказали цветочницы. — Смотрели вчера и весь вечер проплакали.

Как жаль, что Александр Бланк ушел так рано. Он был талантливый самородок, художник с чувством достоинства и доброты.

Я люблю и своего киносына Ваню. Это Алексей Никульников.

Когда его взяли на роль, он учился в Ростовском театральном училище. А когда мы закончили «Цыгана», он как раз получил диплом. Режиссер Александр Бланк и я посоветовали Алексею

поступать на актерский факультет в Москве, в студию МХАТа. Он приехал, подал документы, а как раз во время экзаменов началась демонстрация «Цыгана».

Приходит он после первой серии сдавать экзамены, а ему говорят:

— Мы вас берем. Только постарайтесь сдать общеобразовательные предметы.

Алексей Никульников закончил студию МХАТа. Я была на выпускном экзамене. Его приняли в труппу одного из московских театров.

Но тут его подстерегла страшная трагедия — погиб его сын. Алексей не находил себе места и в таком тяжелом состоянии встретил друзей, которые приехали из Новой Зеландии. Они уговорили его погостить у них, прислали ему приглашение, и он, собрав деньги на билет, уехал. От отчаяния. Купил сначала билет туда и обратно. Но, приехав в Новую Зеландию, решил остаться и пожить там некоторое время.

Чем только он там ни занимался — малярничал, плотничал, был спасателем на пляже, рыбаком. Руки у него золотые, все умеет. А в свободное время писал стихи и песни. И раз в неделю выступал на русском радио.

Сама я не была в Новой Зеландии. Но мой муж был там дважды — в 1973 и 1986 годах. В те годы на вечнозеленых островах трудно было встретить русского человека. Не то что в Австралии; после победы Мао в Китае в 1949 году десятки тысяч наших бывших соотечественников из Харбина, Порт — Артура и Шанхая эмигрировали в Сидней и Мельбурн. Но в последние годы и десятки тысяч русских, отнюдь не бедных, переселились и в те далекие края, подальше от отечества. Там теперь появилось русское радио и телевидение.

Так прошло два года, и Леша однажды понял, что должен вернуться домой. Заработал денег на билет, прилетел в Москву и вернулся в родной театр.

Мы с ним довольно часто видимся, перезваниваемся. Иногда вместе выступаем в концертах. Алексей Никульников хороший человек и талантливый актер.

Он был счастлив, что вернулся на родину, занялся любимым делом. Но жилось ему трудно. Зарплата в театре мизерная, квартиры нет. Когда я узнала об этом, пошла к Валерию Павлиновичу Шанцеву, первому вице — мэру Москвы, и рассказала ему историю моего «киношного сына». Он меня выслушал внимательно и сказал, чтобы Алексей пришел к нему. С этого все и началось, а потом к решению вопроса подключились и другие мои друзья, в том числе замечательный человек, крупный

ученый и бизнесмен Валерий Исаакович Грайфер. Словом, Алексей теперь живет в собственной квартире. Он стал много сниматься в кино. Я очень рада, что в конце концов все так хорошо устроилось.

А с Михаем Волонтиром, хотя и живем теперь в разных государствах, несколько раз встречались на концертах. Потом судьбе было угодно так распорядиться, что мы встретились и на съемочной площадке.

Но это — другая история, о ней я расскажу позже.

А недавно я получила письмо с хутора Пухляковского, из Ассоциации туристско — экскурсионных организаций «Сердце Дона». Там намерены собрать средства, выкупить курень, где во время съемок был дом Клавдии, и воссоздать на горе кузню Будулая.

«По итогам социологического опроса, — говорится в письме, — проведенного «Российской газетой» в 1997 году, «Цыган» вошел в число ста лучших фильмов за всю историю отечественного кинематографа, а по числу демонстраций по каналам телевидения России занял первое место».

И люди, приезжающие на отдых в донские края, спрашивают:

— А где проходили съемки «Цыгана»?

Я пожелала успеха энтузиастам и решила, что, как только будет воссоздан курень Клавдии, пошлю им то старинное настенное зеркало, которое после съемок мне подарила хозяйка дома.

Однажды в день моего рождения группа актеров вышла на сцену и спела шуточные куплеты:

Ой, цветет калина,

Что же мы грустны?
Мы в одну дивчину
Хором влюблены.
И как знак признанья
Красоты твоей
Бросили цыгане
Воровать коней.
За цыган спасибо
Взгляду твоему,
Есть без них в России
Воровать кому…
Пусть проходят годы,
Облетает цвет,
А любовь народа
Не проходит! Нет!

Моя тетя Маруся и мой друг Анатолий Ромашин

Как-то на глаза мне попалась повесть Галины Поповой «Тетя Маруся». Я ее прочитала и чем больше думала о ней, тем больше представляла себя в роли тети Маруси.

У нее в роддоме погиб ребенок, а у соседки по палате не было молока. И тетя Маруся, по своей русской жалости, выкормила чужого ребенка.

Всю свою жизнь она посвятила этому мальчику Пете, а когда он вырос и женился, то приняла на себя и заботы о его детях. Но тут неожиданно к тете Марусе пришла поздняя любовь…

Когда старший сын Пети понял, что она страдает, он сказал:

— У тебя должна быть личная жизнь! Я знаю, ты уйдешь от нас, но, пожалуйста, никому не говори об этом. Потому что моего братика заберут в детский дом, а я этого не хочу. Я брошу учебу, пойду на работу. Младшего брата вытяну, он закончит школу, а я потом и сам доучусь… Только никому не говори, что ты уходишь от нас.

И тетя Маруся ответила:

— Ты что… как это я вас оставлю?

И не оставила.

Эта женщина совершила подвиг. Она работала вахтером, убирала квартиры, чтобы накормить своих воспитанников. И осталась им верна — она не променяла чужих детей даже на свое счастье.

Мне казалось, что знаю тетю Марусю всю жизнь. Я думала о том, что такая картина была бы нужна. Потому что очень много на Руси таких женщин, как эта Маруся, и не меньше тех, кто нуждается в тепле и ласке.

В это время ко мне пришел корреспондент журнала «Советский экран». И, конечно, задал традиционный вопрос:

— Что бы вы хотели сейчас сыграть?

— Я прочитала повесть Галины Поповой «Тетя Маруся». Если бы кто-то взялся за картину по этой повести, я была бы счастлива сыграть тетю Марусю.

Проходит время, раздается телефонный звонок:

— Клара Степановна, я написал сценарий «Тетя Маруся».

Я обрадовалась, но спрашиваю:

— А почему вы мне звоните?

— Я прочитал в журнале, что вы очень хотели сыграть эту роль. И написал сценарий.

— А вы что, сценарист?

— Нет. Я музыкант.

У меня сердце упало. Конечно, я прочитала сценарий и поняла, что музыкант не знает простых законов сценарного дела.

Вскоре я познакомилась с Галиной Поповой, и мы с ней подружились. Я уговорила ее написать сценарий.

Когда он был готов, его включили в план Белорусской студии. В приказе было написано, что картина ставится для Клары Лучко, исполнительницы главной роли.

Я была счастлива. Теперь самое важное для меня было придумать характер, потому что просто так играть события жизни трудно. Ну, профессионально, ну, взволнованно, глубоко, но — должен быть характер.

Я долго искала, мучилась, и вдруг вспомнила Полтаву моего детства. Далекое и светлое время.

Я вспомнила тетю Юлю, которая жила у нас во дворе. Смолоду она была красавицей, и все женщины обсуждали, как тетя Юля влюбилась в летчика. Она совершенно преобразилась, светилась от счастья. Сыграли свадьбу. Она родила сына Мишу. А потом — что-то не заладилось… Летчик уехал, а она осталась одна с ребенком. Через несколько лет сын умер…

Тетя Юля была замечательной портнихой. Она всех обшивала в нашем дворе. Самые нарядные платья в студенческие годы шила для меня тетя Юля.

Она пришла в детский дом и сказала, что хочет научить девочек кройке и шитью. Многие ее воспитанницы стали портнихами. Особенно тетя Юля привязалась к одной девочке, и, когда та подросла, тетя Юля взяла ее к себе, заботилась о ней, сшила ей подвенечное платье, выдала замуж и проводила молодых в Сибирь.

Без тети Юли во дворе никто не мог обойтись. Кому-то надо было, чтоб покормили ребенка после школы. Кому-то — купить хлеб или лекарства: она и в аптеку сходит, и за больным присмотрит…

Двор на Украине в те годы был больше, чем двор. Там стояли скамейки, могли и раскладушку принести. По вечерам женщины собирались посудачить, обменяться новостями. Они знали, что происходит в каждой семье. Кого-то осуждали, за кого-то радовались.

Шли годы, тетя Юля старела и стала болеть. Она лежала дома с высокой температурой. Никто из соседей о ней не вспомнил. Телефона, естественно, у нее не было. Отчаявшись, она написала записку: «У меня высокая температура. Вызовите врача». Фамилия и адрес… И выбросила записку в форточку. Это же первый этаж —

может, кто найдет, прочитает и поможет.

Записку нашли через два дня, но уже никто не мог ей помочь…

Чем чаще я вспоминала тетю Юлю, тем больше мне казалось, что они с тетей Марусей похожи. Ведь тетя Юля тоже ни от кого ничего не требовала. Ей говорили: «Ну как же так… на чужих детей ты все время работаешь, о себе не думаешь…» Но она считала это естественным.

Теперь я знала, почему тетя Маруся должна поступить именно так, а не иначе. Это уже было во мне: ведь тетя Юля — это мое детство.

Когда двухсерийный фильм «Тетя Маруся» показали на телеэкране, я получила сотни писем. Как ни странно, добрая их половина была написана детьми. И еще много писем пришло от одиноких женщин, у них никогда не было детей. Они писали о том, что если бы посмотрели картину раньше, то, может быть, попытались бы изменить свою жизнь.

Среди откликнувшихся было немало воспитанников детских домов да еще тех, чьи семьи принято считать неблагополучными. Этим детям не хватало ласки, тепла, доброго совета. А когда одна девочка написала: «Я смотрела фильм несколько раз. Вы мне очень нравитесь, у вас добрые глаза и ласковые руки», — я поняла, что мои старания не напрасны.

Во время работы над картиной у меня были прекрасные партнеры. Римма Маркова играла Марусину подругу — наставницу. У нас с Риммой совершенно разные характеры, и для картины это стало находкой. Она как бы дополняла меня. Она наставляла, помогала. Я к ней приходила как к старшей сестре. Потому что у меня ведь тоже никого не было.

Владимир Конкин играл Петю. Замечательно играл.

Ира Шевчук исполняла роль жены Пети. И в особенности я благодарна Анатолию Ромашину…

Это сложно — играть любовь, которая приходит к человеку в зрелом возрасте, здесь надо быть крайне деликатным.

Анатолий Ромашин — мастер психологической игры.

Работа на площадке сближает актеров, особенно когда они чувствуют и понимают друг друга.

У него самого жизнь круто изменилась: Ромашин полюбил женщину, которая намного моложе его. Ушел из театра и как бы начал жизнь сначала. У него родился сын.

Встречаю его в Союзе кинематографистов.

— Толя, что с тобой произошло? У тебя такие красивые синие глаза… Ты помолодел…

— Сейчас же пост, — отвечает он. — А вообще-то жизнь моя

перевернулась. Я люблю.

Для актера, для мужчины уйти из театра, резко изменить свою жизнь — трудное решение. Но он его принял.

— Скажи, — спросила я его, — по — твоему, что такое молодость? Это не только год рождения в паспорте?

— Я знаю одного философа. Он уверяет, что надо думать не о том, что у тебя сколько-то прошло в жизни лет, а о том, сколько тебе осталось. И каждый день, который тебе Бог даровал, каждый день надо прожить так, чтобы помнить: это был прекрасный день. Вот он прошел — а ты его помнишь. И еще — это ощущение радости каждого наступающего дня. Вот это и есть молодость, по крайней мере для меня.

— А как фамилия твоего философа?

— Я тебе дам его телефон. Ты можешь с ним поговорить, а иногда и встретиться.

— Да?

— Ну вот мой новый телефон, пожалуйста, запиши. Этот философ — я.

Анатолий Ромашин погиб трагически и нелепо. Его придавило деревом. Для меня его смерть была глубокой трагедией. Мы с ним дружили, с полуслова понимали друг друга, если так можно сказать, мы были людьми одной породы.

Я помню, как пригласила его на передачу «Кумиры экрана». Студия «АСТ — Прометей» родилась в 1998 году, и ее телесеть охватывала своим вещанием сто четырнадцать городов и почти тридцать стран. Я приглашала к разговору актеров и режиссеров, людей, которых знали и любили миллионы: Николай Караченцов и Наталья Белохвостикова, Георгий Жженов и Евгений Миронов…

Недавно, в поисках каких-то бумаг, я нашла стенограмму той передачи с Анатолием Ромашиным и теперь вот решила ее опубликовать.

К. Л.: Итак, начнем с простого вопроса: что ты думаешь о нашей профессии?

А. Р.: Я вспоминаю слова Леонида Мироновича Леонидова, корифея МХАТовской сцены. Когда его спросили, что он думает о профессии актера, он сказал: это лучшая в мире профессия. Если б только не репетиции… А если говорить всерьез, я как раз больше всего люблю репетиции. Когда я только — только окончил Школу — студию МХАТ и пришел в Театр имени Маяковского, мне сказал старейший актер: «Молодой человек, если вы полюбите репетиции, вы станете профессионалом. Если же вы будете любить успех, аплодисменты, вы, возможно, превратитесь в модного, популярного, но к профессии это никакого отношения не имеет…»

К. Л.: Ты сейчас преподаешь во ВГИКе?

А. Р.: Представляешь, гордо звучит — профессор ВГИКа. Да, у меня своя мастерская, уже четвертый выпуск на подходе. И когда я своих гавриков учу, передаю опыт, который все же за сорок лет накопился, то стараюсь привить им прежде всего любовь к репетиции… Это удивительно интересный мир, это творческий процесс, здесь можно и так и этак. Потому и люблю свою профессию, что она открывает громадный мир человеческий…

К. Л.: Толя, но в кино, в отличие от театра, к сожалению, мало таких режиссеров, которые умеют и любят репетировать. Да и не всегда есть роли, которые интересно репетировать… Иной раз режиссер ничего тебе не может подсказать, и ты порой чувствуешь — теряется интерес к роли…

А. Р.: Согласен. Кино — особая статья. Даже такой великий режиссер, как Сергей Аполлинариевич Герасимов — да простят меня его ученики, в том числе и ты, которые его любят, и я люблю его картины, — так вот, он не очень-то умел работать с актерами. Я снимался у него в фильме «Любить человека», картина начиналась с моего монолога. Герасимов упросил меня сыграть роль и начал «натаскивать» на себя. А ведь он был актер потрясающий, яркий. Чувствую: не могу «попасть» в него. И Герасимов сказал: «Я выйду, а вы его снимите». Он понял, что мы не сговоримся. Когда картина закончилась, Герасимов заметил: «Я бы сыграл по — другому, но ты — это ты». Так что в кино особая специфика. Правда, в актерской судьбе моей в кинематографе был режиссер, который потрясающе работает с актерами. Это Никита Михалков.

К. Л.: «Неоконченная пьеса», например, как оркестр…

А. Р.: Я много с Никитой работал… Снимался один раз, но я у него «Обломова» озвучивал. Так он говорит: «Все, что мы вчера репетировали, — собачий бред… Надо играть, как играют в китайском театре». Мы начинаем играть, как в китайском театре, а он говорит: «Это ерунда. Надо ковбойский вариант взять». Я понял, зачем он это делал. Он сбивал наигранность того, что было…

К. Л.: А как ты снимался у Элема Климова в знаменитой картине «Агония»?

А. Р.: Климов, приглашая меня, предупредил сразу: «Учти, я не умею работать с актером».

К. Л.: Разве?

А. Р.: Да, он мне так сказал… Но это единственный режиссер за всю мою судьбу в кино — а это сто пятьдесят ролей, — который никогда в присутствии группы не сделал мне ни одного замечания, и не только мне. Более того, когда мы снимали сцену

в библиотеке и у меня вдруг такие слезы бессилия на глазах, он три дня ждал этого. Вся группа бесилась, говорили: «Ну сколько можно?» Да еще мы арендовали какой-то особняк дорогой, и дирекция кричала: «Вы что, с ума сошли, мы три дня ждем, когда артист сыграет эту сцену!» Но зато — получилось… Это и есть работа с актером…

К. Л.: Вот так работал и Иосиф Хейфиц. В фильме «Большая семья» я у него снималась. Он тоже — актерский режиссер… Вроде бы ничего не предлагал, никого не заставлял. Помню, он мне говорит в павильоне, где должна сниматься сцена: «Походи, — говорит, — походи». Он видит, как я хожу, что делаю, а потом говорит — вот это оставь, это оставь, это не надо…

А. Р.: С Хейфицом у меня тоже история была… Он меня пригласил пробоваться на роль Чехова. Мне сделали грим, внешне — похож… Я пришел к Хейфицу в кабинет тихим маленьким человеком, каким представлял себе Чехова. И начал с ним так интеллигентно разговаривать, мягким голосом… Хейфиц говорит: «Вы не знаете, какого роста был Чехов?» Я отвечаю: «Высокий». — «Ну, высокий, а вы чего-то горбитесь, он же метр девяноста два был, да и потом говорил басом, у него был такой густой сильный бас, а вы что так…» Мне стало стыдно…

К. Л.: Толя, как ты думаешь: когда актер может считать, что он состоялся?

А. Р.: Мне кажется, спустя лет двадцать после смерти…

К. JL: Большое видится на расстоянии?..

А. Р.: Да. Когда могут без эмоций анализировать… Есть такие, как Евстигнеев, он состоялся еще до того, как стал актером…

К. Л.: А Евгений Урбанский?

А. Р.: Ты знаешь, Клара, когда мы учились, то жили вместе. Табаков, Евстигнеев, Урбанский и я. Можешь себе представить, какое общежитие было?

К. JL: Никто из вас тогда не знал, какое будущее каждому предназначено…

А. Р.: Представь себе, красавец Урбанский просто был увалень какой-то. А бывший барабанщик Евстигнеев очень любил общаться со всякого рода кухарками, и они нам приносили обеды в судках… Я никогда не забуду — лежу с радикулитом, входит какая-то барышня с судками: «Евгений Евстигнеев просил вам передать»… Я не мог вставать…

К. JL: Когда снимаешься, обычно думаешь о том, что будет с картиной, которой ты отдаешь столько сил… У каждой картины отдельная жизнь. После рождения она живет самостоятельно… Но иной раз, еще не успев родиться, куда-то исчезает или что-то с

ней происходит совершенно непредвиденное. А в картину вложена частица жизни, нервы, силы, бессонные ночи…

А. Р.: Да, да, вложена часть твоей жизни…

К. Л.: Вот были у тебя такие случаи?

А. Р.: К сожалению, были. Без этого немыслима актерская судьба… Послушай… Две истории… Одна — картина Глеба Панфилова «Романовы — венценосная семья», где я не играл Николая. У меня была роль Георга V, кузена Николая Александровича, — как известно, они были друг на друга как две капли похожи. На фотографии невозможно отличить где Николай, где Георг… Когда Николай приехал на венчание Георга, к нему подходили и поздравляли его с венчанием, а к Георгу подходили и спрашивали, как дела в России… Это не анекдот, об этом Николай Александрович сам написал. Словом, роль получилась. Но Панфилов не может найти средства. Нет денег на озвучание…

К. Л.: Картина готова?

А. Р.: Она готова. Но увы, ждем — с! И вторая история. Несколько лет тому назад снимался фильм о Фаберже. У нас были экспедиции то в Америку, то в Англию, то в Таиланд, то во Францию… В производство вложены бешеные деньги, но там вообще темная история, которую мне трудно понять… Тем не менее, картины тоже нет. Правда, тут все-таки надо сказать, что сниматься в таких четырех странах и плюс к тому пообщаться, увидеть не на картинках, а воочию все яйца пасхальные Фаберже… Это, я тебе скажу, уже огромная плата. Вот когда я понял, что красота спасет мир…

К. Л.: А вам разрешали это снимать?

А. Р.: Да, сама королева Елизавета приняла в этом участие… У меня есть фото в Вестминстерском аббатстве, во время службы. Вот и она просто пустила нас в свои покои. Мы снимали в Букингемском дворце, в зале, где хранитель нам эти драгоценности показывал. Он был в перчатках лайковых, а мы ходили на цыпочках…

К. JL: И как королева?

А. Р.: Была очень смешная история. Во — первых, она спросила, сколько мы ей заплатим за съемку…

К. Л.: Как?

А. Р.: Вот так. Кто-то ради шутки ответил: ну, фунтов двести мы можем… Она говорит: годится… Потом она прониклась симпатией к нам, и ее пресс — атташе пришел однажды и сказал: королева разрешила показать нам фильм о ее частной жизни. И мы видим на экране, что бабушка с двумя ведрами… идет кормить свиней… У нее большая свиноферма, она любит

свиней… Интимное, как понимают англичане, это когда королева без короны…

Словом, у нас получилась картина, но опять же деньги. Вроде Гильдия ювелиров России очень заинтересовалась нашей работой, но обидно, что ее пока не видит народ… Ей — богу, стоит посмотреть на эту красоту!

К. Л.: Десять лет назад ты женился на Юле. Ты ее любишь, обожаешь сына. Но мне думается, что тебе не только любовь, но и вера помогает.

А. Р.: Семья у меня была глубоко верующая, я ведь воспитывался у дедушки с бабушкой. Я посты и сейчас соблюдаю, правда избранно. Почему? Да потому, что 1 января день рождения, как раз идет Рождественский пост. Я пришел к батюшке своему, отцу Арсению, и спрашиваю, что мне делать-то… Он говорит: «Ты читал Библию? Там сказано: не грех в уста, а грех из уст…» Очень мудро сказано. Я благодарен Юлечке, моей жене, за то, что первое, что выучил наизусть наш сынишка, это «Отче наш». В детей надо закладывать настоящее, а не то, что ежеминутно, ежесекундно говорят с экрана телевизора.

К. Л.: То, что разрушает…

А. Р.: Да… Поэтому я стараюсь, чтобы он меньше слышал барабанного боя, от которого дергается человечество в течение полувека, чтобы больше слушал классику. Это не значит, что я ему запрещаю. Нет, он, к примеру, мультик «Бременские музыканты» наизусть знает… Главное, что сегодня это не только вопрос воспитания моего сына. Это вопрос важный для России, и об этом я и со своими студентами разговариваю. Должен тебе сказать, что я не типичный профессор. Например, меня осуждают, почему я так спокойно могу сидеть на полу со студентами, разговаривать с ними на разные темы. Да и хожу не вальяжно. Нет, это не значит, что я им позволяю все… Но мне кажется, главное — чтобы они тебя понимали.

К. Л.: О чем у вас разговор?

А. Р.: Я им говорю: «Ребята, я не знаю, кто из вас станет высоким профессионалом или кому Бог даст успех и славу. Это не в моих силах. Я должен научить вас потребности трудиться, и самое главное — чтобы вы чувствовали, что вы ответственны за будущее России. Сегодня, сейчас, каждую секунду. Если вы вырастете гражданами образованными, знающими, влюбленными во что-то, я буду безмерно счастлив, если кому-то из вас повезет…»

Пока дела идут успешно. Один из моих студентов на Чеховском фестивале показывал свою постановку Гамлета — так сказать, молдавский вариант. Он худрук и главный режиссер

национального театра Молдавии, был в Париже и произвел там большое впечатление своим спектаклем. Мои выпускники организовали Русский центр в Мехико. У меня учился и иностранный курс. Один мой студент из Австралии — хозяин киностудии, в Америке мои ребята работают. Вот сейчас у меня был очень хороший выпуск — Марина Блейк, будучи еще студенткой, взошла на театральные подмостки и имела бешеный успех. Она замужем за англичанином, поэтому Блейк, хотя на самом деле Фитько… Марина блестяще сыграла в спектакле «Ночь нежна» в Театре Луны Сережи Проханова, у которого и я сейчас тружусь.

К. Л.: Есть чем гордиться…

А. Р.: Ну, не то что гордиться… Рад, что силы не ушли в песок. Даже те, у которых не все складывается сейчас, все-таки умудряются как-то проявлять себя — не сдаются. Значит, мне удалось все же убедить их, что это важнее, чем помпезность, успех, слава, которые зачастую сваливаются на человека с неба…

К. Л.: Я считаю, что это большое счастье…

А. Р.: Огромное счастье! Когда я узнал, что ребята в Мехико организовали Русский центр и играют на русском языке спектакль, а один из них оказался состоятельный человек и купил особняк и на этом особняке написано, что это филиал ВГИКа имени Герасимова, Русский центр… Это же частичка русской культуры! Это так ценно. Вот вчера меня пригласили мальчики и девочки в художественную школу под Пушкино. Смотрю, они рисуют мир, делают керамические какие-то изделия, картины… Я часто бываю в Америке и понял, что там этим занимаются от богатства, а у нас — от духовности. Вот почему непобедима русская культура…

Так вот, я узнаю, что педагог в этой школе получает 350 рублей. Там двести ребят. Я спрашиваю: может быть, ввести платное обучение? У нас есть плата… Сколько? 30 рублей в месяц…

В этом холодном помещении я увидел портрет такого клоуна!.. Я говорю, что хочу купить, я заплачу мальчику, который написал клоуна. Нет, говорят, это достояние нашей школы. Я говорю: тогда я ему закажу, пусть у него будет первый заработок… Потому что это какой-то удивительный мир клоуна: совсем необычный, растерянный и одновременно восторженный человек…

К. JL: Я много езжу по стране и, несмотря на разруху, безденежье, нищету, вижу, сколько растет талантов. В этом заложено спасение России.

А. Р.: Ты права. В глубинке заложено культурное и духовное

спасение великой нации…

К. JL: Толя, несколько необычный вопрос. Как ты считаешь, что определяет возраст человека?

А. Р.: Во всяком случае, не количество оставшихся тебе лет, ибо вся жизнь — это мгновения, которые иногда вырастают до глобальных масштабов, иногда сужаются во что-то маленькое, мелькнувшее… Порой мы этого не замечаем, а потом вдруг оборачиваемся и… Если человек способен все это ощущать, если у него не появляется между прошлым, настоящим и будущим знака равенства — значит, этот человек молод… Я гляжу на тебя. Какой у тебя возраст, Клара? Передо мной красивая молодая женщина. Да мне даже и не надо думать, сколько тебе лет, — я вижу красивую женщину…

К. JL: Спасибо за комплимент.

А. Р.: Это природа и ты… Значит, что-то, какой-то огонь у тебя внутри, потому что иначе человек мрачнеет, озлобляется.

К. Л.: Это, по — моему, самое страшное.

А. Р.: Да, причем это иногда происходит с очень умными и казалось бы коммуникабельными людьми. У меня был такой пример в жизни, это было страшно…

К. Л.: Вроде все правильно говорит, а глаза мертвые. Не любопытные…

А. Р.: Если я в шестьдесят пять лет родил ребенка, значит, я еще не состарился, мне еще очень хочется в третьем тысячелетии что-нибудь сбедокурить…

К. Л.: Ты вообще человек рисковый…

А. Р.: Почему?

К. Л.: Ты мгновенно изменил свою жизнь, не думая о том, получится или не получится. Ты в юности решил стать командиром торпедного катера и стал им. А потом поворот — и стал артистом. А затем ушел из театра…

А. Р.: Ушел из театра, из семьи, в один день я ушел отовсюду…

Все дело в том, насколько человек эмоционально, духовно заряжен на то, чтобы отдавать себя людям. Если я чувствую, что у меня еще есть что-то, тогда я рискую, а если я почувствую, что уже пусто в душе, то рисковать не стану — это будет эгоистично и несправедливо по отношению к другим людям…

К. Л.: Это чувство долга. Ведь ты должен воспитать сына.

А. Р.: Да, чувство долга, но можно видеть отца один раз, и он будет идти с тобой по всей жизни, а можно просто проводить с ним и день, и ночь…

К. Л.: Ну и как ты воспитываешь наследника?

А. Р.: Это не я, это Юля… Я же хочу, чтобы он чувствовал

кореша, как на флоте говорят, дружбана, чтобы мог довериться, чтобы не боялся. У меня трое детей — никогда никого не воспитывал, за что взрослые дети мне очень благодарны. Мне старшая говорит: «Знаешь, пап, я на всю жизнь тебе благодарна, что ты никогда не учил меня ничему…»

К. Л.: Наша жизнь продолжается через наших детей, через их глаза, нервы…

А. Р.: Кстати, это касается и ВГИКа, да и не только его. Увы, во ВГИКе, да и не только во ВГИКе, учатся за деньги…

К. Л.: За деньги?

А. Р.: Да еще за какие деньги!

К. Л.: Я получаю много писем от молодых, у которых нет денег… А тебе приходится выбирать среди тех, кто имеет деньги.

А. Р.: Да.

К. Л.: А не среди тех, кто талантлив.

А. Р.: Выбирать, ты права, приходится не среди талантов, а среди тех, кто имеет деньги. Каждый раз, когда начинается новый набор, я думаю: всё, сейчас никто не придет. Для меня загадка, что каждый год сто с лишним человек претендуют на одно место…

Конечно, какие-то деньги удается выбивать и на таланты. У меня на курсе учится девушка, очень способная. Как-то приходит на занятия, и я вижу, она теряет силы. Что случилось? Я объявляю перерыв. Спрашиваю: «Что с тобой?» — «Простите, работаю ночами в ресторане уборщицей…» Ну чему она может научиться, если приходит выпотрошенная?!.

Я стараюсь все-таки не брать пусть даже с деньгами, но бездарных людей. Потому что они создают плохую ауру. Я вот общаюсь с Табаковым, с Ширвиндтом — у них та же проблема.

К. JL: Кстати, даже прилететь теперь в Москву из провинции на экзамен очень трудно. Заоблачные цены на билеты.

А. Р.: У меня есть студент из Хабаровска, так он не может на каникулы выехать домой. Как лето, он поступает работать, а семью он не видит. Я был в Хабаровске на гастролях, и его папа прибежал: дайте, говорит, я хоть на вас посмотрю… Как там мой Валера?

К. Л.: Скажи, Толя, тебе ближе классика?

А. Р.: Я к этому отношусь довольно своеобразно. Однажды Андрей Гончаров в Театре имени Маяковского поставил спектакль по пьесе А. Островского. Был бешеный успех, но тут же появилось открытое письмо актеров Малого театра, протестующих против оскорбления классики. На что Гончаров ответил очень просто: «Господа, классика — это хорошо сохранившийся покойник».

Словом, если классика попадает в сердце, в руки, в разум, в

нервы неравнодушного человека, такая классика, конечно, интересна.

Я вообще считаю, что без литературы и музыки жизнь немыслима. Ты хоть на секунду себе представь: вот это наше наследие вдруг взять и убрать?

К. Л.: Увы, сейчас мало читают, в школах учатся по другим программам, да еще компьютеры, Интернет…

А. Р.: Я где-то читал, что есть уже датчики, которые проникают в сознание, дают блок сконцентрированной информации, и ты как бы становишься одухотворенным. Я считаю, что посидеть в кресле, послушать скрипку — это лучше, чем, так сказать, таблетка Бетховена. Принял таблетку — и Бетховен весь в тебе.

Клара, я начал беседу с любви к репетиции. Я ведь это не для красного словца сказал. Когда я работал над ролью царя в «Агонии», я узнал столько для себя интересного, нового в жизни. Тогда надо было получать разрешение, чтобы притронуться к архивам, к дневникам Распутина, Вырубовой, Родзянко, Горемыкина и т. д. Все было спрятано, в том числе и картина Серова «Царь». Она на меня подействовала фантастически. Я увидел человека с удивительными глазами, безвольно сидящего с расстегнутым воротом гимнастерки…

К. Л.: Это был ключ к пониманию роли?

А. Р.: Я сразу понял душу, прочитал несчастье в его глазах. Когда-то в двадцатые годы была издана книжица «Быт и нравы Дома Романовых». В ней описывалось, как цари себя в быту вели. И, в частности, такая деталь мне запомнилась. Когда на престол вступал новый царь, ему разрешалось закрыть все апартаменты, все дворцы под Питером, под Москвой и переделать все, что он хотел. Ведь у каждого свой вкус. Николаю Александровичу был предоставлен определенный срок на это. И когда открыли дворцы для приемов, обнаружили, что он даже не переставил какого-либо кресла. Как было, так и осталось. Это о многом говорит… Но одно место он все-таки переделал. Это был туалет — он туда перенес библиотеку. Он был ведь один из самых читающих царей. Это легко проверить: разрезанные книги.

Я встречался с людьми, которые могли что-то знать про ту эпоху. Признаюсь тебе, это была счастливейшая пора в моей жизни.

К. Л.: У картины была сложная судьба, но, когда она вышла, успех был ошеломляющий.

А. Р.: Я получил фантастическое количество писем со всего света. С благодарностью, что впервые Россия показала не дурака царя, а человека. А в овощном магазине как-то ко мне подошла

старая женщина, я чувствую, что мне в карман что-то положила. Я говорю: «Спасибо, а что там?» — «Дома посмотришь. А тебе спасибо за батюшку — царя». Я остался стоять, растерянный совершенно, ничего не купил. Вышел из магазина. Полез в карман. Смотрю — царский пятак.

K. JL: Потрясающе.

A. P.: Знаешь, я люблю Сомерсета Моэма.

K. JL: Я тоже поклонница его творчества.

A. P.: Он был не только блестящий беллетрист, но и философ. У него есть одно интересное заключение. Моэм написал, цитирую по памяти: «Я седой человек, я прожил жизнь и уж, кажется, все бы в ней понял, но, Боже мой, как часто до сих пор я смотрю на человека и думаю: кто передо мной? Хороший человек, совершающий плохие поступки, или плохой человек, совершающий хорошие поступки?» Эти слова дорогого стоят. Когда артист подходит к роли с этой мыслью, ему интересно работать. В каждом из нас, как заметил мудрец, живут трус и смелый, глупый и умный. Борьба между этими молодцами внутри нас и есть жизнь. Сегодня победил смелый, завтра победит трус.

K. JL: Но должна победить доброта.

A. P.: Я с тобой полностью согласен. Это хорошая мысль для концовки беседы.

Магическое слово «мотор!»

Накануне съемки я долго не могу заснуть. В уме идет мучительный процесс. Вспоминаются какие-то случаи, порой давным- давно минувшие. Они всплывают как бы сами по себе, и неожиданно приходит решение.

Но никогда не знаешь, что тебя поджидает на съемочной площадке.

В «Цыгане» есть сцена, когда я переправляюсь через Дон. Лодка причаливает к берегу, там, на горе, дом Будулая. Окна заколочены, дом осиротел с тех пор, как уехал хозяин. Выхожу из лодки и по привычке смотрю наверх. И вдруг — дымок из трубы, окна распахнуты настежь. Первое, что приходит в голову, — Будулай вернулся.

В сценарии написано, причем в скобках: «Клавдия в одну секунду оказалась наверху».

В одну секунду…

Дом стоит на крутом берегу. Ну как туда взбежать?

Художники придумали, что к дому ведет лестница. В жизни это вполне возможно. Хозяин сделал лестницу, чтобы спускаться к реке. Рабочие кое-как сколотили лестницу. Не на век же! Снимут несколько кадров, и всё. Да и ремарки в сценарии они не читали.

Я знаю, что у лестницы должен быть шаг. Все ступеньки должны быть выверены. А рабочие одну ступеньку сделали маленькой, другую очень высокой, потом среднюю, потом опять высокую… К тому же лестницу шатало, вместо поручней приколотили тоненькие доски. И тоже наспех.

Перед съемкой Александр Бланк наставлял:

— Ты как птица должна взлететь по лестнице.

Какая птица? Мне бы кое-как взобраться, а взлететь невозможно.

— Ну ладно, — говорит Бланк. — На съемке сделаешь как надо.

Есть такое магическое слово — «Мотор!».

«Мотор!» — и что-то включается у тебя внутри. Это слово подстегивает, мобилизует тебя. «Мотор!» — и надо плакать или смеяться, бежать или умирать. Все, все что угодно ты сделаешь. «Мотор!» — и наступает самый прекрасный момент творчества, когда кажется, что ты все можешь.

«Мотор!» Я не помню, как взбежала по лестнице. В считанные секунды я была наверху. Каким образом?

Бланк смеется:

— А ты думала, что трудно… Я же говорил, что как птица взлетишь.

Я посмотрела на режиссера: а в самом деле, как это я взбежала?

В то время я очень уставала от частых переездов. Кроме «Возвращения Будулая», я снималась в картине «Тетя Маруся». Из Ленинграда ехала в Москву, побуду полдня дома и тут же на вокзал — надо вовремя добраться до Дона. Мы сняли несколько эпизодов «Тети Маруси» в ленинградском пригороде. У меня уже были билеты в Москву, а оттуда — на Дон: сначала в город Шахты, а затем на машине в Усть — Донецк.

В перерыве между съемками мы обедали в кафе. Нам заказали обед, повар обещал сделать холодный свекольник. Думаю, вот здорово, тем более что встали ни свет ни заря, я проголодалась и с аппетитом съела порцию свекольника. И вдруг почувствовала, что у меня горит, голова, поднимается температура. И все внутри болит. Только бы не закричать… Едва сдерживаюсь. Начинает знобить.

— Что с вами, Клара Степановна? — спрашивают меня. — Вы такая бледная…

— Мне что-то плохо, хочется прилечь. Я съела свекольник…

— Да, в нем было много уксуса.

Дали таблетки — никакого облегчения я не почувствовала. Конечно, надо было срочно вызвать «скорую» и ехать в больницу. Терпеть боль было невозможно. Я подозвала режиссера.

— Если вы хотите доснять мою сцену, — сказала я, — то снимайте: через час я уже вообще не смогу ничего сделать.

А сцена такая — ссора на даче у Пети. Драматическая сцена, когда тетя Маруся заявила, что уходит…

Сейчас последует команда «Мотор!». А я чувствую, что и слова сказать не могу. Не могу сделать даже несколько шагов и вообще плохо представляю, что происходит вокруг. Все как бы в тумане.

Звучит команда «Мотор!», и я иду — ровно, не шатаясь, продираюсь через кусты…

«Стоп!» — и я чуть ли не теряю сознание. А мне надо возвращаться на второй дубль. Как я добрела, не знаю. Не помню. В каком-то забытьи становлюсь на место.

«Мотор!» — и я опять снимаюсь.

Это трудно понять.

Я еле добралась до гостиницы. Пришлось вызвать «скорую». Она доставила меня в больницу. Сопровождал меня директор группы, прихватив мой чемодан. Мол, врачи посмотрят, что-нибудь дадут, чтобы стало легче, и я уеду в Москву.

В больнице что-то долго обсуждали, взяли анализ крови…

Директор спрашивает:

— Скоро она освободится? У нее вот — вот поезд…

Женщина — хирург строго на него посмотрела.

— Какой билет? Какой поезд? Актриса такой же человек, как и все. Она больна. У нее серьезное воспаление. Вы должны поехать на вокзал, сдать билет. Приходите завтра. Мы еще не знаем, что с ней. И потому она останется здесь.

Так я осталась в больничной палате. И не на один день. Часто ко мне приходили из группы, спрашивали, как здоровье, когда меня выпишут.

— Мы тут недалеко снимаем. Совсем недалеко. Может, вы через несколько дней сможете сниматься.

Директору было совершенно все равно: болеешь — не болеешь. Надо план выполнять. А вдруг я скажу: «Да — да, я снимусь и вернусь в больницу». С актерами это бывает. Но я была не в состоянии это сделать.

Дали телеграмму в группу «Возвращения Будулая».

Как только меня выписали из ленинградской больницы, в тот же день привезли на съемочную площадку. Я снималась до позднего вечера и потом меня проводили на «Красную стрелу».

Утром я приехала в Москву, а вечером того же дня выехала на Дон.

Там уже все знали, что мне нужна строжайшая диета — только каша несоленая и отварное мясо, тоже без соли. Утром в мой гостиничный номер постучала дежурная.

— Клара Степановна, мы вам сварили кашу.

На следующий день снимали сцену у ворот военной части. В перерыве я присела на скамейку, пью чай из термоса.

Подходит солдат:

— Клара Степановна, мы приглашаем вас в столовую, пообедать.

— Но мне ничего есть нельзя…

— Мы специально для вас сделали диетическое блюдо.

Казарменный повар выварил кусок мяса, перемолол в мясорубке и приготовил фрикадельки с гречневой кашей.

Мне составили щадящий график съемок, я его выполнила и уехала в Москву. И тут же раздался звонок из Ленинграда из киногруппы фильма «Тетя Маруся».

— Клара Степановна, мы купили вам путевку в лучший санаторий в Сестрорецке. Вы будете там жить, питаться, и мы вас будем возить на съемки.

А снимали за пятьдесят километров от санатория. Утром мне готовили специальный диетический завтрак, а обед я брала с

собой в термосе. Так я и ездила на съемки из санатория — каждый день две недели подряд…

В фильме «Цыган» есть сцена, когда Ваня говорит мне: «Да чего его искать, Будулая… Вон он, недалеко от нас живет. В сторожке, на острове». Я побежала к Дону, прыгнула в лодку и гребу…

Была весна. Талая вода еще не сошла. Дон разлился. Вода холодная, течение быстрое, там и здесь крутятся воронки… Опасно.

Меня, конечно, успокоили… Прибудет катер с матросами, которые в случае чего отбуксируют лодку назад, против течения, будут дежурить за кадром. И если, не дай Бог, лодка перевернется, они моментально меня спасут.

Но, как и всегда, проходит час, второй, третий, солнце движется по небосводу, скоро нельзя будет снимать. А нет ни катера, ни «скорой помощи».

Я собралась с духом и заявляю перед группой:

— Дорогие друзья, я вынуждена сделать заявление. Плавать я не умею, грести тоже не умею. Но, тем не менее, я прошу, давайте снимать, потому что солнце уходит.

Все согласились, пропустив мимо ушей, что я не умею ни плавать, ни грести, и начали готовиться к съемке.

И вот я первый раз в жизни сажусь за весла. Да еще в пору весеннего разлива Дона. Мне показали, как надо придержать одно весло, а другим грести, чтобы повернуть лодку и пристать к берегу.

Я поняла: плыть по течению — легко, но против течения куда как сложнее. Да еще держать ровную линию… Но я думала только о том, что нужно точно приплыть к тому месту, где стоит камера, вытащить лодку на берег и — бежать в гору…

Сняли два дубля, а от третьего отказались. Только потом режиссер признался, что очень боялся каких-либо неожиданностей.

Вот если бы меня сейчас спросили: «Можешь сесть в лодку и грести?» — «Да никогда в жизни. Никогда!»

Но магическое слово «Мотор!» заставляет сделать то, на что никогда бы ни прежде, ни потом не решилась.

Читает ли собака сценарий?

В кино есть много загадок, необъяснимых и таинственных. Есть особая энергетика. Например, воля режиссера, его творческие устремления, какая-то особая аура энтузиазма, которая передается всей съемочной группе. Возможно, это творческий азарт, да и только.

Но все-таки тайна есть. И не только для актеров. Я не раз замечала, что даже животные, участвующие в съемках, и те порой ведут себя так, будто им известно заранее, что надо делать.

У меня особые отношения с собаками. Я уже рассказывала о Джульбарсе, которого в детстве перед войной я отдала служить на границу. Благодаря ему я впервые попала в Москву, и кто знает, может быть, и он в какой-то степени определил мою будущую судьбу.

Мне нравятся собаки всякие. В маленьких тоже есть своя прелесть. Их можно, например, как ребенка, взять на руки, прижать к себе, почувствовать живое тепло. Большая собака внушает уважение, маленькая — нежность. У меня одно время была болоночка. Тогда как раз в космос полетели Белка и Стрелка, поэтому и свою собаку мы назвали Стрелкой. Удивительно доброе, милое домашнее существо. До сих пор не представляю, у кого могла подняться на нее рука или, вероятнее всего, нога. Но однажды во время прогулки Стрелку кто-то сильно ударил, она болела, развилась опухоль… Словом, она погибла. Мы очень переживали и боялись брать новую собаку.

Но все-таки взяли, и это уже не от нас зависело. Дочь купила на Птичьем рынке щенка японского хина, назвала Джекки. Дом у нас огромный, как город. Джекки, по — моему, был знаком всем. Это была личность! Если кто-нибудь в семье, я например, делал что-то, с его точки зрения, плохое, он вставал на задние лапы, шел на провинившегося, грозно выпучив глаза, и ругался. Насколько я понимаю, нецензурно.

Он любил нас подразнить. Гуляли мы с ним всегда без поводка. Вот он спокойно идет домой. Доходим до ступенек, ведущих к подъезду, — тут он оборачивается, смотрит в глаза нахальным взглядом и бегом возвращается во двор. Гуляет «сам по себе», гордо и независимо.

Правда, однажды привычка озорничать чуть не стоила ему жизни. В тот раз гулял с ним муж. А дом наш стоит на набережной Москвы — реки. И как раз что-то ремонтировали, разобрали часть парапета. Джекки, как обычно, решил «пошугить»: опрометью кинулся бежать — и прыгнул прямо в

Москву — реку. Он барахтался в черной от мазута воде, пытался взобраться по крутому каменному откосу и снова сползал вниз. Собралась толпа, все переживали, и никто не знал, что же делать. Откуда ни возьмись, подошел молодой человек. Он сориентировался мгновенно. Обвязав себя под мышками веревкой, которую оставили у парапета рабочие, попросил мужчин подержать ее, а сам спустился за собакой. Когда он поднялся с Джекки, муж просто не знал, как его благодарить. Но молодой человек даже не стал называть свое имя: развязал веревку, отряхнул с одежды грязь и ушел.

Джекки, после того как я его «выстирала» в ванной порошком, начал как ни в чем не бывало носиться по квартире. Неунывающее было существо!

Когда мы ездили на дачу, Джекки любил спать у мужа на шее — как меховой воротник…

Потом, снова «в наследство» от дочки, мы получили красавца Кузю. Это было уже довольно давно — внук еще учился в школе. Дочери позвонила знакомая и сказала: «Если вы хотите собаку, немедленно приезжайте туда, где держат отловленных животных. Там сидит потрясающе красивый сеттер, если вы его не возьмете, он погибнет». Оксана приехала, видит: действительно, в грязной клетке среди множества собак сидит огненно — красный сеттер с грустными — грустными глазами. Она попросила его выпустить. Собака посмотрела на дочь, потом подошла и положила ей голову на колено. Естественно, она сеттера забрала домой. Вымыли, обсушили, накормили.

И вдруг, представляете, собака опустилась на передние лапы — встала перед Оксаной на колени.

А я ничего не знала. Приезжаю к дочери, она говорит: «Мама, не удивляйся, у меня собака». И выводит этого красавца. Я отвечаю: «Ты взяла, ты и воспитывай, мне больше не скидывай». Потом через какое-то время сидим, разговариваем, пес подходит и кладет голову мне на колени. Я его аккуратно отодвинула. Он снова. Ну, с третьего раза я, конечно, не устояла, начала его гладить. Умница был необыкновенный.

Какая дружба у них завязалась с Оксаной — это надо было видеть! Они даже телевизор смотрели в обнимку: собака клала дочери лапу на плечо, а та обнимала Кузю за «талию». К сожалению, он прожил недолго — оказался уже немолодым, перенес инфаркт. Оксана давала ему нитроглицерин, делала уколы. Когда у Кузи болело сердце, он открывал рот и полз, подгребая передними лапами, к дочери: просил лекарство. Как такая собака могла попасть в «отлов»? Оказалось, что ее привела какая- то женщина, заплатила деньги и просила ни в коем случае

не выпускать. Сами служащие этого заведения полагали, что это соседка по дому так напакостила хозяевам пса. Вот вам, пожалуйста, проявление все той же неоправданной жестокости — запросто обрекать замечательную собаку на верную гибель.

После Кузи появился английский коккер — спаниель по имени Бонифаций. Он вырос избалованным псом с довольно сложным характером. Я иногда думаю: почему у одних и тех же хозяев получаются разные собаки? Считаю, что заложенные в них гены едва ли не важнее воспитания.

Бони, например, очень любил «придуриваться». Одно время я действительно полагала, что он туповат.

Бони привык, что все приходящие в дом им восхищаются, гладят, стараются чем-то угостить. По — моему, если бы в дом забрались бандиты, Бони и к ним пошел бы за лаской. Поэтому я старалась не допускать его к гостям. За это он меня и «наказывал». Правда, мужа, которого любил больше всех, он тоже однажды укусил: муж нечаянно наступил ему даже не на лапу, а на длинную шерсть на лапе.

Потом Бони очень каялся, извинялся, как только умел… Но это потом.

Бони встречал гостей по — разному. Перед одним он готов распластаться, хвостик вот — вот оторвется, а на других рычит. Но стоит только внести в квартиру теле- или кинокамеры, как он замирал в кресле и ждал, когда его будут снимать. Он любил сниматься, преданно смотрел в объектив и готов был дать лапу… Может, оттого, что был героем многих передач и журнальных публикаций, а может, знал, что кино — моя профессия.

Помню, у нас в доме снималась программа «В мире животных». Приехала группа. Операторы, звукооператоры, осветители, режиссер… Мы с Николаем Дроздовым сидим в двух креслах, Бони между нами на задних лапах, а передние положил одну на колени мне, другую — Дроздову. Идет съемка. И вдруг Бони поднимает ко мне морду и смотрит в глаза с такой нежностью и преданностью! Никогда в жизни он так на меня не смотрел. А тут, видно, «вошел в роль» и сам собой любовался.

Между прочим, у меня сложилось впечатление, что тщеславны бывают не только собаки. В одном из эпизодов фильма «Цыган» я должна была в сарае доить корову и при этом разговаривать с сыном. Корова меня не знает, загнали ее в чужой сарай… В этой ситуации она и копытом ударить может. Но доить я с детства умела, сделала все как надо: вымыла вымя, помассировала, после дойки вытерла… Всю сцену корова стояла спокойно. Потом я должна встать и выйти на крупный план.

Вдруг корова отталкивает меня и гордо становится прямо

перед камерой. Съемка идет. Я осторожно отодвигаю ее, чтобы самой стать перед камерой. Она опять меня отталкивает и занимает мое место. Пришлось делать дубль. Дою — стоит спокойно. Подхожу к камере — мое место уже занято. Объясняйте это как угодно, а я убеждена: ей просто не хотелось уступать мне главную роль.

В «Цыгане» есть еще эпизод, когда мы с председателем колхоза едем на конезавод отбирать лошадей. Председателю сообщают, что его любимый конь Мальчик найден умирающим. Кто-то (вероятнее всего, подростки) взял коня «покататься», безжалостно загнал его и бросил на произвол судьбы.

Так вот, точно такая же история произошла в жизни. На роль коня Будулая по кличке Гром нашли в колхозе красивое, сильное животное, попросили, чтобы его до начала съемок подкормили, побольше за ним ухаживали. Но когда пришло время забирать его на съемочную площадку, то выяснилось, что коня загубили. Его, так же как и Мальчика, загнали просто для потехи. Он ни для каких съемок не годился. Кстати, в таком же состоянии были и еще несколько лошадей из конюшни.

Срочно привезли из-под Ростова другого коня. Но я приехала на съемку только накануне, и у меня совсем не было времени с ним познакомиться, заслужить его симпатию.

И вот первый эпизод: Клавдия на конезаводе неожиданно находит коня Будулая, Грома. С утра в день съемки я кормила коня сахаром, гуляла с ним, разговаривала. Но этого, конечно, было недостаточно. Ведь по сценарию я говорю Грому: «Чертяка! Признал меня!» — и Гром ко мне тянется. Но не хотел этот конь ко мне, чужой, тянуться. Пробовали снимать — ничего не получается. Больше того: кругом было полно мух, и конь, отмахиваясь от них, то и дело отбрасывал голову, как будто отстранялся от меня.

Стали мы думать, что делать. Наконец я придумала. Смочила ладонь водой, потом посыпала сахаром и овсом.

И конь это оценил. На съемке он ткнулся мордой мне в ладонь и начал слизывать угощение. С ладони, с пальцев. И вдруг, облизывая большой палец, он его ненароком прикусил. Я едва не закричала от боли — но идет съемка. Помогла сдержаться только сила воли — даже выражение лица не изменилось. Доиграла сцену и только за кадром наконец дала волю эмоциям. Палец был синий, распухший. У меня случился болевой шок.

Прошло несколько дней. Нужно снимать следующий эпизод.

По сценарию к Клавдии подходит дед Муравель и говорит:

— Такая красивая, а одна живешь… И я один… Может, поженимся?

А Клавдия смеется в ответ:

— Гром, как ты думаешь, идти мне за деда или нет?

Потом надо подойти к Грому и сказать ласково:

— Мы еще с тобой подождем немножко. Правда?

Получилось так, что я очутилась впереди, а конь за моей спиной.

Чувствую дыхание Грома, а потом он языком начал мне шею лизать и губами осторожно касается плеча. Меня охватил ужас. Я не забыла, чего стоила мне прежняя съемка, и внутри у меня все похолодело.

— Стоп! — крикнул режиссер. — Замечательно! Получилось так, будто Гром согласен. Но на всякий случай давайте снимем еще один дубль.

— Да вы что, — говорю я, — второй раз он точно так не сделает.

— А мы попробуем…

Во мне уже прежнего ужаса не было, я почувствовала, что конь меня не укусит.

И, представьте, Гром повторил все в точности.

Ну как это можно объяснить? Это удивительно.

В последней серии «Возвращения Будулая» цыган вместе с Ваней идет к моему дому и с ними собака умершего друга.

Собаку привезли из Ленинграда. Хозяйка приводила ее на съемки, и Волонтир с ней занимался. Он мне сказал:

— Такая умная собака. Один раз проведешь ее, покажешь, где нужно остановиться, она все потом в точности повторяет. Просто удивительно…

И вот снимается финал. Клавдии сказали, что Будулай и Ваня идут домой. Клавдия бежит им навстречу. Мы встречаемся, стоим друг против друга…

И вдруг во время съемки собака неожиданно встает (она вместе с хозяйкой смотрела съемку) идет в кадр, протискивается между нами и утыкает голову мне в колени. Собака Будулая меня признала… Когда началась съемка, она сама пришла к нам. Как это объяснить?

Я не раз снималась с животными — и с собаками, и с кошкой, и с лошадью, доила коров — и никогда не могла понять, почему они делают почти точно то, что написано в сценарии. Может, и для них команда «Мотор!» означает сигнал к действию, а может, чутко улавливают мой душевный настрой?

Станислав Иосифович Ростоцкий, один из лучших режиссеров, рассказал мне после фильма «Белый Бим Черное ухо», что у него было такое впечатление, будто собака читала сценарий.

Вот и мой Гром, и собака словно тоже прочитали сценарий…

Вот такие загадки в кино!

Да, они остаются и, наверное, будут всегда. Как и в жизни.

Я была с киноделегацией в Мексике. Киностудия пригласила нас присутствовать на съемках фильма. Снимался эпизод, когда обезьяна угощала бананом своего хозяина, лежащего в гамаке, и вообще всячески демонстрировала ему свое расположение. Обезьяна в точности выполняла все, что от нее требовалось… до того момента, когда увидела в толпе меня. Она застыла, а потом пошла ко мне. Ее оттащили — надо ведь было снимать дальше. Но она снова и снова порывалась ко мне — и все смотрела прямо в глаза. Коллеги подтрунивали надо мной, что я соблазняю обезьяну. Ее хозяин все больше нервничал, он же получал за съемки деньги.

В конце концов он ее ударил, она закричала и мгновенно забралась на дерево. Съемка была сорвана окончательно. Я даже чувствовала себя виноватой. Мы покинули площадку, а обезьяна с дерева все что-то кричала нам вслед…

Когда я общаюсь с животными, будь то на съемочной площадке или в собственном доме, мне всегда хочется знать, насколько наши представления о братьях наших меньших соответствуют истине. И мне кажется, что они гораздо умнее, гораздо тоньше организованы, чем мы о них думаем.

Мы их любим, но не всегда понимаем.

Некоторые ученые предполагают наличие у животных интеллекта… Насчет интеллекта не знаю, хотя слышала мнение, что животные обладают даже способностью к телепатии. Но в любом случае, те же собаки знают очень много слов и в сочетании с интонацией говорящего прекрасно улавливают смысл человеческой речи.

Наш пес Джекки, например, не любил воду. Однажды мы с дочерью и с ним пошли погулять. Джекки вертелся вокруг, все ему было интересно. А мы с дочерью разговаривали. И вдруг я посмотрела на озеро, по берегу которого мы шли, и тихо сказала дочери: «Надо бы Джекки искупать…» В ту же секунду пес сорвался с места и удрал от нас не оглядываясь.

Наш коккер — спаниель Бони — охотничья собака. Все его предки прыгали в воду и приносили хозяину подстреленную дичь. Поэтому любовь Бони к купанию совершенно естественна.

Слава Богу, муж охотой не увлекается. А у меня вообще отношение к охоте особое. Много лет назад был такой случай. Где-то за городом мы встретили группу охотников. Они узнали меня и радостно объявили, что сейчас подстрелят утку в мою честь.

Главное, в них было столько азарта, что они заразили и меня. Когда один из охотников выстрелил и утка упала, я побежала на нее посмотреть. Она лежала на боку, глаз то открывался, то закрывался. Может быть, мне показалось, но в эту минуту я увидела, с какой тоской птица прощалась с жизнью. И вдруг поняла, что это несправедливость, дикость: вот так, для развлечения, убивать, пусть даже «всего лишь» птицу. Теперь меня на охоту не заманишь. И если, случается, слышу в компании своих коллег — актеров гордые рассказы, как подстрелили, к примеру, лося, в этот момент я рассказчика ненавижу.

Бони прожил тринадцать лет. Его знал весь наш огромный дом. Утром, когда Бони отправлялся на прогулку с мужем, они по пути к кинотеатру «Иллюзион» (там есть большой сквер) заходили в овощной магазин, где Бони угощали то курагой, то сушеным бананом, потом заглядывали в булочную, где ему тут же презентовали печенье.

И вдруг все переменилось. В магазинах завели кошек. Пришлось привязывать Бони к ограде газона, чтобы купить хлеба. Муж однажды зашел в булочную на несколько минут, вышел — а Бони нет. Помню, Дмитрий Федорович пришел домой весь белый… Кинулись искать, звали, до самого вечера по окрестностям бегали, но все оказалось напрасным. Я понимала, что мы вряд ли еще его увидим. Бони перенес инфаркт, ему требовался особый уход, уколы — я сама научилась их делать. А тут еще такой стресс: попасть к чужим людям. Но мужу сказать это я не решалась. Он все спрашивал: «Клара, как ты думаешь, Бони жив?» И я отвечала: «Конечно, он такой красивый, за ним, наверное, хорошо ухаживают». Помню, вечером того злополучного дня позвонила на телевидение, в программу «Времечко», представилась. Попросила сообщить о пропаже. Рассказала, что собака немолодая, что она больна, что мы гарантируем вознаграждение, если ее вернут. Сразу же — спасибо большое ведущему — эту мою информацию передали. Потом повторили еще раз. Уже позднее съемочная группа приехала к нам домой и записала мой рассказ. Его тоже пустили в эфир. Многие люди откликнулись — я им благодарна. Они успокаивали меня, предлагали других щенков, которые должны были смягчить горечь потери. Но о Бони так никаких известий и не поступило. Хотя мы и в газетах давали объявления, и на столбах расклеивали. У мужа из-за всего этого случился инсульт, он потом долго приходил в себя. Бони, как я уже сказала, был на редкость красив. Его, наверное, хотели продать и лишь потом рассмотрели, что собака-то старая.

После этого случая мы решили не заводить новых питомцев.

Но у нас часто гостят дочкины звери — собака Тимофей и кот Дормидонт. Знаете, когда исчез Бони, образовалась пустота, дом был чужой и какой-то холодный. А теперь Тимоша и Дормидоша дарят столько тепла, любви, преданности. Кстати, раньше я не понимала, не чувствовала кошек и старалась их избегать. Когда Оксана купила на выставке вислоухого котенка, нашей первой реакцией на ее телефонный звонок стало недоумение. Дмитрий Федорович воскликнул: «Ну что это, зачем кошка?!» И я его как бы молча поддержала. А потом мы его увидели — глаза как два озера, светлые, «промытые». Наивные. Смотрит так, словно твои мысли читает. И вот теперь прихожу вечером, беру его на руки, глажу, он мурлыкает, и все проблемы, неприятности куда-то уходят, становится хорошо, спокойно. Словом, у нас полное взаимопонимание, и к кошкам в целом я стала, конечно же, относиться совсем по — другому. Теперь я их чувствую, и они мне глубоко симпатичны.

Дормидонт и Тимофей вполне нормально ладят друг с другом, хотя элемент ревности, безусловно, присутствует. А вообще наблюдать за их взаимоотношениями необычайно интересно. Кот более изощрен в «провокациях». Например, собака спит на диване возле мужа, а Дормидонт проходит мимо. Буквально на мгновение встает на задние лапы — раз, «отхлестал» Тимофея по морде и, задрав хвост, важно удалился в соседнюю комнату. Или такая картинка: Тимоша не любит надевать перед прогулкой комбинезон и мыть лапы после улицы. Так каждый раз кот обязательно присутствует при этих процедурах. Приходит, садится и внимательно наблюдает за происходящим. Причем видно, что Тимошина нервозность доставляет ему некоторое удовольствие. Еще бы, конкурент явно «не на коне»! Только Тимофей за дверь — Дормидонт как ни в чем не бывало возвращается к своим занятиям. Причем еще не было случая, чтобы он пропустил «аттракцион». Оба они очень славные ребята, не представляю, что бы мы делали без них.

В двух остановках от нашего дома, возле станции метро, шашлычная. Там можно чем-то поживиться. Бездомные собаки наведываются туда перекусить. И приспособились добираться попутным автобусом.

Помню, однажды я шла к остановке. Меня обогнала собака и через переднюю дверь вскочила в автобус.

Было начало апреля, на улице грязно, а в автобусе вообще сплошная лужа, ступить негде. Собака переминалась с ноги на ногу, оглядывалась — и вдруг прыгнула на пустое сиденье. Какая-то женщина закричала на нее: «Ах ты… иди отсюда!..»

А я смотрю: она же вот — вот родит, уже и соски набухли.

Говорю женщине: «Не трогайте, ей же скоро рожать!» Тут все пассажиры обратили внимание на эту сцену.

А собака сидела под взглядами людей с достоинством, всем своим видом показывая, что не уйдет. Она уже готова была защищать свое еще не родившееся потомство. В этот момент кто-то из мужчин заметил, что сидит она на месте «Для пассажиров с детьми». И я почувствовала, как у меня защемило сердце.

Колесо

На съемках часто возникают ситуации, когда не задумываясь идешь на риск. Это происходит мгновенно, невесть откуда появляются силы, одержимость, стремление доказать, что ты это можешь сделать сама.

И если вспомнить случаи из своей актерской биографии, трезво посмотреть на них со стороны по прошествии времени, то можно сказать определенно: наша профессия сопряжена с риском. Но на съемках мы об этом не думаем.

Много лет назад на Кубани я снималась в фильме «Кочубей», о легендарном герое Гражданской войны.

В фильме была такая сцена: небольшой мост, с другой стороны речки непрестанно строчит пулемет, и нашему кавалерийскому отряду никак не перебраться через эту речку.

Я иду по мосту, белый шарф развевается по ветру. Я иду одна через мост. На какой-то момент пулемет замолкает. На той стороне удивлены, как это она решилась даже ступить на мост.

А у меня спрятана граната. Когда я пройду почти весь этот мост, я вытащу гранату и брошу ее.

Взрыв. Пулемет замолкает. И тогда наша кавалерия рванет в атаку.

Меня сбивают с ног, я лежу на мосту, а мимо проносится кавалерийский отряд.

Вот такой должна быть сцена.

На студии приготовили большую куклу, похожую на меня. Две заплетенные косы, тот же развевающийся белый шарф… Ведь на общем плане не видно, кто лежит. Зритель даже не заметит, что это кукла, а будет волноваться, переживать, думать, как бы чего не случилось.

Оператор посмотрел на мост. Подумал о чем-то и обращается ко мне:

— Клара, представь на минутку, что на мосту не кукла, а ты. Какие бы кадры я снял! Через копыта лошадей — крупно твое лицо… Представляешь, белый шарф развевается, а мимо вихрем проносятся кони…

Я представила, как это будет. Невероятно!

— Но это же очень страшно, — говорю я.

— Да ничего страшного. Ерунда! Имей в виду, что лошадь на человека никогда не наступит.

Краем уха этот разговор услышал консультант нашего фильма генерал Осликовский, старый кавалерист.

— И не думайте, — строго сказал он. — Поверьте, на фронте

я видел, как лошади по головам скакали, по раненым бойцам. Когда скачет большой отряд, лошадь не чувствует, что у нее под копытами.

Оператор промолчал, а мне подмигивает. Не слушай, мол, ты его, он скоро уедет, а мы тогда снимем…

Я была молодой и безрассудной. Я представила, как это здорово будет на экране, и согласилась.

Генерал уехал в Москву, а на мосту стали срочно что-то достраивать. Пошла посмотреть. А там пристраивают маленькую площадочку. На ней должна стоять камера. Там будут оператор, режиссер, второй оператор. Они будут на этой площадке стоять, а я буду лежать на мосту.

Съемку назначили на воскресный день. По всем станицам развесили объявления: «Для съемок нужны всадники. Если кто из казаков имеет лошадей, то можно сняться в фильме. Нужно только, чтобы люди были в казачьей форме».

Из разных станиц начали прибывать казаки. Еще бы! Такая возможность — сняться в кино.

Меня положили на мосту, освободили белый шарф, чтобы он развевался по ветру. Я лежу, жду, когда начнут снимать, и постепенно мне становится страшно. А страх — какой-то особый. Он парализует меня. Лежу на мосту и слышу, что всадники все ближе и ближе. Слышу, как стучат копыта, громче и громче… Я вроде понимаю, что нужно бы вскочить и убежать. Но вместе с тем ничего не могу с собою поделать. Не могу даже пошевелиться.

И вот в таком полуобморочном состоянии я пролежала все время съемок. И слышала только цокот копыт…

Слава Богу, все прошло благополучно. И когда съемка кончилась, я стала в группе героиней. Меня поздравляли, мною восхищались: «Во молодчина!», «Какой красивый был кадр!»

Через некоторое время привезли для просмотра отснятый материал. Я сижу в зале, нервничаю.

Показывают съемку на мосту. И… увы, ничего на экране не происходит. Скорость, с которой крутится пленка, совпала со скоростью скачущих лошадей. И ничего из того, что задумывалось, ради чего я пошла на риск, не получилось.

Когда кончился просмотр, наступила тишина в зале. Оператор молчал, а потом в сердцах сказал:

— Такое бывает редко, но бывает…

И ушел…

Но на этом дело не кончилось. Съемки остановили, и мне сообщили, что картину и вовсе закрыли.

Прошло время. И вдруг до меня доходит известие, что

сценарий переписали, нашли другого режиссера и взяли новых актеров. Так в кино тоже бывает. Редко, но бывает.

…Я снималась в фильме «Игра в смерть, или Посторонний». Как говорят нынче, крутой детектив. Моя героиня — офицер милиции. Не буду рассказывать о драме, которую она пережила. Скажу только, что она волею судьбы была втянута в мафиозную группировку, многое знает, в ее руках документы и за ней начинают охотиться…

По ходу фильма снимался эпизод на дороге. Моя героиня едет на «газике», вместе с ней капитан милиции, который пытается разгадать замыслы мафии.

И тогда мафия дает команду — зажать «газик» с двух сторон… рефрижераторами.

Я прежде никогда не снималась в фильмах с трюковыми съемками и с участием каскадеров. В машине я должна была ехать с актером, который играл роль капитана. Однако утром выяснилось, что актер занят на репетициях и не приедет. Вместо него в форме капитана за рулем сидел каскадер. А сзади разместились режиссер, оператор с камерой и бригадир каскадеров, который по радиотелефону должен командовать съемкой.

Автоинспекция перекрыла загородное шоссе с двух сторон. И мы помчались.

Бригадир каскадеров командует:

— Давай рефрижератор! Так, хорошо! Догоняй… Врезайся…

Я сижу впереди и вижу, как наша машина на огромной скорости врезается в заднее колесо рефрижератора. Удар!

Колесо у рефрижератора выше, чем наш «газик».

Очень сильный удар! «Газик» отбрасывает в сторону, но шофер вывернулся и снова мчится вперед, чтобы сделать еще дубль.

А я от страха забыла текст…

Мы опять приблизились к огромному колесу… Удар! И тут я поняла, что еще минута — и всё… Нас не будет… Но тотчас же пришло в голову: даже если что-то и случится, то сцена должна быть сыграна. Я пытаюсь собраться с силами, сказать текст… Потом мои слова будут смонтированы со словами партнера. Но он-то сидит дома. В Москве. А здесь погибаю я.

В это время бригадир каскадеров снова командует:

— Еще раз!

Опять мчимся, опять ударяемся о колесо, отскакиваем, опять шофер выворачивается, я пытаюсь сказать свой текст, но от удара перекосило дверцу «газика», и она открылась. Бригадир кричит:

— Держи руками дверь!

Но как я могу ее удержать, когда она перекосилась и не закрывается?! В машине треснуло ветровое стекло. А мы в четвертый раз снимаем сцену. И я чувствую: еще раз, и… уже всё… конец…

Я кричу каскадеру:

— Останови машину!

А он улыбается и не останавливает.

Я вновь кричу:

— Останови машину!

Схватила его за волосы и стала трясти. Тогда он остановил машину. Я вылезла и чувствую — не могу идти.

Когда человек попадает в аварию, он один раз переживает это. Один раз врезается в колесо, один раз отскакивает, падает в кювет, или что-то случается с машиной, то есть все случается

Наша дочь Оксана всегда была мне поддержкой и утешением

Сергей Лукьянов в самом расцвете своего таланта ушел из жизни. Это был великий русский актер. Хоронила его вся Москва

Мой второй муж Дмитрий Федорович Мамлеев очень пришелся по сердцу и моему отцу, и моей тете — бабе Киле. В Полтаве

Наша семья.

С Дмитрием Федоровичем и дочерью Оксаной

С внуком Александром

Когда в 1979 году центральное телевидение показало четырехсерийный фильм «Цыган», на нас обрушился шквал писем — зрители требовали продолжения. через шесть лет на телеэкран вышли еще четыре серии — «Возвращение Будулая»

С режиссером Александром Бланком и актером Алексеем Никульниковым на съемочной площадке

В роли Клавдии

История жизни и любви, история нелегкая, но чистая и звонкая, лоттита по сеплеп миллионов

Цыган — Михай Волонтир. Что-то было в его облике романтическое и загадочное Мы стали друзьями

С А. Никульниковым и М. Волонтиром на встрече со зрителями

В фильме «Ларец Марии Медичи» (1980) я сыграла роль аристократки — француженки Мадлен Локкар

«Мы, нижеподписавшиеся» (1981).

С Олегом Янковским и Юрием Яковлевым

С Андреем Мягковым в фильме «Ваш специальный корреспондент» (1987)

С Андреем Мягковым в фильме «Ваш специальный корреспондент» (1987)

Игра в смерть, или Посторонний» (1991)

С Михаем Волонтиром в фильме «Виновата ли я…» (1992),

где мне довелось сыграть и главную роль, и стать соавтором сценария «Солнечный удар» (2002). Неожиданно для себя я снялась в психологическом боевике

«Притча про светлицу» (1994)

Ян Борисович Фрид. Ему я во многом обязана своим успехом в «Двенадцатой ночи»

Рудольф Юрьевич Фрунтов готов был снимать меня в каждой своей картине

С Татьяной Михайловной Лиозновой мы вместе учились у С. А. Герасимова —она в режиссерской группе, а я в актерской С Евгением Урбанским

Мои друзья — Георгий Юматов и Алексей Баталов

С Эльдаром Рязановым

Жизнь складывалась так, что волею судьбы я часто оказывалась в центре важных событий

Огромным впечатлением на всю жизнь стала для меня встреча с великим гражданином мира Джавахарлалом Неру

Пятидесятилетие «Мосфильма». На трибуне Кремлевского дворца съездов

С Патриархом Всея Руси Алексием II на освещении храма 19 мая 2004 года

В Мексике. С влюбленной обезьяной, к Я — слева

С Дормидонтом и Тимошей

14 ноября 2000 года Международным биографическим центром Кембриджа мне был присвоен почетный титул «Женщина тысячелетия» за вклад в мировой кинематограф

На родной Украине

в один миг. А мы сняли пять дублей. Пять раз надвигалось на меня это огромное колесо.

Я с трудом пришла в себя, посмотрела на часы. Я опаздываю на поезд. Через полчаса он отходит в Москву. Мне нужно срочно ехать на вокзал.

Милиционеры, перекрывавшие дорогу, посадили меня в служебный «мерседес», и мы помчались на страшной скорости по городу, не обращая внимания на светофоры.

Мы въехали прямо на перрон, когда поезд уже тронулся. Милиционеры на ходу забросили меня в поезд, вдогонку полетел мой чемодан.

Поезд набирает скорость. А я стою в тамбуре, и у меня перед глазами это страшное колесо. Я лечу на огромной скорости прямо на него…

Несколько месяцев после этой съемки я не могла спокойно спать. Закрою глаза, а передо мною это колесо…

Ну почему так снимали? Ведь можно было снять монтажно, не обязательно так рисковать. Мало ли что могло случиться. У каскадеров тоже бывают ошибки.

Когда я смотрела уже смонтированную картину, то увидела моего партнера — актера, который играл капитана милиции. Он сидел за рулем, отвечал на мои вопросы — и ничем не рисковал. Ведь так же можно было снять и меня…

Но все проходит, прошло и то страшное видение огромного колеса. Все забывается, наступают новые дни, приходят новые дела.

Я облетела на самолетах полмира. Сан — Франциско и Мехико, Индия, Африка, Ближний Восток, о Европе уже не говорю — это почти рядом. Я летала из края в край нашей огромной страны.

Но на одном из рейсов что-то случилось, какие-то неполадки в моторе, в другой раз была вынужденная посадка, и в душе у меня стала нарастать паника. Наконец, третий раз: подлетаем к Москве, а у самолета не выпускается шасси.

Пилоты бросали самолет несколько раз вниз, но шасси заклинило, и они приняли решение — выработать горючее и садиться на брюхо.

Не знаю, сколько времени это продолжалось, пока наконец на последнем круге — о счастье! — не загрохотали задвижки и не вышло шасси.

Мы приземлились, а у кромки бетонной полосы стояли наготове санитарные и пожарные машины.

Обычно самолет еще бежит по дорожке, а в салоне уже начинается суматоха, кто-то достает сумки, кто-то идет за пальто… На этот раз никто не двинулся с места.

С трудом я сошла по трапу, добрела до здания аэропорта, взяла такси и в машине, уже по пути домой, разрыдалась. Это был нервный срыв.

С тех пор я летаю самолетами только в крайних случаях. За несколько дней до вылета я начинаю нервничать. Меня охватывает паника, она внутри меня. Это — болезнь…

Небо есть небо, но и земля таит опасность, если поступаешь безрассудно.

Снималась я на Одесской киностудии и получила телеграмму, что надо срочно быть в Москве. Все уже знают, что в

аэропорт я не поеду. Сейчас же на вокзал, на ближайший скорый. Мне купили билет и заказали такси.

Сижу в гостинице, нервничаю. Звонок. Такси подъехало. Но до поезда минут тридцать. Как успеть?

Говорю таксисту:

— Давайте побыстрей, я опаздываю.

— Хотя вы и знаменитая актриса, — отвечает таксист, — я нарушать правила не буду.

Наконец подъехали к вокзалу. Я говорю водителю:

— Давайте к перрону. Милицию я беру на себя.

Мы подъехали. А поезд вот — вот отправится. Пока я бежала по перрону, поезд тронулся. Я бегу рядом с последним вагоном. В дверях стоит проводник и держит фонарь. Я ему кричу:

— Отойди, я прыгну!

— Я тебе прыгну…

Тогда я бросаю в дверь вагона свой маленький чемодан. Бригадир посторонился, и я прыгнула, схватилась за поручни, а одна моя нога соскользнула со ступеньки. Чувствую, что сейчас руки разомкнутся и я провалюсь вниз.

В этот момент бригадир хватает меня за ворот дубленки и втаскивает в вагон.

— Ты что, с ума сошла? — кричит он, тоже на взводе. — Сейчас бы осталась без ног! Я поезд остановил!

Но мне это было все равно…

Я вошла в вагон, пассажиры раскладывали еду, кто-то уже открывал бутылку… Никто на меня не обратил внимания. Ну, остановился поезд… Кто-то стоп — кран сорвал, хорошо дернуло…

Я тащилась к своему вагону почти через весь состав, ничего не соображая. Когда я открывала дверь очередного тамбура, все ходуном ходило под ногами. Но я, стиснув зубы, переступала площадку и шла дальше. Наконец добралась до своего вагона. Проводница узнала меня и по моему виду все поняла:

— Это из-за вас остановили поезд?

Я молча кивнула.

Прошла в купе, сняла дубленку, вытерла лицо полотенцем, легла и неожиданно для себя уснула.

Проснулась оттого, что по радио поют «Ой, цветет калина в поле у ручья…».

Я улыбнулась. И стала вспоминать, что же со мной было. Не могла понять, зачем я это сделала? Зачем?..

В это время раздался стук в дверь, и в купе вошел проводник, который меня «поймал». В руках у него бутылка водки. Он пришел со мной объясниться, сказать мне, что этого никогда

делать нельзя. Выражения он не выбирал.

Я молчала, соглашаясь, потому что он был прав. Мы с ним выпили без закуски, и странное дело, хоть бы что…

Бригадир распрощался, а я заснула и спала до самого утра.

Утром проснулась и сказала себе: никогда больше этого делать не буду.

Когда в Москве я выходила из вагона и увидела щель между последней ступенькой и платформой, не могла через нее переступить.

Я попросила проводницу, чтобы она поддержала меня за руку, и только с ее помощью ступила на перрон.

Черная душа из снежной сказки

И чего только не бывает на съемочной площадке!

Режиссер Александрович начинал снимать музыкальный фильм «Бедная Маша» и предложил мне сыграть роль мамы. Сценарий был написан по широко известной пьесе «Чужой ребенок». В свое время она обошла едва ли не все театры страны, а потом исчезла из репертуара. Но зато на нее обратили внимание в кино. Фильм обещал быть легким, сцены перемежались музыкально — танцевальными номерами прекрасного ансамбля «Юность планеты».

Вначале Александрович определил мою роль так:

— Машина мама — домашняя хозяйка. Она любит печь пироги, вкусно готовит. Ну, естественно, без ума от своей дочери. Муж у нее такой добряк. А сама она наседка — бережет хозяйство, свою семью, мужа и дочь. Вот такой характер.

Я соглашаюсь и начинаю думать о предстоящей работе.

Мама… Надо ей придать индивидуальность. Я фантазирую, как она должна выглядеть…

Вдруг звонит Александрович.

— Клара Степановна, я передумал. Мамаши — наседки в кино уже были. Пусть она будет художницей и увлекается бегом трусцой. Вместе с мужем она бегает по утрам. Сейчас это модно. Такая, знаете ли, спортивная, светская, довольно эксцентричная семья.

Мне этот поворот понравился. Я опять начинаю думать… В чем она бегает? В спортивном костюме. У меня есть вельветовые брюки, красивая, мужского покроя, кофта в красную клетку и экстравагантная шапочка с козырьком. Тут же примеряю…

Иду на пробы в этом костюме. Мой вид Александрович одобрил.

— Так, Клара Степановна. Значит, вы — художница, а ваш муж — музыкант. Он играет на виолончели. Я нашел вам партнера — Трофимов из товстоноговского театра.

Трофимов — замечательный комедийный актер. Но небольшого росточка, мне и до плеча не достает. Для комедии подходит. Я его могу обнять за шею, и он окажется у меня под мышкой. Это уже смешно.

На пробе Трофимова не было. Я одна.

Александрович вдруг говорит:

— Я вот что придумал. В картине вы будете стоять на голове. Я приглашу тренера, и он вас научит.

— А зачем меня учить, — говорю я. — Я и так могу стоять на

голове.

— Вы что, серьезно?

— Да, серьезно.

Он посмотрел на меня с недоверием.

— Вы слышали? — сказал он оператору. — Клара Степановна может стоять на голове. Если это получится, начинайте с ног, а потом панорама вниз — на лицо. Она скажет свой текст. Поняли? Она стоит на голове, а муж сидит и играет на виолончели.

Вот такая у меня должна быть сцена в картине «Бедная Маша».

Принесли коврик, и я, не задумываясь, быстро встала на голову. На три точки. Как полагается.

Когда кончилась проба, я сказала режиссеру:

— Во время съемок, пожалуйста, не тяните. Учтите, не так- то просто стоять на голове. В ушах звенит. И кровь приливает…

— Конечно, — согласился Александрович. — Сцена короткая. Мы вас быстро снимем. В один момент.

Но на съемке все получилось иначе.

Я стою на голове, а Трофимов играет на виолончели. Он начинает сцену и… забывает текст.

А я стою на голове.

Начинаем сначала. И он опять забывает. Еще раз…

А я всё стою на голове.

И так — пять дублей. Чувствую, что сейчас упаду.

Мне захотелось стукнуть Трофимова по его голове. Но я этого, конечно, не сделала.

А на экране все выглядело легко и просто.

…Эльдар Шенгелая и Алексей Сахаров снимали «Снежную сказку». Это была их первая картина, по сути — дипломная работа. Художественным руководителем у них был Сергей Иосифович Юткевич. Мне предложили сыграть необычную роль Черной души.

Сюжет сказки таков. Под Новый год мальчик Митя слепил три большие снежные бабы, а потом еще одну… маленькую. И решил их оживить. Вместо сердца одной снежной бабе положили уголек, другой денежку, а третьей — бумагу с сургучной печатью. А для маленькой снежной бабы у него ничего не осталось, кроме детских игрушечных часов. Они затикали, и маленькая снежная баба превратилась в девочку Лелю. И тут же ожили Черная, Продажная и Бумажная души.

Тридцать первого декабря приехал Старый год. Он знал, что ему пора уходить, но он хотел бы задержаться. Он знал, что три ожившие снежные бабы должны отыскать игрушечные часики и остановить их. Если стрелки остановятся, то остановится и время.

И на земле всегда будет тридцать первое декабря. Дети всегда будут на каникулах, будут есть сладкие пирожки, а Старый Новый год вместе со снежными бабами будет торжествовать победу.

Моя роль была не только характерной, но и эксцентричной.

Дети звали меня тетя Клепа. Я носила парик, черную шубку и детское железное ведерко на голове.

Моя Черная душа то и дело интриговала, всех обманывала и выкрала в конце концов часики, чтобы втайне от других снежных баб отвезти их Старому году. Он очень нравился Черной душе, и она с ним кокетничала. Роль Старого года играл Евгений Леонов.

В фильме была такая сцена: зима, я еду на велосипеде, за мной гонятся Продажная душа и Бумажная, хотят у меня отобрать часики, и я пытаюсь от них удрать…

Наступил день съемок. Дорога как зеркало. Мороз градусов двадцать пять, а то и больше. По такой скользкой дороге не то что на велосипеде ехать — ходить опасно.

Но режиссеры молодые, азартные. Это их первая работа.

— Клара Степановна, — говорит Эльдар Шенгелая, — мы придумали так. Вы едете на велосипеде, а вас обгоняет грузовик. С заднего борта свисает цепь. Вы хватаетесь за эту цепь одной рукой и удираете…

У меня внутри все похолодело. Но виду я не подала. Неудобно же сказать, что я боюсь. Молчу.

Шенгелая посмотрел на меня и улыбнулся:

— Я вам сейчас покажу.

Сел на велосипед, и, когда появилась грузовая машина, ловко схватился за цепь одной рукой, а другая осталась на руле велосипеда…

— Все очень просто, — сказал он.

Ему-то просто, а я на велосипеде ездила только в детстве.

Чтобы никто не видел, я незаметно подошла к шоферу машины:

— Я вас умоляю, я очень боюсь… Если можно, как только вы поравняетесь со мной, сбавьте ход. Чтобы я успела схватиться за цепь. Пожалуйста, я вас прошу…

— Понял… Я и сам вижу, что это опасно, — сказал шофер.

Начали снимать.

Я еду на велосипеде. Руль не слушается, виляет из стороны в сторону, потому что скользко. Обгоняет меня машина, а рука словно застыла, никак не отрывается от руля.

Усилием воли заставляю себя все-таки схватиться за цепь. А еще нужно обернуться, победно глянуть на тех, кто пытается меня догнать…

И когда режиссер скомандовал «Стоп!», то по инерции мой

велосипед поехал под колеса машины. Я с перепугу свалилась в сугроб.

А режиссер говорит:

— Надо повторить. Очень медленно ехала машина. Надо побыстрей.

Сняли еще два дубля. **И** каждый раз при команде «Стоп!» я падала в снег. **И** это меня спасало.

Я гордилась собой и была рада, что никому ничего не сказала, не подала виду, что мне страшно.

— Ну, вот видите, — сказал режиссер. — Все очень просто…

— Конечно, — согласилась я. — Совсем и не страшно.

Хотя после съемки очень долго не могла прийти в себя.

Режиссеры все время что-нибудь придумывали. Однажды Шенгелая пришел в павильон и сказал:

— Клара Степановна, сегодня я буду сниматься вместо вас.

— Почему? — спросила я.

— Я придумал, что Черная душа должна спускаться вниз по перилам лестницы. Но вы видите, какая она крутая. Это опасно, и я не хочу за вас отвечать. Так что давайте ваш костюм.

Шенгелая надел парик, ведерко на голову и с трудом влез в мою шубку. А когда натянул шелковые прозрачные колготки, то сквозь них были видны его волосатые ноги. Это было очень смешно.

«Снежная сказка» всем понравилась. И ее решили представить в Каннах, на Международном фестивале детских фильмов. Юткевич поздравил своих воспитанников, а они были счастливы. Еще бы! Первая картина — и в Канны.

И вдруг восторги поутихли. Кто-то из начальства посмотрел фильм, увидел, что на Евгении Леонове финская шапка «пирожок», как у Хрущева, и сказал: «Смотрите, Леонов похож на Хрущева». Это была роковая фраза. Ни о какой поездке в Канны уже не могло быть и речи.

Причин не выпускать фильм на экраны не было. Тогда картину решили обсуждать и осудить.

Собрали детских писателей, редакторов педагогических журналов, учителей, а обсуждать-то оказалось нечего.

Хорошая добрая сказка, талантливые режиссеры, операторы и актеры. Правда, у картины был грустный конец: мальчик Митя оживил девочку Лелю, и она улетела в космос.

Конечно, нашлись дежурные ораторы, они рассуждали о большом значении кино в деле воспитания детей.

Председательствующий Сергей Михалков долго жевал заключение, а потом сказал, что эта Черная душа с китайской пудреницей — образ отрицательный и детям это не нужно.

И тут поднялась старая детская писательница:

— Я не верю своим ушам. Как можно так говорить о прекрасной и трогательной сказке… Я вас не понимаю…

Но ее тоже не поняли. Вернее, не послушали. Прислушались к Михалкову. Так «Снежная сказка» не получила признания, которого она, бесспорно, заслуживала. И я всегда в канун Нового года жду, что на каком-либо телевизионном канале вспомнят о картине и покажут ее детям. Да и взрослые тоже любят сказки.

Я сама очень люблю смотреть отечественные мультфильмы.

Наверное, нет ни одного взрослого, кто не любил бы Чебурашку, Крокодила Гену, Удава, Львенка, Мартышку, Попугая, Слоненка… Никто из больших актеров не считал для себя зазорным озвучивать мультфильмы. Наоборот, гордились тем, что их приглашают. А какие голоса! Рина Зеленая, Фаина Раневская, Василий Ливанов… А кот Матроскин, озвученный Олегом Табаковым? А Евгений Леонов — милый толстячок Вини — Пух. А Анатолий Папанов — Волк из «Ну, погоди!».

Признаться, я переживала, что никто, к сожалению, не догадался пригласить меня на студию «Союзмультфильм». Я представляла себя в роли лисы, Бабы — яги или других характерных персонажей, и у меня это неплохо получалось.

Я уверена, что актер, который снимается в сказках или озвучивает мультфильмы, сам становится добрее. Даже черная душа может оттаять в сказке.

Могу — не могу? Надо!

Я была хорошо знакома с Яковом Борисовичем Белопольским, знаменитым архитектором, который дружил с моим мужем. Мы не раз вместе отмечали праздники то в Доме журналиста, то в Доме архитектора.

За столом бывали его друзья: Василий Иванович Чуйков, герой Сталинграда, Павел Алексеевич Ротмистров, Главный маршал бронетанковых войск. Все, кто прошел войну, уважали и любили Белопольского. Ведь это он, архитектор, вместе со скульптором Евгением Вучетичем создал всемирно известные мемориалы на Мамаевом кургане в Сталинграде и в Трептов-парке в Берлине.

Однажды Яков Борисович пригласил нас на выставку своих работ. Он был признанным мастером — академиком архитектуры, лауреатом Ленинской и Государственной премий, победителем престижных международных конкурсов. Я смотрела его проекты… Всемирная выставка в Москве, уникальный мемориал на Курской дуге, тридцатитрехэтажная башня редакции «Известий» на Пушкинской площади. Я смотрела и думала: почему эти проекты не были осуществлены? Как же так случилось, что чуть не треть проектов, о которых в свое время много писали, спорили, которые вот — вот должны были быть реализованы, так и остались на ватманах?

У меня защемило сердце. Я подумала о том, что судьба архитектора похожа на нашу, актерскую.

Сколько ночей он не спал, сколько вариантов рождалось в его воображении, сколько сил отдал он дискуссиям с оппонентами! Но что-то каждый раз мешало, где-то переплетались объективные причины и субъективные страсти, менялись времена, сокращались бюджеты и прочее, и прочее. Если только две трети проектов были осуществлены — а Белопольскому завидовали архитекторы, он действительно многое сделал, — значит, чуть ли не треть творческой жизни он только мечтал… А мечты так и остались мечтами.

Так же и у нас. Когда актера спрашивают, какую бы он хотел сыграть роль, то это самый больной вопрос. Мало ли что я хотела сыграть!

Такова жесткая логика жизни в кино. Мечтаешь о какой-то роли, а потом оказывается, что картина уже снята, а в ней занята другая актриса, и ты можешь лишь рассуждать, насколько лучше, интереснее и глубже можно было бы сыграть, если бы роль была твоей.

В «Молодой гвардии» Тамара Федоровна Макарова исполняла роль матери Олега Кошевого. Мы ехали на машине на съемку, и она вдруг заговорила о том, что годы уходят, а она уже не может сыграть то, о чем когда-то мечтала… «Анну Каренину, — сказала она, — я уже сыграть не могу. Да и актера, которого я представляла в роли Вронского, нет в живых…» В ее голосе я почувствовала грусть.

И подумала: почему она, знаменитая актриса, не может сыграть Анну Каренину? Неужели жена Сергея Герасимова не может осуществить многое из того, что выношено и прочувствовано? Тогда мне казалось, что Сергей Аполлинариевич может для нее сделать все что угодно…

Но в ту студенческую пору я удивилась — и только…

Теперь, когда прошли годы, я часто вспоминаю наш разговор.

Как бывает обидно, что уходят роли, которые ты мечтала сыграть. А потом… И мечтать бессмысленно. Уходят годы, и ты понимаешь: этого тебе не предложат сыграть никогда. В этом трагизм актерской профессии.

Хотя бывают и счастливые исключения.

После войны на экраны вышел фильм «Без вины виноватые». Алла Константиновна Тарасова играла Кручинину, а Незнамова играл Владимир Дружников. Это была его первая работа в кино. Картина запомнилась.

И вот через много — много лет во МХАТе специально для Тарасовой поставили «Без вины виноватые».

Я пошла на премьеру. Сидела в зале и пристально смотрела на Аллу Константиновну. Ее глаза были полны огня, горечи, отчаяния. Она вся была в порыве, темпераментная и очень молодая. Прекрасная шея, открытые плечи, стремительная походка и звонкий молодой голос.

Это была вершина мастерства.

И никто в зале не подумал о ее возрасте.

В том старом фильме «Без вины виноватые» взошла звезда Владимира Дружникова. Когда я впервые увидела его на экране, я была потрясена. Необычайная красота, глаза, как у Бемби, молодого олененка. Настоящий романтический герой!

К большому сожалению, мне не пришлось сниматься с Дружниковым в кино. Зато мы встречались в спектакле «Варвары» на сцене Театра киноактера. Я играла Лидию.

Я играла только вечерние спектакли и очень дорожила этой работой. Для меня это был праздник.

Но однажды случилось непредвиденное.

Утром я поехала на заседание художественного совета «Мосфильма». Только началось заседание, а секретарь директора

передает мне записку: «Вас срочно к телефону».

Я выхожу из зала, иду в приемную, беру трубку и слышу срывающийся голос помощника режиссера.

— Клара Степановна, где вы? Через полчаса начинается спектакль, а вас нет!

— Как так? Я же никогда не играю днем. Я первый раз слышу, что у меня сегодня спектакль.

— Извините, вас забыли предупредить. Но что делать, спектакль через полчаса.

Я почувствовала, как волосы зашевелились на моей голове.

Схватила плащ, побежала через двор «Мосфильма», выскочила на улицу, взяла такси и в совершенно невменяемом состоянии подъехала к театру.

Бегу по лестнице в костюмерную. А там все волнуются, ждут меня. Я слышу третий звонок.

А мне еще надо переодеться, загримироваться. У меня костюм амазонки.

Быстро надела юбки, сапоги не снимаю, нет времени.

Никакого грима.

Со сцены слышу реплику:

— А где же Лидочка? Кажется, Лидочка приехала.

Раздается стук копыт, как будто я на лошади прискакала.

Впопыхах я вышла не с той стороны кулис. Там декорация — какой-то забор и сторожка. Я приподняла юбки, переступаю через забор и вхожу на сцену с другой стороны. Тетушка повторяет:

— А где же Лидочка?

— Я здесь, тетя, — откликаюсь я.

Она повернулась, смотрит на меня удивленно. Откуда, мол, ты явилась.

— Я здесь, тетя.

Этот момент я в жизни не забуду. Это так страшно…

В следующей сцене появляется Владимир Дружников. Это первая встреча наших героев. Мы играли ее каждый раз по — другому. Мы любили импровизировать. Это была игра, походившая на дуэль на шпагах. Горький написал сцену так, что она дает простор актерскому воображению.

За кулисами всегда стояла помощник режиссера. Она заменяла суфлера.

Как только дали занавес, она сказала:

— У вас всегда что-то новое. Но сегодня вы с Володей играли необыкновенно… Я просто заслушалась…

— Еще бы, — засмеялся Дружников. — Клара так лихо перелезала через забор, что я хотел выскочить на сцену, помочь ей.

Тот спектакль я никогда не забуду.

Иногда я сожалею о том, что в свое время поступила во ВГИК, а не в театральное училище. Кинематограф, как капризная девушка: сегодня она добрая, завтра — злая, послезавтра она в отчаянии. То и дело меняется настроение.

А у театральных актеров есть свой дом — театр. Плохой или хороший, но это дом. Это плановые премьеры. Это осязаемая, твердая почва под ногами. А в кинематографе почва очень зыбкая.

Но зато если спектакль смотрят пятьсот, ну от силы тысяча человек, то у фильма зрителей — миллионы. И популярность киноактера не может сравниться с популярностью актера театра.

Люди узнают на улице, здороваются. На встречах они задают вопросы, спрашивают совета. Ощущаешь, что ты нужен, что твой совет для кого-то крайне необходим. Что роли, которые ты играешь, могут послужить примером для человека. Подчас важно даже то, в каком душевном состоянии зритель приходит в кинотеатр. Я это ощутила на себе. Ведь я не только актриса, я зритель.

У каждого человека случаются в жизни черные полосы. Как раз в такую пору я смотрела «Красную пустыню» Антониони. Фильм о том, как люди не понимают друг друга, будто говорят на разных языках. Многим картина показалась скучной, сложной. А я, переживая почти то же состояние, что и герои картины, сидела как зачарованная.

Мне эта картина помогла. Я поняла, что можно выйти из сложного состояния и что в конце концов кто-то тебя услышит.

Я ехала поездом на съемку в Алма — Ату. Чуть ли не трое суток. Вначале смотришь в окно — какая огромная и прекрасная страна, как меняется ландшафт. Проезжаешь мимо больших и малых городов. Мелькают станции и разъезды. Но постепенно, несмотря на мелькание за окном вагона, начинаешь ощущать однообразие. В особенности когда слева и справа — выжженная степь и солончаки. Никого не видно. Иногда кибитка промелькнет, иногда табун лошадей… И больше никого. Кажется, что недалеко и до края света.

Проводница объявила, что сейчас будет маленький полустанок, где продаются дыни. Пассажиры оживились, обрадовались. Я тоже взяла деньги и, как только поезд остановился, вышла на платформу.

Я подошла к старой казашке, торгующей дынями. Она сидела, скрестив ноги, в бархатном полупальто, в цветных шароварах.

— Апа, почем дыни? — спросила я.

Она посмотрела на меня и улыбнулась. А зубы у нее через

один. Один есть — другого нет, один есть — другого нет…

— А Абдулай где? — неожиданно спросила она, и глаза ее заблестели.

На диком полустанке, на краю света эта женщина не то что не засомневалась: артистка — не артистка, я — не я, — она улыбнулась и спросила: «А Абдулай где?»

— В Москве остался, — отшутилась я.

— Сколько показывали, столько и смотрела. Возьми дыню, деньги не надо…

О такой популярности театральные актеры и мечтать не могут.

Мы должны быть благодарны зрителям за то, что они нас помнят и любят. Мы должны это ценить и не обманывать их, не разочаровывать. Это очень важно.

И еще. У актера должно быть профессиональное обязательство. Обещал — сделай. Зритель не знает, здоров ты или болен, хорошее настроение у тебя или плохое. Если ты дал согласие, если тебя ждут, забудь про настроение и болезни.

Меня пригласили на творческую встречу в Каширу. Всего-то часа два от Москвы. Пришла за мной машина, и мы поехали. За рулем мужчина средних лет. Любит поговорить, любопытный. А за дорогой не смотрит. И на одном из поворотов мы врезались в фургон.

Я на миг потеряла сознание. Администратору стеклом порезало лицо. Шофер выскочил, видимо в шоке, и удрал. А мы остались.

Тишина… Болит нога, я ударилась о сиденье. Темно в глазах, голова тяжелая, состояние ужасное.

Наконец я спрашиваю администратора:

— Который час?

— Без четверти три.

— У нас же в три начало, — ужаснулась я.

— А вы сможете? — спрашивает администратор.

— Попробую. Надо.

Мы ловим первый попавшийся автомобиль и едем в Каширу.

В отделе культуры спросили:

— Что с вами? Почему вы приехали на чужой машине?

— Авария…

Вызвали «скорую помощь». Врач осмотрел меня и говорит: нужно сделать рентген.

— Вы теряли сознание?

— Да.

— У вас сотрясение. Вам надо лежать. Нельзя двигаться.

Я прилегла на диван, мне вроде бы стало лучше. Заведующая

отделом культуры спрашивает:

— Если вам лучше, может, вы все-таки выступите? Народ ждет… Тут всего пять минут на машине.

Что поделаешь? Я соглашаюсь.

Встаю, а голова кружится. Когда села в машину, то перед глазами все так и поплыло. Врач поехал с нами, возмущается, говорит: как можно поступать во вред самой себе?

Но я выхожу на сцену. Сбоку оркестровая яма, и мне по ее краю надо пройти к микрофону. Я иду и чувствую, что меня тянет в эту яму. Вот сейчас я свалюсь в нее. С трудом прошла к микрофону, руками взялась за стойку.

Не помню, что я говорила. Людей в зале я не видела. Но как по — накатанному что-то рассказывала, показывала отрывки из фильмов. Попрощалась.

И врач увез меня в больницу. Там сделали рентген, какие-то анализы. И сказали, что надо немедленно ехать домой. Но у меня еще было выступление в кинотеатре. Там тоже ждали. Зрители знали, что я попала в аварию, сочувствовали мне… И я поехала.

Наконец меня везут в Москву на такси.

— Давайте побыстрей.

— Нет, меня предупредили, что у вас сотрясение мозга. Вам быстро ехать нельзя.

А навстречу машины с зажженными фарами. Какие-то автоколонны. И свет прямо в глаза бьет. Лечь не могу — мне плохо. Сидеть не могу — мне плохо. Глаза закрыть не могу — все плывет. Открываю глаза — свет встречных машин… Большей пытки я, пожалуй, не испытывала за всю свою жизнь.

После Каширы я месяц пролежала в постели. Действительно было сотрясение мозга.

Дорогие мои зрители…

За свою творческую жизнь писем я получала… Не знаю сколько, не подсчитывала. Да и подсчитать невозможно. Знаю только: если бы я вступала в переписку, то времени на другие дела у меня не осталось бы. Конечно, мне приятно чувствовать, что зрители любят моих героинь, с нежностью и добрым вниманием относятся ко мне. Я им всем за это бесконечно благодарна.

Есть особая категория писем — это исповеди. Крик души, желание поговорить, высказать все, что на сердце, так как некому излить душу. Некоторые из этих писем я храню. Если вы прочитаете их, то поймете, какую же силу имеет кино.

Я привожу лишь несколько писем, пришедших как отклик на телевизионную передачу «Фильмы нашей памяти». Они написаны людьми, разными по возрасту, положению, по тому, как складывается их жизнь.

Прочитайте эти письма.

«Здравствуйте, уважаемая Клара Лучко!

Извините, не знаю Вашего отчества. Пишет Вам давний почитатель Вашего таланта из Перми.

Еще в детстве, посмотрев фильм «Кубанские казаки», я был заворожен. Ваша ослепительная, чарующая улыбка буквально сразила меня, и я неделю ходил по двору, не обращая внимания не девчонок…

Родители, заметив мое странное поведение и выпытав его причины, запретили мне смотреть фильмы с Вашим участием…

Прошло несколько лет. Запрет возымел свое действие. Любовь моя к Вам стала угасать, я страстно влюбился в свою соседку по парте Олю, девчонку с голубыми глазами, похожими на звездочки. Как-то она пригласила меня к себе в гости, сказав, что по телевизору будут показывать интересный фильм…

Включив телевизор, мы уселись рядышком на диван. Начался фильм. И вдруг я увидел Вас! Это была «Двенадцатая ночь». Я впился глазами в экран, плохо соображая, что там происходит, не реагируя на тычки своей подружки. Для меня существовали только Вы!

Кончился фильм, а я сидел, тупо уставившись в экран телевизора. Мне хотелось кричать и плакать, молить, чтобы фильм не кончался, чтобы его повторяли вновь и вновь. Но фильм больше не повторили.

Плохо помню, как пришел домой, о чем-то меня спрашивали родители — отвечал невпопад. Заподозрив неладное, мама

сходила к Оле, и тайна моего странного поведения была раскрыта. Я перестал есть, спать, учить уроки. Ольга, не понимая моего состояния, отказалась давать мне списывать контрольные. В дневнике появились двойки.

Родители не на шутку забеспокоились и повели меня к врачу. Поговорив с родителями, прослушав мое сердце, врач изрек: «Не смертельно, жить будет, сердечная болезнь пройдет. — И добавил: — Клин клином вышибают».

Что это означает, я тогда не понял.

Пришли домой. Я улегся на диван, отвернувшись к стене. «Послушай, — сказала мама. — И чего ты в этой Кларе Лучко нашел? Как можно влюбиться в такую особу, не понимаю. Вот Оля твоя, это другое дело: и круглолица, и румяна, и глаза как васильки, красавица, да и только. Лично нам с отцом Оля нравится гораздо больше, чем твоя артистка».

«Нет, — думал я, — Клара Лучко не такая…» Но в то же время я понял, что любовь не очень-то приятное чувство, одни переживания. «Всё, — решил я. — Больше фильмы с участием любимой актрисы смотреть не буду». И отчасти слово свое сдержал. Вплоть до фильма «Цыган».

К этому времени я закончил школу, женился на однокласснице Любе. Вместе с ней закончили кулинарный техникум и с тех пор работаем в одной столовой. Сейчас у нас взрослые дети, скоро я стану дедушкой. Все эти годы я любил жену, но и Вас не забывал, хотя упорно не смотрел фильмы с Вашим участием. Не хотел бередить старую рану.

И вот наступило время фильма «Цыган». Дети с женами ушли гулять, а мы с супругой решили посмотреть фильм. Я задержался и титры пропустил, поэтому спокойно уселся рядом с женой на диван.

И вдруг я увидел Клавдию Пухлякову, то есть Вас! Первой моей мыслью было вскочить и убежать прочь, но тут же безнадежно махнул рукой — поздно.

Я внимательно смотрел на Вас, искал те волшебные черты лица, так поразившие меня в детстве, и не находил. Волнение не покидало меня, но что-то изменилось в Вашем облике, чего-то в нем не хватало, но вот чего — я понять не мог. На следующий день во вр#емя просмотра второй серии я радостно вскрикнул, увидев Вашу прежнюю, как и тридцать лет назад, улыбку! Так вот чего вчера так не хватало в Вашем облике…

— Что такое, что случилось? — испуганно спросила жена, увидев мои слезы.

— Так, ничего, — выдавил я, — детство вспомнил…

— Не старый ты еще, чтобы детство вспоминать, — резонно

заметила жена. — Говори, что случилось.

— Ты видишь эту артистку? — немного успокоившись, спросил я. — Так вот она была первой моей любовью.

— Как первой?! — всплеснув руками, вскрикнула жена. — Ты мне говорил, что первой была у тебя я!

И сильный удар потряс мое ухо.

— Постой, ты не так меня поняла, — поспешил я успокоить жену. — Я влюбился в Клару Лучко еще в детстве. — И рассказал жене всю историю…

В этот вечер мы долго сидели, обнявшись, на диване, и жена все допытывалась у меня, кого я больше люблю: ее или Вас.

— Дурочка, — отвечал я. — Конечно, тебя, ведь ты у меня реальная любимая женщина, а Клара Лучко — кумир.

После фильма «Цыган» я уже перестал бояться смотреть фильмы с Вашим участием, не пропускал ни одного, а теперь вот увидел Вас в передаче «Фильмы нашей памяти».

Я желаю Вам много счастливых дней и чтобы все Вас любили так же, как я. Хотите — верьте, хотите — нет. До свидания.

С уважением …»

«Здравствуйте, глубокоуважаемая Клара Степановна!

Пишет Вам незнакомый человек, хотя однажды мы сидели рядом, разговаривали и Вы мне автограф дали. Я его как доказательство нашего знакомства прилагаю к этому письму, хотя мне и жалко было посылать, ведь это память.

А было это в 1966 году в Донецке. Вы выступали перед студентами — медиками, а я, первокурсник, помогал Вам, гасил свет в зале, когда демонстрировались отрывки из кинофильмов…

С тех пор прошло много лет. Когда я вижу фильмы с Вашим участием, я с гордостью говорю, что Клара Лучко пожелала мне стать хорошим врачом. Вы, конечно, об этом забыли, а мне навсегда запомнились Ваши слова о трудном пути актера, о том, что человек должен трудиться и честно выполнять свой долг… Я с волнением смотрю фильмы с Вашим участием и мысленно разговариваю с Вами, когда Вы выступаете по телевидению.

Клара Степановна, я давно хотел написать Вам, да все не решался. Роли, сыгранные Вами в кино, — это сама жизнь. Вы эти роли прожили, выстрадали на экране, они настолько достоверны и правдивы, что даже забываешь, что это только кино. Желаю Вам огромных творческих успехов и крепкого здоровья. Это я желаю Вам как врач. Вы ведь в автографе мне тогда пожелали стать отличным врачом.

Я горжусь тем, что вот уже двенадцать лет работаю главным врачом станции «скорой помощи» в райцентре Донецкой области. Награжден значком «Отличник здравоохранения» и стараюсь

исполнять добросовестно свой долг.

Уважаемая Клара Степановна, я хочу поблагодарить Вас за то, что Вы в трудную минуту вселили в меня веру (сами того не предполагая) в свои силы. Тогда я был только первокурсник, мне было трудно учиться, и для меня доброе слово имело огромное значение.

Мне уже тридцать шесть лет, казалось бы, детский возраст за горами, и автографы я давно не собираю. Я просто хочу сказать, что Ваше творчество очень нужно людям.

Специально пишу письмо на машинке, чтобы не утомлять Вас изучением моего почерка.

Благодарю Вас за внимание.

С уважением …»

«Здравствуйте, дорогая Клара Степановна.

Я даже не знаю, с чего начать, так как я Вам сколько ни писала, ни на одно письмо ответа не получила. Но я даже рада. Я в последнее время писала плохие письма.

Сейчас, когда я пишу Вам, я не настаиваю на том, чтобы Вы отвечали. На это воля Бога и Ваша. И мне, Клара Степановна, стыдно за те письма, и я прошу за свое поведение прощения. Я пишу Вам, чтоб Вы знали — на противоположном конце России, в далеком Хабаровском крае, в поселке есть такой человек, который любит Вас, как любят самых близких сердцу людей.

Мне семнадцать лет, зовут меня Татьяной. С раннего детства живу у бабушки, так как мать с отцом развелись. Отец уехал, а мать начала пить и бить меня. Вот бабушка меня и забрала к себе. С тех пор идет дележка: мать, когда не пьет, забирает к себе, а потом забирает бабушка. Мать прибегает, начинаются крики, ругань. Меня не спрашивают — хочу я или нет. И мне кажется, что и бабушка не сильно меня любит.

Мы живем в простом доме. Дел много, а бабушка одна. Вот и забирает, чтобы помогала. Я дрова рублю, огород на мне. А для бабушки это мало. А другие внуки для нее хорошие, хотя появятся в неделю раз, а зимой в месяц раз, а то и меньше. Сейчас мать вышла замуж, родила девочку, но все-таки пить не бросила. Меня делить перестали, так я и осталась жить у бабушки.

А теперь расскажу, как началось знакомство с Вами. Показывали фильмы «Цыган» и «Возвращение Будулая». В нашем кинотеатре висел Ваш портрет. И я как-то сердцем к Вам «прилипла». И вот через год повторили фильмы снова. Мне уже было двенадцать лет. Я увидела в титрах Ваше имя и фамилию. Потом в каждом фильме я искала Вас в титрах. Пару месяцев так продолжалось. Но все-таки нашла. Бабушка позже 22.00 не разрешала смотреть телевизор. Я забыла поменять воротничок на

форме, а бабушка увидела. Я села его пришивать, а тут передают фильм «На семи ветрах». Думаю, посмотреть бы, ну и сижу, медленно пришиваю. Тут титры пошли, а третья Вы были. Я бабушку упросила, чтоб разрешила.

В понедельник поехала в библиотеку. Но в нашей библиотеке, как всегда, ничего не нашла. Пришлось идти во взрослую, а там записывают только с девятого класса. Добавила себе годиков. Меня записали на абонемент, но и там ничего не нашла. Пошла в читальный зал, взяла «Энциклопедию кино». Хоть несколько строчек, но зато узнала, в каких фильмах Вы играете. Как программа на неделю приходила, так я положу листочек около себя и смотрю. Первое, что нашла, было «Тревожное воскресенье». Именно так Вы, Клара Степановна, стали неотъемлемой частью моей жизни.

Пришла в кинотеатр, раньше там был Ваш портрет, а теперь его не оказалось. Я, конечно же, расстроилась. А потом подумала: раз сняли, значит, он не нужен. И я решила достать этот портрет. Поговорила с директором кинотеатра, сказала, что я хотела бы купить портрет. Она меня поняла, принесла портрет и отдала мне. Но денег не взяла.

Я стала искать людей, которые хоть немного похожи на Вас. Я сравнивала их с Клавдией, так как я не имела ни малейшего представления, какая Вы. Хотя в интервью, в разговоре с корреспондентом, Вы сказали словами С. А. Герасимова, что человеческая сущность актера проступает в роли, как пот на лбу. Но ведь во всех фильмах Вы такая разная. Хотя везде главные качества Ваших героинь — доброта, любовь к людям, готовность помочь каждому. Да и чего я Вам все это пишу, конечно же, Вы сами все знаете. И когда я Вас видела в таких фильмах, как «Карнавал», «Ваш специальный корреспондент», то я просто не хотела верить, что это Вы. Но это роль, а не Ваша жизнь.

В девятом классе к нам приехала девочка, которая до четвертого класса училась вместе с нами, а после уехала в Крымск, на Кубань. Мы стали с ней сближаться. Меня тянуло к ней потому, что она приехала оттуда, где Вы снимались в своей первой главной роли. Она простая, наивная девчонка, которая верит всему подряд. Но я никогда не смеялась над ее наивностью. Мы с ней были чем-то схожи. Над нами обеими смеялись в классе.

Мы всё рассказывали, думая, что нас поймут, но в ответ мы слышали смех.

И вот мы стали с ней подругами. Она первый человек, который понял меня, мою любовь к Вам. Как-то она мне сказала, когда мы заговорили насчет пластической операции: «Таня, зачем тебе пластическая операция? Да, ты внешне не Клара Лучко, ты

не такая. Но внутри-то!.. Ты душой похожа на ее героинь. Ты, как Клавдия, много работаешь, не можешь в лицо сказать всей правды, если ты в обиде, но если тебя вывести, то ты, как Клавдия Лущилихе, все выскажешь. Ты, как тетя Маруся, готова помочь каждому. К тебе можно прийти и все рассказать, и никто о разговоре ничего не узнает. Забудь о пластической операции. И будь такой, какая есть — и по внешности, и по характеру».

Она говорила: «Таня, не забывай про характер. Оставайся самой собой», — вот что хотела она мне втолковать. Я поняла, что быть похожей характером главней, чем внешне.

Вот я закончила девять классов. Вроде бы стала взрослее, пошла в другую школу. Первого сентября я заметила одну учительницу, Васильеву Людмилу Федоровну. Оказалось, что она у нас будет вести математику. Мне она почему-то сразу понравилась. Нет, Клара Степановна, она не была похожа на Вас, скорее всего, на актрису Любовь Соколову. Мне порой даже кажется, что она тот человек, с которого Калинин описывал свою Клавдию. Те же жесты, тот же стиль разговора. Настоящая русская женщина.

Нас в новой школе не приняли, считали нас за скотину. Кроме двух — трех учителей и нескольких учеников. Нас по — всякому оскорбляли, унижали. Это все начинало надоедать. Тут за одну неделю сразу три фильма с Вашим участием — «Возвращение Будулая», «Кубанские казаки», «Карнавал» — и еще интервью.

Эти отношения в школе, эти фильмы, Ваше молчание — все это действовало на меня, и я решила сбежать из дому. Я хотела встретиться с Вами и поговорить. Купила билет до Екатеринбурга. Сначала хотела побывать на киностудии, проведать бабушкину сестру, а уж после ехать в Москву. Своей подруге говорю, что поступать еду (как будто Вы открываете школу искусств в городе Екатеринбурге), чтобы сбить со следа, если будут искать.

Хотя, если честно, Клара Степановна, я думала, что и не заметят моей пропажи. Так, для виду поищут да успокоятся. Я села в поезд. Конечно, первый день мне было тяжело, я думала о тех, к кому я неравнодушна была, но отступать ни за что не собиралась. Поезд все дальше уносил меня от дома. Но, видно, не судьба нам с Вами встретиться. Я сильно обманулась. Пока я на поезде ехала, моя мать на самолете прилетела в Екатеринбург, к бабушкиной сестре. И там меня поймала.

Мать сказала, что она беременна. Если бы она этого не сказала, то я, наверное, все равно удрала бы. Но у меня зародилась надежда, что мать бросит пить. И тогда у нас все будет хорошо, а я не буду уже такой одинокой.

Но ничего не изменилось. Как было, так все и осталось. Мать пьет по — прежнему…

А мне пришлось врать, что я видела Вас. У меня было одно маленькое свидетельство — это книга «Цыган», хоть и без Вашего автографа.

После того случая жизнь еще суровей стала относиться ко мне. В школе директор при учителях, в том числе и при Васильевой, обозвала проституткой. Она не принимала меня в школу. И если бы не Людмила Федоровна, то я, наверное, не получила бы среднего образования. Она взяла меня на поруки. Тогда я поняла, что на этот раз не ошиблась. Я к ней стала тянуться. Старалась чем-то помочь, быть с ней почаще. Оскорбление, спустя месяц, стало забываться.

У матери родилась дочь, а у меня появилась сестра, о которой я мечтала столько лет. Это для меня был еще один счастливый день. Но когда мать выписали из больницы и она стала гулять с Катюшей на улице, на меня свалилась еще одна беда. Почти все, кроме тех, кто точно знал, стали говорить, что это моя дочь. И я в Екатеринбург сбегала для того, чтобы не было дома скандала, позора и родить ее там. Я стала опять терять свой авторитет. Людмила Федоровна тогда со всем нашим классом переругалась. Она у нас самая уважаемая учительница. Она понимала, что это не то, но все же старалась. И когда я начинала оттаивать от обид, тогда я ей говорила спасибо. Но она говорила, что если бы не Вы и Ваши героини, то у нее ничего бы не получилось. Я благодарна судьбе, что меня окружают два таких замечательных человека, и это, конечно, Вы и она.

Как видите, последние два года я жила как в аду. Начала курить, но Вы тут ни при чем, просто решила проверить свою силу воли — брошу или нет. Курила три месяца, но все-таки бросила и не курила более четырех месяцев. Но вот показали фильм «Неизвестный, которого знали все». Вы там были с сигаретой. Я все присматривалась: на самом деле Вы курите или нет? Так я и не поняла. И опять начала курить. Вот так все и происходит.

Теперь я повзрослела, поумнела. Я поняла, что у Вас жизнь совершенно не такая. Вы постоянно в поездках, в пути. Съемки, встречи, фестивали — все это отнимает много времени, и на письма просто некогда отвечать, тем более что их много. Просто, как я писала вначале, я хочу, чтобы Вы знали, что я Вас люблю. Еще я Вам желаю здоровья, здоровья, а остальное все само собой приложится.

Ну теперь всё. Всего самого хорошего.

С любовью и нежностью к Вам.

Ваша поклонница ***Таня».***

По — моему, такие письма в комментариях не нуждаются.

Я благодарна всем, кто поддерживал и поддерживает меня. Значит, мои волнения, мои сомнения и мои поиски в кино достигли цели, мои героини помогали и помогают людям. Значит, я работаю и живу не зря.

«Лицо Империи»

Как-то ранней осенью мы решили с мужем отдохнуть. Так случилось, что у каждого выдались две свободные недели, и мы отправились на Черное море. На самолете в Одессу, а оттуда на теплоходе до Батуми.

Впервые в Одессе я побывала, когда шли съемки «Двенадцатой ночи». Алла Ларионова в этих сценах занята не была, но поехала со мной. Ей хотелось посмотреть Одессу и пройтись по Дерибасовской, побывать на Привозе, спуститься по знаменитой лестнице к морю.

В те годы к достопримечательностям Одессы относилась и пресловутая барахолка. Как говорили шутники, там можно было купить даже атомную бомбу.

Поехали мы с Аллой на барахолку. Была жаркая погода, нещадно пекло солнце. А у Аллы нежная белая кожа. Она боялась, что у нее сгорит нос, и наклеила на него листочек белой бумаги. И не было женщины, которая не остановила бы ее:

— Шо вы делаете… Вы же красивая женщина. Снимите эту бумажку.

Идем вдоль рядов. Сидят пожилые люди. На раскладушках — ржавые гвозди, старые замки, сломанные расчески, почтовые открытки и Бог знает еще какое старье.

— Скажите, — обратилась я к продавцу, — зачем вы этим торгуете? Вы думаете, что это кто-то купит?

— А я знаю? — ответил мне одессит. — Может быть…

Мы шли, смотрели, что продается, какие типы торгуют. Нам было интересно, мы же актрисы. Увидели женщину, которая продавала красивое нижнее белье. А рядом с ней стояла полная одесситка и приценивалась. Я подошла и осторожно спросила:

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит ваше белье?

Вдруг та, что приценивалась, взяла меня за плечи, бесцеремонно развернула лицом к толпе и стала кричать:

— Посмотрите на нее, она уже хочет купить. Она шо, не видит, что я торгуюсь? Так у нее есть деньги, она уже покупает… Вы только посмотрите на нее…

Толпа пришла в движение, все стали на меня глазеть. Я готова была провалиться сквозь землю…

Есть старый анекдот. Приезжает в Одессу москвич и спрашивает, как пройти на Дерибасовскую.

— Пойдете прямо, потом пойдете направо, а там уже вы выйдете к Дерибасовской. Вы уже, наверное, приезжий?

— Откуда вы знаете?

— Ну как же, у вас акцент…

Мы с мужем прилетели в Одессу, поселились в гостинице «Красная» и с удовольствием бродили по городу. Решили зайти на Привоз. Муж спросил милиционера, как туда добраться.

И милиционер ответил:

— Запросто.

На Привозе лежали горы арбузов. Продавщица меня узнала:

— Ой, это вы, моя красотулечка… — И тут же мужу: — А вас, мужчина, я не знаю.

Потом она пригласила мужа в сарайчик, где лежали арбузы, попросила его отобрать получше, но тут же отвергла его выбор и сама взяла два арбуза.

— У меня Женя Леонов арбуз купил. Знаете Женю Леонова? Ну конечно, он же артист.

Она вручила нам арбузы и, обращаясь ко мне, сказала:

— Желаю вам успеха на экранах нашего города.

Мы отнесли арбузы в гостиницу и вновь отправились на прогулку. И заблудились. Идет нам навстречу морячок с девушкой. Я спрашиваю:

— Как пройти к гостинице «Красная»?

Морячок нам показал дорогу.

Утром мы погрузились на теплоход, получили ключи от каюты и пошли обедать в ресторан. Смотрим меню, а к нам подходит официант и ставит на стол бутылку шампанского.

— Простите, — говорю я, — мы не заказывали…

— Вам передали сувенир.

Я посмотрела и вижу: из-за стола встает тот морячок, который нам дорогу к гостинице показал, прикладывает руку к сердцу и кланяется.

За ужином все повторяется — официант приносит бутылку шампанского:

— Это вам сувенир.

Я строго посмотрела в сторону моряка, погрозила ему пальцем, а он встал, прижал руку к сердцу и поклонился.

— Пожалуйста, — сказала я официанту, — отнесите шампанское обратно.

— Не обижайте моряка, — говорит официант. — Он выходит в Севастополе…

Утром за завтраком та же история. Опять морячок посылает бутылку шампанского. Я говорю официанту:

— Вы же сказали, что он сойдет в Севастополе.

— Он проспал. Теперь сойдет на обратном пути.

Число бутылок шампанского на нашем столе росло… После Севастополя у нас за столом появилась бабуля. Платочек

ситцевый, кофточка, юбка деревенская. Муж ей предлагает:

— Не хотите ли шампанского?

— А что… И выпью.

Она выпила и тут же начала читать стихи:

— Соколы ясные вокруг Кремля летают… Звезды красные над Кремлем блестят…

Это было неожиданно. Она так громко читала, что все обернулись к нашему столу.

— Это я сама сочинила. Вот выпила, расхрабрилась и вам их почитала. Я еще почитаю…

— Лучше выпейте шампанское, — сказали мы и удалились.

Только вошли в каюту, стучат. Входит боцман.

— Никак не могу вас застать. Я очень рад, что такая известная актриса на нашем корабле… Это большое событие… Между прочим, я тоже артист. В самодеятельности играл Гитлера и Нептуна. А вашего супруга я тоже узнал. Он из «Современника». Скромный человек и скрывает, но я его все равно узнал…

Наконец наш теплоход в Батуми. Не успели причалить, как муж замечает у пирса знакомого журналиста. Тот радостно машет Нам, а рядом стоит грузин. На нем кепка — аэродром. И он отдает нам честь. Оказывается, журналист узнал в «Интуристе», что мы заказали номер в гостинице, прихватил с собой друга Гено, и они пошли нас встречать.

Мы познакомились с Гено, он высказал радость по поводу прибытия в замечательный город Батуми таких замечательных людей и сказал, что будет с нами как верный друг.

Началась новая эпопея. Гено говорит:

— Утром в шесть часов мы едем на хаш.

— Но почему в шесть утра? — удивляюсь я. — Ведь мы приехали отдыхать…

— Позже нельзя. Только в шесть часов. Это самый лучший хаш на Черноморском побережье.

Ну что поделаешь. Выхода нет. Хозяев надо уважать. Я подчиняюсь.

И ни свет ни заря мы едем в машине к портовым пакгаузам. Там стоит непрезентабельный дом, входим в него, видим горы костей и волосатых мужиков, орудующих большими ножами.

Тут появляется офицер — пограничник, знакомится. Оказывается, это командир погранотряда, ему Гено уже доложил о нашем приезде. За пограничником приезжает солидный аджарец, начальник таможни, большой человек в Батуми. Ему тоже позвонил Гено. И у каждого свой план — свадьба в горном селе, шашлыки в городке пограничников.

Затем — еще более солидный человек, он директор

правительственного санатория, там муж когда-то отдыхал.

— Дорогой, почему не позвонил? Зачем тебе «Интурист», у меня же лучше…

Оказывается, на хаш приезжают лучшие люди Батуми, которые накануне хорошо посидели за столом.

На следующий день Гено объявляет:

— Мы должны поехать на свадьбу в горы. Там живет моя бабушка. Ей сто лет. Пригласили телевидение, и вы, Клара, должны там обязательно выступить.

— Я не могу, — говорю я решительно. — Я боюсь ездить по горным дорогам.

— Ну ладно, — говорит Гено. — Тогда поедем на границу с Турцией.

Зачем нам граница? Но мы уже едем. Контрольно — пропускной пункт, дальше ехать нельзя, пограничная зона. Но Гено высовывает голову из машины:

— Гено приветствует вас!

— Гено, дорогой, проезжай… Приветствуем твоих гостей…

И мы доехали до самой границы. Погуляли, зашли в чайную, чтобы выпить по стаканчику красного.

— Гено, — говорю я. — Откройте секрет. Почему нас всюду пропустили?

— Дорогая Клара, я — почетный пограничник. Я здесь служил.

Недалеко от рынка у Гено швейная мастерская. Там висел огромный, во всю стену, портрет Сталина в золоченой раме. И стояла одна машинка…

— Пора уезжать, — говорю я мужу. — Давай устроим обед в честь Гено и поедем в Сухуми.

Так мы и поступили. Пригласили Гено в ресторан, говорили тосты. И Гено сказал тост:

— Нам надо редко встречаться. Потому что с каждым разом нам будет труднее расставаться.

Вдруг он стал серьезным и проникновенно сказал:

— Я хочу, чтобы меня уважали.

Гено заехал за нами, чтобы отвезти в аэропорт. Но сначала мы отправились на базар.

Времени в обрез, скоро час отлета, но Гено говорит:

— Не волнуйтесь, я задержал самолет…

Мне он купил фрукты. Мужу вручил кепку — аэродром.

— Это вам от всего сердца, — сказал он.

Самолет и в самом деле был, как говорят, под парами. Но все ждали Гено и нас.

Когда самолет покатил по дорожке, Гено отдал нам честь,

приложив руку к кепке — аэродрому. Как почетный пограничник.

Тогда это мне казалось утомительным. Раз уж мы собрались в отпуск, надо отдохнуть, просто полюбоваться горами и морем. Но сейчас, когда вспоминаю о Батуми, чувствую даже какую-то вину перед Гено. Ему ничего не надо было. Он просто был очень добрым и хорошим человеком. Потом он был у нас гостем в Москве…

В Сухуми в аэропорту нас встретил поэт Константин Ломия. Мужа хотели поселить на правительственной даче, но Костя предложил поехать в маленький домик, который стоял на берегу моря.

Дощатый забор у домика был снесен штормом, волны докатывались чуть ли не до порога открытой веранды, но зато нас никто не беспокоил, не приглашал на свадьбы и шашлыки. Лишь раз в неделю нас навещал хозяин с женой Нелли Тарба. Это была милая пара, он — поэт, она — драматург, дружная творческая семья. Как они живут сейчас… Остался ли в целости их маленький домик на берегу, на благословенной земле Абхазии, охваченной войной многие годы?

…Я была в Израиле. Туда мы приплыли на теплоходе вместе с участниками фестиваля «Бархатный сезон». Я — член жюри. Сходим на берег, нам дают газету. На первой полосе заголовок: «Тарас Шевченко и Клара Лучко в Израиле».

«Тарас Шевченко» — это наш теплоход.

Иду в Тель — Авиве с советником по культуре по базару, навстречу две женщины. Сразу видно, наши. А накануне на ОРТ показывали мою передачу «Фильмы нашей памяти».

— Ой, вчера мы вас смотрели, а сегодня вы уже здесь… Шо вы тут делаете?

— Гуляю, — отвечаю я.

— А дальше?..

— Ну, дальше… домой…

— Уже!

В этот момент меня в спину кто-то толкает. Я поворачиваюсь, вижу — пожилой человек.

— Я вам скажу, — говорит он, — здесь можно купить сало. И недорого.

— Зачем мне сало? Я завтра уезжаю.

— Я вас проведу. Это недалеко, за углом. Там можно купить и украинскую колбасу…

А в Екатеринбурге случилась другая история.

У нас был дневной концерт в двадцати километрах от города на каком-то заводе, но мы никак не могли выехать из Екатеринбурга. Весь центр был перекрыт. Провожали в последний

путь убитого директора рынка. Похороны сопровождало машин сто. Я ничего подобного никогда не видела. Мы чуть не опоздали на концерт. Но все обошлось.

Возвращались домой поздно. Дорога шла лесом. Нас обступали огромные сосны. Было жутковато, но в конце пути от волнения и усталости я уснула.

Вдруг машина резко затормозила, и я проснулась. Из-за деревьев к нам приближались люди в камуфляжах, с автоматами, в черных чулках на голове. Они вытащили из машины шофера и администратора, бросили их лицом на капот и стали обыскивать. А меня вежливо попросили выйти. Когда все кончилось, мне разрешили сесть в машину, а на переднее сиденье сел спецназовец. Он повернулся ко мне, и я увидела сквозь прорези детские, любопытные глаза.

— А к нам вы не приедете выступать?

— Нет, вы меня испугали.

— У нас работа такая. В Екатеринбург приехали на похороны «авторитеты» из многих городов.

Он вздохнул и попросил автограф на память.

…Еду на концерт в Ленинград. Вхожу в вагон. Встречаю человека с сумкой через плечо.

— Здравствуй, Клара. Ты меня не узнаешь?

Я пожала плечами.

— Ну как же… Мы с тобой снимались в «Карнавале». Ну, я еще там… в машине сидел… у тебя еще кошка была в коробке. Ты испугалась.

Я молчу.

— Я ж тебе тогда бублик купил.

— Ах, бублик? Конечно, помню.

— Видишь, я продаю газеты. Какую тебе газету дать: сексуальную или политическую?

— Давай политическую…

Вхожу в купе. Сидит капитан первого ранга.

— Здравствуйте, вы меня не узнаёте?

— Да как-то нет…

— Я вам напомню. Вы снимались на «Ленфильме», а я помог вам донести чемодан…

Выхожу в коридор, у окна генерал.

— Здравствуй, Клара. Да ты что, не узнаёшь меня?!

Чтобы его успокоить, отвечаю:

— Ну как же… Такого генерала — и не узнать.

А сама думаю: вроде лицо знакомое…

Утром в Ленинграде сажусь в такси.

— С приездом в наш город, — поздоровался водитель. — На

днях я вас видел… В передаче «Герой дня» по НТВ. Здорово вас ведущий назвал: «Лицо империи».

И мы рассмеялись.

Две истории про любовь

Многим кажется, что большая любовь бывает только на экране. И в самом деле, есть такие фильмы и такие роли, что даже актеры завидуют своим героям. Ну а в жизни?

Я расскажу две истории о людях, которых я хорошо знала.

Валентина Серова… Это не только легенда нашего кино, это история великой любви.

В детстве она чувствовала себя одинокой. Воспитывалась у бабушки, где-то под Харьковом. Потом ее мать — известная актриса Клавдия Половикова — забрала дочь к себе в Москву. Валя рано дебютировала вместе с матерью на профессиональной сцене.

В четырнадцать лет ее приняли в школу при Московском театре драмы. А вскоре, еще будучи студенткой, она поступила в труппу Театра драмы и сразу же получила роль в пьесе Островского «Бедность не порок». Тогда же начала сниматься в кино. Ее взяли на роль в картину «Девушка с характером».

Валентину любили и боготворили окружающие, а она была влюблена в легендарного летчика — испытателя, участника боев с фашистами в Испании Героя Советского Союза Анатолия Серова.

В первый раз они встретились у общего друга, тоже летчика. Валя только увидела Серова — и уже не спускала с него глаз.

И он влюбился в нее тоже с первого взгляда.

Когда летчик провожал Валю, она пригласила его в театр, на спектакль с ее участием.

Серов боялся опоздать, поэтому приехал заранее. У него была редкая по тем временам машина, подаренная испанским республиканским правительством. Он называл машину «Королева».

После спектакля Серов посадил Валентину в «Королеву», и они помчались по вечерней Москве навстречу своей судьбе.

Уже на третий день он сделал ей предложение. Он был человеком решительным, нетерпеливым, был уверен, что она немедленно согласится.

Но Валя ответила, что должна подумать, посоветоваться с мамой. Клавдия Половикова работала в ту пору в Ленинградском театре имени Пушкина, знаменитой Александринке. Поэтому Анатолий купил Валентине билет на поезд «Красная стрела» и проводил ее в Ленинград.

Не успела Валя утром рассказать матери о предложении, как в доме раздался телефонный звонок. Звонил Серов. Он, конечно,

тоже примчался в Ленинград и как бы случайно оказался возле дома, где жила Половикова. Можно ли ему зайти? Когда? Сейчас же.

Не раздумывая, Серов с ходу попросил у Клавдии Михайловны руки ее дочери. А та сказала: «Валя уже взрослая, пусть сама и решает…» А Валя ответила, что скажет ему о своем решении в Москве.

Серов вечером посадил Валентину на «Красную стрелу» и отправил в Москву. Когда она вышла на московский перрон, то увидела его, стоящего с огромным букетом цветов.

Они поженились. Валя в то время снималась в кино, играла спектакли. Когда была свободна, приезжала в Архангельское, где Серов снял дом.

Он каждый день ездил на аэродром. Шли испытания.

В полдень она выходила на террасу, и это было своеобразным свиданием. Она слышала гул самолетов, которые приближались к их дому. Самолеты пикировали, сбрасывали цветы и улетали. А он чертил в небе белое слово «люблю».

Они были счастливы. Он учился в академии, а у Вали вышла картина «Девушка с характером», которая сразу же полюбилась зрителям. У кинотеатров выстраивались очереди. И в театр на спектакли, где играла Серова, теперь трудно было достать билеты.

Валя ждала ребенка. Анатолий испытывал новый истребитель.

Однажды он собрался на аэродром и сказал Вале, что днем пришлет за вещами машину, его несколько дней не будет дома.

Серов мчал по Москве с огромной скоростью, но вдруг что- то случилось, машина загудела и остановилась. Ничего они с шофером не могли сделать — гудок продолжался, а потом резко оборвался. Они с трудом завели машину, Серов по дороге то молчал, то вспоминал своих товарищей, погибших в Испании. А Валя ждала машину — и совершенно неожиданно для себя написала Серову письмо. Она никогда прежде этого не делала.

Шофер привез Серову из Архангельского чемоданчик и передал письмо. Тот прочел его и потом аккуратно положил в карман. Подозвал неожиданно шофера:

— Друг, если что Валентине понадобится, ты помоги ей…

И пошел к самолету. Вторым пилотом у Анатолия Серова была женщина — легендарная летчица Полина Осипенко. Они поднялись в небо. Это был слепой полет. Испытательный.

Последний полет.

Самолет врезался в землю, не вышел из пике.

А Валя ничего не знала. В тот вечер она играла спектакль. И в

первом акте случайно рукой ударилась о край декорации. Ушибла руку, разбила часы. И часы… остановились.

Как и большинство актеров, она была суеверной. И тут в кулисе Валя увидела военных. Она поняла, что случилось страшное.

Вскоре Серова родила сына. Его назвали Анатолием. Судьба его сложилась трагически. И он в тридцать пять лет погиб.

Она ненадолго пережила сына. Но это все было потом…

Впервые Валя встретила Константина Симонова на похоронах мужа. А через некоторое время, когда Серова играла в пьесе Максима Горького «Зыковы», она каждый раз на спектакле стала чувствовать, что на нее кто-то смотрит из зала. Этот тревожный взгляд мешал ей играть.

Однажды она посмотрела в зрительный зал и поймала пристальный взгляд молодого человека, который сидел в первом ряду. Он приходил на каждый ее спектакль. Она поначалу и предположить не могла, какую роль в ее жизни сыграет этот зритель. Это был Константин Симонов.

Так началась «История одной любви». Именно так он и озаглавил свою пьесу, которую специально написал для театра. Конечно, главную роль играла Валентина Серова.

Об их любви заговорила вся Москва. Вокруг их имен ходили какие-то невероятные слухи и легенды. Все, что писал Константин Симонов, он посвящал ей. Он безумно ее любил.

Я помню зал для репетиций
И свет, зажженный как на грех,
И шепот твой, что не годится
Так делать на виду у всех.
Твой звездный плащ из старой драмы
И хлыст наездницы в руках,
И твой побег со сцены прямо
Ко мне на легких каблуках.

Двадцать второго июня сорок первого года началась война. В ту суровую пору Валентина Серова была, пожалуй, самой популярной актрисой в стране. Ее нежный образ напоминал солдатам о далеком доме, о родной семье.

Война разлучила Симонова и Серову, но в каждом письме к ней он писал: «Жди меня…»

И стихотворение «Жди меня» он написал только для нее. Но оно вошло в сердца миллионов мужчин и женщин как заклинание, как молитва:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди…

Константин Симонов написал сценарий фильма и назвал его «Жди меня». В главной роли снялась Валентина Серова. Это, по — моему, одна из лучших ее киноролей.

Помните, как она пела:

Сколько б ни было в жизни разлук,
Я привык в этот дом приходить…

У нее был особо нежный, душевный голос. Его знала вся страна. Валентина Серова часто уезжала на фронт с концертами. Однажды после концерта в полевом госпитале к ней подошел главный врач и попросил зайти в палату. Когда она вошла, увидела человека с мужественным лицом и огромными глазами. Это был Константин Рокоссовский, прославленный военачальник.

Пути жизни неисповедимы. Поговаривали, что после войны чуть ли не ежедневно, в точно определенный час, у дома Серовой в Москве останавливалась машина. Из нее выходил военный и долго смотрел на ее окна. Потом садился в машину и уезжал.

То ли быль, то ли легенда… Он — маршал, у него семья, она — знаменитая актриса, жена знаменитого поэта; обстоятельства не дали возможности им соединиться.

Отзвуки тех событий стали большим испытанием и для Валентины Серовой, и для Константина Симонова. Внешне казалось все благополучно. У них родилась дочь Маша. Симонов написал много прекрасных стихов, но внутри у Валентины как будто что-то оборвалось… Была какая-то пустота. И ощущение безмерного одиночества. Чтобы заглушить это чувство, она начала пить.

Ролей в театре становилось все меньше и меньше. Исчезли куда-то друзья. Потом замолчал телефон.

Она была Актрисой. Она не могла жить без театра и кино. Она готова была ухватиться за любую роль. Не важно какую. Так она снялась в небольшом эпизоде в фильме «Глинка».

Она ушла из театра, в котором прослужила семнадцать лет. Пробовала работать в других театрах, но не сложилось. Последним ее пристанищем стал Театр киноактера.

Сколько же трагических судеб, легенд, крушений и взлетов хранит история нашего искусства! Ярко вспыхнувшие на экране и на театральных подмостках звезды вдруг оказывались никому не нужными, они были любимы зрителями, но для них не

находилось новых ролей, их не приглашали на студии, их не «видели» режиссеры…

У нас была большая концертная программа «Товарищ кино». Она прошла с аншлагом чуть ли не через все крупные центры Советского Союза. В ней принимали участие киноактеры разных поколений, а когда на сцене появлялись звезды, о которых как бы забыли Госкино и студии, зал встречал их громом аплодисментов. Любовь зрителей к своим кумирам не ослабевала. Но они не снимались. Иногда проходили годы, прежде чем они вновь появлялись на экранах, и тогда все начинали говорить: «Почему же столько лет их не снимали?»

…Прощались с Валентиной Серовой в нашем театре. Я была на похоронах. В зале было немноголюдно. Актеры, случайные прохожие, которые шли мимо и узнали, что хоронят знаменитую актрису. Приехал какой-то чиновник из Госкино, сказал невнятную речь.

А мы стояли в почетном карауле. Стояли по многу раз, потому что нас, актеров, пришедших проводить ее в последний путь, было мало.

Серову хоронили в обыкновенном гробу, обитом красным крепом. Креп был то ли потертый, то ли смятый. И здесь же, над гробом, висел ее фотопортрет, на котором она была веселой, счастливой и молодой. Такой, какой ее знали миллионы. Знали и любили.

Стояли у гроба ее мать Клавдия Михайловна Половикова, дочка Маша и ее муж. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу.

И вдруг зазвучала песня из фильма «Жди меня»… Зазвучал ее серебристый голос:

Сколько б ни было в жизни разлук,
Я привык в этот дом приходить…

…Константин Симонов был хорошо знаком с моим мужем, работавшим первым заместителем главного редактора «Советской культуры». Симонов попросил взять Машу на работу в редакцию. Маша стала корреспондентом.

Вскоре после этого Константин Симонов лег на обследование в Кремлевскую больницу. Он был тяжело и неизлечимо болен. Он позвонил Маше и попросил принести письма, которые когда-то писал Серовой. Часть этих писем уничтожила Серова перед смертью.

Маша пришла в больницу и увидела отца бодрым, подтянутым, сосредоточенным. Он даже шутил. А на прощание

попросил Машу, чтобы она навестила его через день.

Когда Маша пришла через день и вошла в палату, перед ней был совершенно другой человек — постаревший, ссутулившийся, он ходил по палате не свойственной ему, слегка шаркающей походкой. У него были погасшие глаза.

— Маша, — сказал он, — я перечитал письма, и мне показалось, что все это было только вчера. Не сердись, девочка. Я все это уничтожу. Не хочу, чтобы чужие руки рылись в этих письмах. Но все, что касается тебя, я сохраню. Все, что было между мной и твоей матерью, — это были самые счастливые… — он на минуту остановился, — и самые горькие дни моей жизни.

В его глазах были боль и страдание.

Даже прокляв день, когда расстался с тобой,
Благославляю день, в который тебя увидел…

Вот такая история. О ней много написано, но и сегодня, спустя годы, я не могу вспомнить ее без волнения.

Лет пятнадцать назад я подготовила большую, двухсерийную передачу для Центрального телевидения «Монологи Клары Лучко». И рассказала в ней о прощании с Валентиной Серовой. Я до сих пор не могу говорить об этом спокойно. Как случилось, что кинематографическое сообщество не удосужилось проводить достойно в последний путь звезду отечественного кино, кумира миллионов? Как получается, что мы не ценим собственную историю и людей, которые в трудные годы войны помогли уберечь страну, дать надежду миллионам?!.

А теперь я расскажу еще одну историю.

Однажды я невольно стала свидетелем зарождающегося большого чувства.

Так получилось.

В Ленинграде на стадионе был праздник кино.

Кто бывал в городе на Неве, знает этот огромный стадион на выходе в Финский залив. Стотысячные его трибуны раскинулись на намытом из песка круговом холме, внутри которого расположилась футбольная арена, опоясанная гаревыми дорожками. На этом стадионе и был праздник.

Открытие начиналось с торжественного объезда трибун. Я стою в машине в гриме и костюме Ядвиги — певички из картины «Красные листья». За мной тюремная решетка. Все это как бы изображает сцену, когда я прихожу в тюрьму на свидание.

Евгений Урбанский стоит в машине у декорации из фильма «Баллада о солдате».

И тут же актриса из Риги, красавица Дзидра Ритенберг,

которая только что снялась на Киевской студии в фильме «Мальва».

Машины сгрудились, шоферы ждут команды, когда надо выезжать на арену.

И так получилось, что друг против друга стояли в машинах Дзидра Ритенберг и Евгений Урбанский. Лицом к лицу. А я на своей машине стояла позади.

И я была поражена, увидев, как они смотрели друг на друга. Они приехали в Ленинград несколько дней назад. И вот за эти несколько дней, как это бывает в жизни, родилось огромное чувство.

Им было совершенно все равно, куда они едут, какие машины, в каком они городе, что вообще происходит. Утро, день, вечер, время года — ничто их не касалось. На огромном стадионе, где собралось сто тысяч ленинградцев, их было двое. Только Она и Он.

И вот эта обособленность, эти глаза потрясли меня, и я стояла не дыша. Я чувствую, что неудобно, нехорошо быть наблюдателем. Но что мне делать, мне некуда деться.

Кончились концерты, Дзидра уехала в Ригу, Евгений — в Москву.

Он тосковал, не зная, что ему делать, ехать ли в Ригу… И вдруг ему позвонил приятель:

— Женя, немедленно приходи ко мне. У меня гость из Риги и очень хочет тебя видеть.

Он выскочил из дома, сел в машину и приехал к приятелю. Там была Дзидра. Оказывается, она приехала на врачебный консилиум, ей предстояла операция на сердце.

Урбанский проводил Дзидру до гостиницы и сказал, что каждый день в клинике будет с ней. «Когда тебе сделают операцию, — говорил он, — и ты откроешь глаза, — первым, кого ты увидишь, буду я. Я тебя не оставлю всю жизнь».

Так все и получилось. Они поженились. Дзидра переехала в Москву. Они ждали ребенка.

В это время в Москву пришло приглашение из Чехословакии на Кинофестиваль трудящихся. Нашу делегацию разделили на две группы, у каждой был свой маршрут. Алла Ларионова и Николай Рыбников составили одну группу, а я с Женей Урбанским — другую.

У нас была «татра», мы ездили на этой машине из города в город. Сопровождала нас переводчица пани Славка, моя добрая знакомая, симпатичная и веселая молодая женщина. Она нас, как могла, оберегала.

Нам то и дело предлагали то посещение заводов, то встречу с

общественностью, то пресс — конференцию. Но она решительно отсекала часть мероприятий, говорила, что артисты устали, им надо отдохнуть.

Славка набирала в корзинку мясо, фрукты, овощи, и мы ехали на машине в какой-нибудь лесочек, располагались поблизости от маленькой речушки, разжигали костер, жарили мясо и кипятили чай. Славка знала такие места, где мы не могли нарваться на штраф за ущерб природе, и мы там подолгу беседовали о жизни… Женя все время говорил о Дзидре…

Год сложился у Урбанского тяжело, надо было заработать деньги на кооперативную квартиру. У меня тоже были свои трудности. Так что отдохнуть было не лишним, тем более что поездка оказалась утомительной.

Полдня мы в дороге, приезжаем в очередной город. Над нами берет шефство завод, мы размещаемся в гостинице, переодеваемся и — очередная встреча. Мы выступаем, нас тепло принимают, нам дарят сувениры, мы раздаем автографы, а потом, конечно же, идем в ресторан. Там уже все готово: собираются руководство завода, деятели культуры, активисты Общества дружбы, и начинается банкет.

Мы сидим на почетных местах. Ясно, что пока мужчины всё не выпьют — не разойдутся; они сидят, задают вопросы, рассказывают анекдоты и истории. И мы с Женей Урбанским вынуждены до конца сидеть за столом, нельзя же обидеть хозяев. Каждый день новый город, новые люди, и надо с ними поддерживать беседы, а это сложно.

Вскоре мы приспособились к этим условиям. У нас было несколько забавных историй, и мы их по очереди рассказывали — то он, то я. За столом оживление, все смеются, все довольны. Затем обычно вся компания перемещалась в бар, и мы с Женей почему-то танцевали краковяк. Мы оба рослые, крепкие, как взмахнем руками — достаем из одного конца бара в другой. Все аплодируют… Один вечер — это прекрасно, но цепь таких вечеров невольно утомляет.

Тем не менее, мы завершили круговой маршрут и приехали в Братиславу, там предстояло торжественное закрытие фестиваля. Туда же приехали Алла Ларионова и Николай Рыбников.

Женя Урбанский запомнился мне своей добротой, легкостью в общении. У него был хороший голос, и он с большим чувством пел «Гори, гори, моя звезда…».

Женя любил компании. Более того, он умел компанию сложить, быть первым среди собравшихся.

Рабочий фестиваль нас сдружил, мы оказались в чем-то родственными душами. И вдруг накануне отъезда я узнаю, что

Урбанский боится летать. Тогда я этой болезни еще не понимала. И мне странно было, почему он, такой большой, сильный, смелый, боится летать самолетом.

Он был любим зрителями. Картины «Баллада о солдате», «Коммунист», «Чистое небо» — всего несколько сыгранных ролей, но они покорили страну. Появился новый герой, красивый, мощный, влюбленный в работу и жизнь, нежно любящий муж. Он стал как бы идеальным героем.

Перед отлетом в Москву мы пошли в магазин. Денег у нас было немного, но он все их потратил на Дзидру и будущего малыша.

— Я все покупаю будущей маме и нашему ребенку.

Я ему советовала:

— Вот это купи. Это подойдет…

— Нет, Клара, нужно чуть побольше. Дзидра скоро родит…

В последний день фестиваля всех актеров пригласили на завод шампанских вин. Рассказывали легенды про это невероятное шампанское, дегустаторы демонстрировали тонкости своей профессии. Для меня это было внове, я впервые попала на дегустацию, а все было устроено как представление. На прощание преподнесли нам шампанское. Каждому актеру по ящику.

Когда мы сели в самолет, я вижу, что Женя начинает нервничать. Пытается со мной о чем-то говорить; чтобы отвлечься, стал тихо напевать: «Ту-104 — самый лучший самолет» — на мотив похоронного марша. А нам еще лететь несколько часов до Москвы. И тут мне пришла в голову хорошая идея.

— Женя, — предложила я, — давай угостим весь самолет, всех пассажиров шампанским. Пригласим стюардессу, пусть она объявит по радио, что мы возвращаемся с фестиваля и всех пассажиров угощаем шампанским.

Он обрадовался и с благодарностью посмотрел на меня. Мы позвали стюардессу, ей понравился наш план. Пассажиры оживились, девушки разносили по салонам пластмассовые стаканчики с шампанским.

Я сказала:

— Женя, спой… Свой любимый романс.

Женя взял у стюардессы микрофон и запел:

Гори, гори, моя звезда…

Пассажиры аплодировали, и, пока это происходило, объявили, что всем надо пристегнуть ремни и приготовиться к посадке. Самолет пошел на снижение. Когда приземлились, Женя сказал:

— Я так тебе благодарен. За всем этим я просто забыл, что мы летим. Для меня каждый полет — это испытание. Я столько

трачу нервов, а на этот раз так легко прилетел. Большое тебе спасибо.

Осенью я была на съемках в Вильнюсе, там я встретила Женю, и он мне рассказал, что снимается в картине «Директор», играет главную роль. Предстоят натурные съемки… Через пустыню идут наши машины. Они получили высокую оценку… И он сам будет сидеть за рулем машины…

Мы попрощались. Вскоре после этого я опять получила приглашение приехать в Чехословакию.

Я много раз бывала в этой прекрасной стране, люблю тихие улочки Старой Праги. В молодости я снималась на студии «Баррандов», была участницей многих делегаций, входила в жюри фестиваля в Карловых Варах. Это один из красивейших городов Европы, уютный, чистенький, знаменитый мировой курорт. Я любила прогулки по тропе Бетховена, к Тургеневой хате, я пила воду из источников, которые дают жизненную силу. В Чехословакии шли многие мои фильмы, и люди очень хорошо ко мне относились.

На этот раз ехала делегация, чтобы отметить ноябрьские праздники. В Госкино мне сказали, что Урбанский тоже приглашен.

Прилетела в Прагу, меня встретила добрая знакомая пани Славка. Мы вспоминали те дни, когда вместе с нею и Женей участвовали в Кинофестивале трудящихся. Пани Славка приготовила фотографии, чтобы подарить нам на память.

— Завтра прилетает Женя Урбанский. Я поеду его встречать, — сказала пани Славка.

— Славка, — говорю я, — если нас разобьют на группы, давай поедем, как и прежде, ты, Женя и я…

На следующий день я приехала в отделение «Совэкспортфильма», чтобы встретиться с делегацией. И вдруг вбегает представитель Госкино, с ним пани Славка:

— Клара, Женя погиб!

— Как погиб?

— У него были трюковые съемки. За руль должен был сесть дублер, но он решил сниматься сам…

Да, в ту пору трюк стоил двести восемьдесят рублей. Это более половины месячной зарплаты киноактера высшей категории. Деньги были нужны на покупку квартиры. Жене показалось, что трюк совсем несложный. Машина как бы прыгает с трамплина, и ничего с ней случиться не должно. Машина крепкая, устойчивая.

Рассказывали, что на съемку собралось множество зрителей, его поклонниц. Его приветствовали, многие принесли цветы.

А он встал на трамплин и громко крикнул:

— Хороший был парень, Женя Урбанский…

Сел за руль и погиб. У него сломался позвоночник, его не успели довезти до больницы.

Дзидра лежала на сохранении в клинике. Боялась, что будут преждевременные роды. В те дни ей никто не осмелился сообщить скорбную весть. Она родила сына и только тогда узнала, что у него нет отца.

Как же хрупка наша жизнь! Такая огромная любовь, такая прекрасная карьера, такой талантливый актер — русский актер, широкий, сильный, добрый… Лучшего не представишь. Вот- вот должен стать отцом, и вдруг — какие-то двести восемьдесят рублей… И — смерть.

Я часто вспоминаю его, нашу поездку по городам Чехословакии, наши долгие беседы, тот день на ленинградском стадионе и тот панический страх в его глазах, когда мы сели в самолет, распрощавшись с гостеприимной Братиславой.

И шампанское на борту лайнера. И романс «Гори, гори, моя звезда…».

А в ушах звучат прощальные слова:

— Хороший был парень, Женя Урбанский!

День приключений в Кижах

Когда я рассказывала о Евгении Урбанском, я вспомнила о праздниках на стадионах. В шестидесятых — семидесятых годах они устраивались в летние месяцы чуть ли не во всех крупных городах Советского Союза. Это были действительно массовые, народные праздники. Часто они приурочивались то ко дню города, то к профессиональному празднику, давали возможность представить и достижения города, и знаменитых земляков. В заключение выступали известные актеры. Обычно в субботу и воскресенье было по два представления — днем и вечером.

Для артистов это был хороший повод встретиться со старыми друзьями, поговорить. Ну и, конечно, немного заработать.

Но такими большими представлениями управлять было трудно. Множество актеров, массовка, солдаты… Потому нередко случались и казусы, о которых нельзя вспоминать без улыбки.

В год пятидесятилетия Октября представление открывалось торжественным прологом. На поле стадиона выезжал броневик, вокруг — матросы и солдаты, а на башне — вождь революции. То есть актер, загримированный под Ленина.

Помню, кончилось дневное представление и актер, стоявший на броневике, после пролога уехал в гостиницу. А в это время с опозданием прилетел замечательный комедийный актер Борис Новиков, любимец публики. Вот — вот его выход, а ботинки, в которых он должен выступать, пропали. Нет ботинок. Как быть? Костюмер начала искать, но нашла только ботинки актера, который в прологе исполнял роль Ленина. Костюмер выдала Новикову под честное слово эти ботинки.

— Пожалуйста, только прошу вас, обязательно верните. Тотчас же поставьте ботинки на место.

Новиков поклялся, что он это сделает, но после выступления его кто-то угостил в буфете, и он в хорошем расположении духа отбыл в гостиницу. Пришел в номер и уснул в кресле. В тех самых ботинках, которые поклялся вернуть.

И вот второе представление. Опять же первым должен на поле появиться броневик. Приехал актер, его загримировали, стали искать ботинки, а их нет. Попробовали обувь подобрать, но нога у него была большого размера. Что делать?

— Ладно, — говорит актер, — с трибун не видно, я буду в носках.

А температура — за тридцать градусов. Броневик несколько часов жарился под солнцем. Металл раскалился…

Зазвучала музыка, пошел пролог. Актер влез на броневик…

Руку протянет и тут же начинает переминаться с ноги на ногу. На одной постоит, потом на другой. Что с ним происходит? А он от этой жары на раскаленной башне просто не может стоять. Так пекло.

А в одном украинском городе не оказалось ведущего и дирекция в спешке решила привлечь кого-то из местных актеров. Сказали, что у него хорошо поставленный голос, звучит торжественно, и его пригласили. Он начал объявлять:

— Народный артист Советского Союза… Заслуженный артист республики…

Поскольку номеров много, представление продолжается два часа, местный актер — то ли для храбрости, то ли по привычке — прихватил с собой бутылку коньяка.

То и дело слышалось в микрофон, как булькает жидкость, звенит стакан… И когда дело подошло к финалу, голос у местного актера охрип, язык стал заплетаться…

Последним выступал Олег Стриженов. Он вышел на гаревую дорожку и слышит:

— На перегаревой дорожке народный артист… Извините… Минуточку… Ах да, конечно, это народный артист Олег Стриженов. По перегаревой дорожке идет Олег Стриженов.

Стадион оживился, публика хохотала…

А один из актеров выступал с монологом Василия Теркина. Артист был в плащ — палатке, надеялся, что военная форма поможет скрыть его полноту. Перед выходом он подозвал кого-то из молодых и говорит:

— Я должен надеть корсет, а ты будешь шнуровать. Я тебя не обижу, сочтемся…

Молодой коллега затянул ему корсет, накинул плащ — палатку, надел пилотку, приладил вещевой мешок. Выходит актер на середину стадиона, а в монологе такие слова: «Я от тетки родился…»

Видно, актер как-то выдохнул активно, корсет не выдержал и лопнул, а живот вывалился…

В микрофоне треск, стадион смеется. Как раз на словах «Я от тетки…».

Мы с Аллой Ларионовой и Колей Рыбниковым тоже принимали участие в таких представлениях. Играли сцену из «Двенадцатой ночи». Сыграли ее, наверное, раз пятьдесят. И вот на одном из представлений я забываю текст. Алла мне тихо говорит:

— Ты что, забыла?

Я киваю.

Алла, еле сдерживаясь от смеха, говорит:

— Ну? «Шекспир, как известно, написал «Двенадцатую ночь» в стихах…»

А я вдруг говорю:

— Ну, в общем… я не та, за которую вы меня принимаете.

И мы уже обе еле сдерживаемся от смеха.

Кое-как закончили номер и совершаем круг почета на украшенной цветами машине. Когда машина остановилась, к нам подошел Коля Рыбников, он должен был ехать на этой машине — следующим был его номер. Он был просто возмущен и ругал нас. Он не понимал, как можно забыть текст!

Коля сел в машину и уехал. И вот послышалась фонограмма музыки, а петь он должен сам. Он начинает: «Не кочегары мы, не плотники…» И вдруг — ля, ля, ля… И так до конца песни больше ни одного слова не произнес! Когда он нас потом встретил, то сказал:

— Представляете, когда началась музыка, я подумал: «Вот ненормальные, как можно забыть текст», — и к своему ужасу напрочь забыл слова песни.

Но это так, к слову.

Не только для зрителей, но и для актеров суббота и воскресенье тоже были праздниками. Хотя искусство кино — дело коллективное, все же мы очень одиноки. Да еще ранимы, остро переживаем, если не приглашают сниматься, не зовут на концерт. Очень сложно побороть это чувство… нет, не зависти, а обиды какой-то: почему вот ему дали эту роль, почему не мне? Тем более что каждый как бы завышает меру собственных возможностей.

Есть такая притча. Приглашает актер знакомого посмотреть спектакль. После спектакля знакомый поздравляет актера:

— Знаешь, я получил удовольствие, но, понимаешь, вот в последнем акте…

Актер перебивает знакомого и говорит:

— Как жалко, что ты пришел сегодня… Вот я прошлый раз з-замечательно играл эту сцену, а сегодня она как-то не пошла…

А стадион чем хорош? Мы все здесь как бы равны, зрители всех хорошо принимают. Так что это праздник и для нас, а не только для зрителей.

Каждое выступление на стадионе — это еще и знакомство с новым городом, с его достопримечательностями.

Не могу сосчитать, да и никогда не считала, сколько городов я объехала вместе с товарищами. Часто с нами выступал Петр Глебов. На стадионах он был в костюме Григория из фильма «Тихий Дон» и въезжал на лихом скакуне. Однажды я встретила его в Доме кино и спрашиваю:

— Петя, почему тебя не было в прошлый раз?..

— Да я уже все стадионы обскакал.

Мне запомнился Петрозаводск. Туда приехали Иван Семенович Козловский и дочь Шаляпина Ирина Федоровна. Не только зрителям, но и нам было интересно послушать, как она выступает, о чем будет говорить. Ну и, конечно, послушать Козловского.

С Иваном Семеновичем у меня были какие-то особо теплые отношения. Когда-то, в далекой молодости, он жил в Полтаве, учредил в музыкальной школе именные стипендии, и горожане его чтили и уважали. Поэтому и ко мне он относился очень тепло, ведь мы были земляками.

Увидела я Ивана Семеновича перед выступлением, как раз когда должны были объявить его выход.

Стадион огромный, лиц с трибун не видно. Но, тем не менее, он настолько серьезно относился к своей работе, что был загримирован так же, как и перед выходом на сцену Большого театра.

Пел Иван Семенович, конечно, под фонограмму. На стадионе иначе нельзя. Зрители его приветствовали и вызывали на «бис».

После Козловского выступала Ирина Федоровна Шаляпина. Немолодая, плотно сложенная женщина. Она обладала острым взглядом, все понимала, замечала какие-то интересные подробности и с тонким юмором про это рассказывала. И, конечно, она рассказывала об отце и пела под гитару.

После выступлений многие актеры остались в Петрозаводске на один день, чтобы посмотреть Кижи. Туда ходил маленький пароходик, на котором мы решили на следующий день отправиться к благословенным местам.

И вот я сплю в номере гостиницы и мне снится сон. Будто я выхожу замуж за Козловского. Есть известная картина «Неравный брак», и я точно вижу эту мизансцену — Козловский во фраке, я в белом подвенечном платье. И думаю, зачем же я выхожу за него замуж. Он старый, а я молодая. Ну зачем я согласилась…

Тут я проснулась. Утром, когда мы с Лидой Смирновой сели на пароходик, курсирующий в Кижи, я, смеясь, рассказываю ей, какой видела сон…

Кижи — это не просто музей на открытом воздухе, это чудо. Удивительные храмы, шедевры русского зодчества.

Мы с Лидой подходим к храму, а там собралось уже человек семь. Все ждут, когда подойдет их очередь.

Открывается дверь, и выходит из храма Иван Семенович. Лида меня в бок толкнула, смотри, мол, жених идет…

Козловского всегда сопровождали поклонницы. Среди них

были известный математик, доктор наук, какая-то дама в шляпе и, конечно, его секретарь. В окружении этих влюбленных, обожающих женщин он вышел из церкви. Увидел меня, подошел. Мы поздоровались.

— Я вас приглашаю сегодня в ресторан. Пожалуйста, в три часа приходите на обед.

Мы с Лидой поблагодарили Ивана Семеновича и пошли осматривать Кижи.

Потом вышли на небольшую площадку и видим, как Иван Семенович Козловский косит траву. Рядом лошадка, запряженная в телегу. Иван Семенович в соломенной шляпе, закатал рукава и косит. А сопровождающие его дамы снимают на кинокамеру.

Мы стали в сторонке, а он повернулся, увидел нас.

— Хорошо, что я вас встретил… Мы сейчас на лодке поедем кататься, объедем весь остров. Если вы хотите, то пожалуйста…

Мы, конечно, с удовольствием согласились, хотя это вызвало едва уловимое недовольство сопровождающих. Но мы не обратили на это никакого внимания. Если нас пригласил Иван Семенович, то мы должны это приглашение принять.

На причале уже стояли две моторные лодки. Подошли Ирина Шаляпина, ее гитарист, директор оперного театра из Петрозаводска, с ним солистка театра.

Всех нас секретарь Ивана Семеновича рассадила по местам. Мне показали место на корме. Я подумала: какое хорошее место. Лиду Смирнову устроили рядом со мной.

Поклонницы укутали Ивана Семеновича, чтобы он не простудился. Надели на него плащ, обмотали шею шарфом.

Завели мотор, лодка рванула, а дым и гарь от мотора попадали как раз нам в лицо. Тут только я поняла, почему нас посадили здесь…

Впрочем, какое это имеет значение? Мы наслаждаемся Кижами…

И вдруг лодка начинает медленно оседать. Моторист повернул к берегу. Пока мы добирались до берега, лодка начала наполняться водой. Мы стали выгребать воду.

— Надо всем выйти, — предложил моторист. — Лодка может утонуть. Тут уже неглубоко.

Директор оперного театра взял доску для сиденья, положил между лодкой и берегом и осторожно перевел по этому мосточку певицу. Поклонницы Ивана Семеновича подняли его чуть ли не на руки, и в одну секунду он оказался на берегу. Мы же с Лидой Смирновой и Ириной Шаляпиной остались в лодке. Шаляпина говорит:

— Я неподъемная. Во мне сто килограммов…

Мы с Лидой поняли, что нас и поднимать никто не будет.

— Лида, — говорю я. — Давай пойдем вброд.

Мы подобрали платья и вышли на берег. Ирину Шаляпину мужчины все-таки перетащили.

Лида сказала секретарю:

— Жалко, что сорвалась прогулка…

— Еще бы, — ответила секретарь. — Такое количество людей набралось, которых мы не ожидали.

Стрелки часов, однако, приближались к трем, и все направились в ресторан на борту маленького пароходика. Захлопотали вокруг Ивана Семеновича, чтобы он пополоскал горло, чтоб вымыл руки. Он помыл руки водкой. Затем все наперебой стали его спрашивать, будет ли он есть это или будет есть то. Ну, это естественно…

Ирина Шаляпина выпила рюмочку коньяка и объявила:

— Я согрелась и буду петь.

Она пела старинные русские романсы. С душой, с понятием того, что делает. Очень образно, душевно она пела. Виртуозом был гитарист. И мы слушали затаив дыхание.

Поклонницы стали переговариваться: «Ой, давайте попросим Ивана Семеновича, пусть он споет…» — «Ой, ну попроси ты, попроси ты…»

В конце концов Иван Семенович согласился. Спел романс. Все захлопали.

И вдруг Ирина Шаляпина говорит:

— Ваня, ты детонируешь…

— Кто, я?!

— Да…

Воцарилась неловкая пауза. По — моему, поклонницы готовы были тут же убить Ирину Федоровну. Но та как ни в чем не бывало говорит:

— Спой лучше «Выхожу один я на дорогу…».

Все приготовились слушать. И тут под окном ресторана появилась девочка со скакалкой. Прыг — прыг, скакалка бьется о дощатый пол на палубе.

Кто-то выбежал на палубу, девочку выпроводили, дескать, нельзя скакать, здесь Иван Семенович поет. Девочка убежала, перепуганная.

А Иван Семенович начал петь. Это было прекрасно. Да и обстановка особая. Кижи… Вода… Пароход, ресторан…

Спустя несколько минут открылась дверь и в зал вошла официантка. Молодая, рыжая, голубоглазая и конопатая.

— Ой, да здесь поют…

Она произнесла это таким плоским голосом, типично

официантским…

Ее готовы были тут же вышвырнуть, кто-то даже поднялся из-за стола, а Иван Семенович, как вежливый, интеллигентный человек, сказал:

— Да, вот мы иногда собираемся вместе и… поем. Потому что видимся редко. Много работы, а здесь вот представилась возможность.

Официантка, ничуть не смущаясь, говорит:

— А можно я тоже послушаю?

— Пожалуйста, садитесь, — говорит Иван Семенович и вновь начинает: — «Выхожу один я на дорогу…»

Вдруг рыжая официантка всплеснула руками:

— Ой, а я вас знаю. Вы — Мартинсон.

Я едва удержалась от смеха, но не подала виду, потому что меня бы съели эти поклонницы.

Официантку они выставили немедля:

— Ну что вы хотите, такое вот воспитание.

Они были страшно возмущены. Не в пример Ивану Семеновичу, который все обратил в шутку и начал петь…

Вот таким был день приключений в Кижах. Это никогда не забудется.

Порой, когда мне бывает грустно, я вспоминаю эти приключения, потому что таких дней в нашей жизни бывает немного. Не часто обедаешь с Иваном Семеновичем Козловским и Ириной Федоровной Шаляпиной, да еще в Кижах.

Привет от Грегори Пека

Много лет назад в Доме кино состоялась премьера американского фильма, который с большим успехом прошел по экранам мира. Это был страшный фильм об атомной войне, фильм — предупреждение. На земном шаре погибала жизнь; мертвый город Сан — Франциско предстал перед зрителями; одинокая подлодка, чудом уцелевшая, шла к последнему берегу.

Фильм так и назывался — «На последнем берегу».

Главную роль играл замечательный американский актер Грегори Пек. Вместе с режиссером картины он приехал в Москву на премьеру.

Фильм закончился, зрители покинули Дом кино, и я увидела в фойе одинокого, в полной растерянности Грегори Пека. Рядом с ним стоял молоденький переводчик и тоже не знал, что делать, чем занять гостя.

Я подошла к ним и предложила посмотреть вечернюю заснеженную Москву. Грегори Пек обрадовался. Он не успел познакомиться с Москвой, а утром ему нужно было улетать.

Мы тут же взяли машину и поехали по городу. Зима в тот год была снежной. И весь вечер, пока мы ездили, валил густой лохматый снег. Мы поехали к Манежу, посмотрели на яркие звезды Кремля, затем направились к университету, вышли на смотровую площадку. Открылась панорама столицы, залитой огнями: стадион в Лужниках, купола Новодевичьего монастыря…

Тишина, вечерние огни, маковки церквей, снежные хлопья — все это создавало какую-то необыкновенную картину. Я сама восхищалась Москвой вместе с Грегори Пеком, а он видел город впервые.

Грегори Пек оказался хорошим собеседником, вел себя просто, рассказывал о Голливуде, о своей жене: она у него художник — дизайнер, по — моему, если мне не изменяет память, по национальности полька.

Мы пригласили Грегори Пека в ресторан «Националь», устроили русский ужин. Когда ужин закончился, попросили принести бутылку водки. Официант ее запаковал, и мы сделали надпись по — английски: «До скорой встречи в Голливуде».

Прошло несколько месяцев, один из наших известных спортсменов позвонил мне:

— В Голливуде я встретился с Грегори Пеком. Он сказал, что знаком с русской актрисой Кларой Лучко, и просил передать привет. И еще он сказал, что с удовольствием вспоминает тот прекрасный вечер в снежной Москве.

Потом еще кто-то из наших был в Америке и тоже передал мне привет. Грегори Пек сказал, что у него на ранчо висит на стене ковбойская шляпа и на ней написано, что эта шляпа для Клары Лучко.

Прошло еще несколько лет, и я с группой кинематографистов полетела в Америку. Тогда такое путешествие было редкостью. Для нашей группы «Интурист» разработал особый маршрут. Из Америки мы должны были перебраться в Мексику. Но получилось так, что визы в Мексику нам долго не давали. Даже не знаю почему. Мы побывали в Вашингтоне, Чикаго, Сан — Франциско, Лос — Анджелесе, но мексиканские визы задерживались.

Американцы принимали нас тепло и сердечно. Мы многое посмотрели, но, конечно, всем нам очень хотелось побывать в Голливуде.

И вот мы в одном из павильонов «фабрики грез». Шла работа над картиной, в которой главную роль играла Ванесса Редгрейв. Снимали сцену в кафе. И так же, как у нас — это всех удивило, — снимали шесть дублей. То одно не получалось, то другое…

Нам-то казалось, что в Голливуде идеальный порядок, а оказалось, и у них всякое бывает. Кино есть кино.

Я вспомнила, как снималась у Александра Петровича Довженко и он мне тогда рассказал, что в Голливуде есть особый человек на съемке. Он всегда выполнит любую просьбу. У нас же что ни попросишь — ничего нету. И никто ничего не принесет. Оказывается, и в Америке студия есть студия. Что-нибудь да не ладится.

Но что нам понравилось, так это вагончик у каждой ведущей актрисы. Этот вагончик стоял в павильоне, и актриса всегда могла пойти туда и отдохнуть. Там был кондиционер. Там можно было выпить чашечку кофе. Актриса могла в уединении подумать о роли, о своей сцене. Ей никто не мешал…

Однажды я смотрела картину с участием Софи Лорен. Действие фильма происходило в африканской пустыне. Я подумала: какая отважная женщина, она снимается в пустыне. Ведь там ужасные условия.

А потом узнала, что и в пустыне стоял вагончик, и все там было — от кондиционера до душа. Никаких проблем. Да и репетировала сцену дублерша, а актриса смотрела из окна вагончика и играла только съемку. Софи Лорен тотчас после съемок возвращалась в вагончик. Зря я фантазировала насчет трудностей, все условия были для нее созданы.

Как-то я тоже снималась в пустыне (фильм назывался «Горячие тропы»), температура доходила до сорока градусов в тени. Негде было отдохнуть и отдышаться. Нам поставили

раскладушки в полуразвалившейся конюшне, и мы были счастливы, что хотя бы не дует обжигающий ветер, не сыплется песок, не скрипит на зубах. Я вспомнила вагончик, который видела в Голливуде, и спросила у директора, нет ли такого на студии. Позвонили в Ташкент, и там сказали, что да, есть какой-то один вагончик. Но он новый, его еще никто не опробовал. Привезли вагончик в пустыню, но оказалось, что там не хватает каких-то деталей, не горит свет, нет воды…

Голливуд на нас произвел странное впечатление. Когда мы произносим «Голливуд», то представляем, что это огромная студия, просторные павильоны, коридоры. Оказалось, что старое здание киностудии очень небольшое. В нем была копировальная фабрика. Там проявляли пленку, печатали материал, вели монтаж. После «Мосфильма» — нашей огромной студии — там было все небольших размеров. А вот новые здания — это действительно фабрика, центр киноиндустрии.

Мы побывали в Беверли — Хиллз, на площади звезд, в театре, где проходят премьеры фильмов.

Хозяева позаботились и о том, чтобы устроить встречу советских и американских кинематографистов. То было время, когда взаимный обмен был минимальным, встречи редкими.

Корреспонденты расспрашивали нас о том, что мы видели в Америке, понравился ли нам Голливуд.

— С кем из американских актеров вы лично знакомы? — спросили меня в киноакадемии, где у нас была встреча с кинематографистами.

— Я знакома с Грегори Пеком.

Рядом стояли наши актеры, и кто-то даже хихикнул: ну да ладно, откуда ты его знаешь…

Тут появился Грегори Пек в окружении известных актеров и режиссеров. Началась встреча. Ему сказали, что среди русских есть актриса, которая говорит, что знает его. Действительно ли он с ней знаком?

— Да — да, конечно, я ее знаю. Это Клара Лучко.

Он подошел ко мне, мы тепло поздоровались, и тогда мои попутчики стали подталкивать меня:

— Представь нас…

— Вы же не верили, что я его знаю.

А Грегори Пек вспомнил тот заснеженный вечер в Москве. Он помнил его до деталей, даже пошутил, что долго берег бутылку водки, да не выдержал. Когда мы с ним познакомились, я носила гладкую прическу. На мне была накидка из горностая, длинные серьги. А в Америку я приехала блондинкой с длинными вьющимися волосами, ну такая стандартная, я бы сказала,

прическа.

— Я часто вспоминал ту встречу, — сказал Грегори Пек, — и даже перечитал Достоевского. Мне показалось, что вы похожи на героинь Достоевского, а сейчас вы совершенно другая. Тогда вы были похожи на русских классических героинь.

Позднее, подумав над тем, что он сказал, я мысленно с ним согласилась. Как часто мы гонимся за модой. Хочется одеваться в духе времени, носить модную прическу, а оказывается, можно потерять индивидуальность. Актер должен это чувствовать и понимать…

В Лос — Анджелесе мы постоянно задавались вопросом: будут визы в Мексику или нет? А визы дали сразу же после встречи с кинематографистами Америки.

Утром мне позвонил Грегори Пек. Я сказала, что мы получили визы и наутро улетаем в Мексику. Он сожалел, потому что хотел пригласить меня к себе домой, познакомить со своей семьей…

Так я не побывала на ранчо и не получила в подарок от Грегори Пека ковбойскую шляпу.

Мы распрощались с Лос — Анджелесом и полетели в Мехико. Вышли из самолета, увидели грязный аэропорт: всюду валялись бутылки, бумажки. Вошли в таможенный зал, заполнили декларации.

— Москва? — спросил таможенник и тут же поинтересовался: — Водка есть?

Увы, водки у нас не было. Ее выпили в Америке.

Чиновник утратил к нам интерес.

Гиды тоже были разочарованы тем, что у нас нет водки. Все, кто до нас приезжал и кого они сопровождали, привозили водку.

Нас разместили в гостинице, сказали, что поедем в Акапулько автобусом и увидим страну.

Мехико нас поразил. Пирамиды Луны и Солнца, исторический музей, знаменитый календарь ацтеков, галерея Сикейроса, музыканты — марьячис в расшитых серебром галунах на площади Гарибальди, коррида с ее неистовым «о — ле» — все это было необычным. Но это была страна поразительной роскоши и унизительной нищеты. Было две Мексики: одна очень богатая — огромные города, необычная архитектура, роскошные виллы. Создавалось впечатление, что это декорация, а внутри нее бродят не жители этого города, а люди из массовки. Нищие, голодные дети, плохо одетые женщины…

И тут же карнавал. Прекрасно, ярко и роскошно одетые сеньоры, нарядные красавицы женщины. Мексика хранит себя, свое национальное достоинство, бережет свою историю. Это —

священно.

На память о далекой и необычной стране я привезла домой огромное сомбреро. Я не получила от Грегори Пека ковбойскую шляпу. Зато у меня есть сомбреро.

Оно и сегодня висит у меня в доме — как память о той поездке на другую сторону планеты.

«Виновата ли я…»

Так называется фильм, в котором я сыграла главную роль, и, более того, я одна из соавторов сценария. Такое случилось со мной впервые в жизни.

Расскажу все по порядку. История рождения этого фильма необычна сама по себе. Сюжет я нашла в дороге, и опять мне помог случай.

Подумать только, сколько же я в жизни исколесила дорог! На поездах и попутных машинах, на роскошных лимузинах и дребезжащих «газиках», на аэросанях и оленях, на теплоходах и самолетах, на крейсерских авиалайнерах и двукрылых кукурузниках.

О самолетах я уже рассказала, у меня с ними сложные отношения. Из-за этих сложностей в последние годы я предпочитаю самолетам поезда. Даже в Ташкент и Алма — Ату на съемки я добиралась по железной дороге — чуть ли не по трое суток.

Меня любят проводницы. Если есть хотя бы малейшая возможность, обязательно устроят в отдельном купе, всю дорогу проявляют нежную заботу. Это — мои зрители и мои добрые друзья.

Итак, сажусь я в поезд дальнего следования и еду в Измаил. Еду не в первый раз. Там, в Измаиле, шли съемки фильма «Игра в смерть, или Посторонний».

Вхожу в вагон, а проводница говорит:

— Клара Степановна, извините, но на этот раз столько пассажиров, что нет для вас отдельного купе. Вы уж извините.

Ну что поделаешь — на нет и суда нет.

Соседкой моей по купе оказалась молодая женщина. Миловидная, голубоглазая, волосы у нее вьются. В чистеньком синем платье с белым воротничком, как у школьницы.

Проводница принесла чай. Соседка моя смущается, впервые едет с актрисой. Разговор как-то поначалу не клеился. Но дорога есть дорога. До Измаила путь неблизкий.

Поначалу она мне рассказывала про свою жизнь. Вроде как отчет держала. В жизни у нее, мол, все хорошо. Ну, хорошо так хорошо. Слава Богу, если все так.

У меня обостренное восприятие. И я чувствую, когда мне говорят неправду. Я сразу поняла, что моя попутчица что-то сочиняет на ходу и говорит совсем не то, о чем думает. И удивляюсь — ведь мы с ней никогда больше не встретимся, я ее ни о чем не расспрашиваю, так зачем же что-то выдумывать про

себя, чего, наверное, не было на самом деле.

И она почувствовала, как я ее воспринимаю. Посмотрела на меня и говорит:

— Клара Степановна, вы так меня хорошо слушаете, я вам за это благодарна. Но извините меня, я вам должна признаться, что я все это придумала…

Она замолчала и вдруг выплеснула:

— Я — алкоголичка. Да, алкоголичка… И от этого рушится вся моя жизнь, все рушится. Я пыталась лечиться, но это тяжелая болезнь. Вот я еду к родственникам, они мне написали, что в их городе есть знаменитый врач, который может вылечить от алкоголизма, сказали, что он может зашить какуюто «торпеду».

Я попыталась всячески успокоить спутницу, не хотела лишать ее даже слабой надежды…

И она, видимо, проникшись ко мне доверием, рассказала про свою жизнь как на исповеди.

Меня эта история потрясла…

Моя попутчица была хорошим рассказчиком. У нее есть чувство юмора, а это великая вещь.

Рассказала о своих детях. Дочка не выдержала и ушла к отцу, бывшему мужу. Рассказала и о том, как ее обворовали собутыльники. А ведь когда-то она была мастером спорта по гандболу, но ушла из команды. Была тренером, но оттуда ее «ушли», и она начала пить. И опускалась все ниже и ниже…

И вдруг встретился ей на пути бомж, бывший речной капитан. Когда он ее увидел, сказал: «Ты — королева». Он полюбил ее. Сам он не ахти какой герой, но полюбил по — настоящему. Он оказался добрым, хорошим человеком и так к ней относился, что она поняла: нашла свою любовь.

У него был сын. И ради сына, ради любви он «завязал» и страстно желал, чтобы и она бросила пить. Она пыталась лечиться. Пыталась…

Всегда кто-то находился рядом и предлагал:

— Ну ладно, давай выпьем, только по одной… За детей… За детей ты же можешь… Одну, только одну, и больше не пей.

И человек, так тяжело, так мучительно сдерживающий себя, ломается от жесткого напора. Только одну рюмку — и всё. И уже, как говорят, развязал. И пошло — поехало!

Вот так было и с ней. Она приближалась к последней черте — если не вылечится, потеряет любимого. Это свое нежданное счастье. Эту последнюю надежду. Младшая дочь от нее тоже уйдет. И останется она одна — одинешенька.

Она рассказала мне все. Как это с ней происходит. Как это случилось в тот роковой первый раз.

— Клара Степановна, — вдруг сказала она, — а ведь вы мне однажды помогли.

— Как это? — удивилась я.

— Когда я чувствую, что приближается запой, я начинаю скупать водку, вино и прятать повсюду. У меня на стене, рядом с кушеткой, висит ковер, за ковром — ниша. В эту нишу я закладываю бутылки. А потом, когда начинается запой, я сама туда залезаю и там пью… по — черному… Ничего не ем. А когда все это кончается, я оттуда выползаю, как из пещеры.

И вот я вылезла и вижу — сидит моя дочь, смотрит телевизор, и на глазах у нее слезы. А показывали ваш фильм «Тетя Маруся».

— Мама, — говорит дочь, — какие счастливые эти дети у тети Маруси, они каждый день едят суп.

И мне стало стыдно. Я вскочила, побежала на кухню, чтобы что-нибудь приготовить. А дома, кроме хлеба, ничего нет. Меня как по голове ударило: я решила, что должна лечиться. И пошла в ЛТП…

Она рассказала мне, как там было, в этом ЛТП. Это и грустно, и смешно, и страшно.

Вот такая история. Такая встреча в пути.

Когда я приехала в Измаил, я бросилась к нашей сценаристке Зинаиде Чирковой. Она — жена режиссера Николая Гибу. Это мой друг. Он меня приглашал в каждую свою картину. Если, бывало, в картине нет женской роли, он из мужской роли делал женскую, лишь бы я согласилась.

— Зина, я под таким впечатлением, я в поезде услышала такую исповедь!

И стала, захлебываясь, рассказывать обо всем, что услышала от попутчицы. С деталями, со случаями из ее жизни. Трагическими, грустными, смешными, нелепыми. Все это уже жило во мне. Я как бы проигрывала сцену за сценой.

Наверное, Зина меня поняла, ей передалось мое волнение.

— Это будет интересный сценарий, — сказала она. — Давай вместе напишем.

— Сценарий… Я же не писатель, я читатель.

— А ты вот так же проигрывай каждую сцену, я буду записывать, буду тебе читать, будем спорить, исправлять.

Днем я снималась, а вечером мы закрывались с Зиной в номере гостиницы и работали. День за днем. Больше месяца. Когда съемки закончились, литературный сценарий был готов.

Я приехала в Москву с твердым желанием найти деньги на картину. Делать я этого не умею. А Зина, которая живет в Кишиневе, тем более.

Случайно в Доме кино встречаю знакомого актера. Обычные вопросы: «Что нового? Как живешь? Где снимаешься?»

— У меня есть сценарий, — говорю я. — Очень нужный и интересный — о необычной женской судьбе. А денег нет.

— А это что, мелодрама?

— Да.

— Слушай, пойдем со мной. Если это мелодрама, может, что и получится. Женщина, к которой я иду, из Армении, потом уехала в Америку, получила там гражданство, а сейчас приехала сюда. У нее какой-то бизнес, но, если это мелодрама, она ей понравится. Ей, кстати, очень нравится «Цыган». Она может дать деньги. У нее они есть…

Так все и устроилось. Она прочитала сценарий и согласилась.

А чуть позже в Волгограде я встретилась на концерте с Волонтиром и подумала: почему его не пригласить в картину, чтобы он сыграл роль капитана, который бросил пить и пытается спасти любимую женщину?

Михай с радостью согласился.

Из Москвы в Бельцы послали сценарий, и вскоре пришла телеграмма: «Когда и куда приезжать?»

Картину мы назвали «Виновата ли я…». Снимали ее в Измаиле. Это родной город режиссера Николая Гибу, его каждый горожанин знает, и к тому же там снимать дешевле, а это важно, так как денег дали немного.

Я думала о том, как сыграть главную роль. Но… Самым трудным было решить — как пить в кадре. Как вообще играть алкоголичку?

Помню, мне позвонил директор группы:

— Клара Степановна, мы составляем смету. Сколько нам заложить в смету бутылок? Что будете пить: вино или там… коньяк? Это же деньги…

— Да вы что, смеетесь… Пьяного человека должен играть трезвый актер, иначе ничего не получится…

— Но все-таки сколько бутылок?

Конечно, в смету записали и вино, и коньяк. Я, разумеется, не пила, но зато после каждой съемки кое-кто из группы с удовольствием прикладывался. За съемку, за то, что день прошел… А я пила чай, который заменял вино, а вместо водки — просто воду.

Есть в фильме такая сцена. Я работаю кассиршей в магазине и вдруг вижу своего прежнего мужа. Конечно, расстроилась и ушла в подсобку, там нашла чекушку и выпила ее залпом.

Перед съемкой попросила:

— Пожалуйста, добавьте сок лимонный или еще что-то, пусть

хоть какой-то вкус будет. Выпить стакан воды трудно.

— Да, да, обязательно, — успокоили меня.

И вот я вхожу в подсобку, хватаю чекушку, открываю и залпом ее опорожняю. Боже, я начала пить, а вода оказалась теплой. Они, видимо, только вскипятили ее, она еще даже не остыла. Было что-то теплое, пресное, отвратительное. Я пила, а внутри все содрогалось. Будто и в самом деле водку выпила.

Только один раз я выпила вино, да и то потому, что оператор уговорил. Объяснил, что вино должно играть в стакане. Это, по его мнению, большое значение имело в кадре. Борюсь сама с собой: то придвигаю к себе стакан, то отодвигаю. Мне пришлось выпить два стакана — два дубля было.

В заключительной сцене фильма я иду с Волонтиром. Мы с ним ссоримся, переругиваемся, я пьяная, шатаюсь. Сцена снималась в небольшом скверике перед церковью. Там по ходу сценария он вырывает у меня блюдо, бросает на землю — и оно вдребезги, только осколки разлетелись.

Начали мы репетировать сцену. Ждали приезда камеры. И со стороны не видно было, что кино снимают. Мы репетировали, кричали друг на друга. Ну как положено. Искали, как бы получше все сделать, — ведь это финал.

Дождались камеру, сняли сцену… А на следующий день приглашают режиссера в мэрию.

— Слушайте, вы же наш земляк. Мы этого от вас не ожидали. Что там у вас вытворяла Лучко? Она же народная артистка. Нам звонили жители. Они к Лучко так хорошо относились, а тут вдруг она напилась, устроила дебош, кричала. Да еще у храма. Там же люди… Нехорошо. Так можно и авторитет потерять. Вы с ней поговорите…

— Да вы что, — рассмеялся Николай Гибу. — Мы же снимаем картину. Она в жизни-то никогда не пьет.

На съемках случалось много забавных историй. Вот я работаю в кафе, а повариха там тоже пьющая.

— Сбегай, — говорит она, — напротив в магазин, там пиво и вино привезли. Продавщица — моя знакомая, скажи, что я ей говядину оставлю, а она пусть вина даст.

Я отправляюсь через дорогу, а там перед магазином толпа. Я пробираюсь сквозь толпу и продавщице говорю, что я от поварихи, тебе, мол, говядина будет, а ты дай-ка мне вина, да побыстрее…

Массовка шумит. С каждым заранее беседовали, объясняли, что я буду продираться сквозь толпу, что не надо меня толкать и бить, а, наоборот, дать возможность пробраться к прилавку. Режиссер в мегафон кричит, дает команды…

И наконец: «Мотор!»

Я начинаю пробираться через толпу, меня кто-то толкает, я локтями работаю, прорываюсь… Хватаюсь за прилавок обеими руками, чтобы удержаться там, и вдруг… Кто-то сзади, что есть силы, за волосы, оттаскивает меня назад.

Я, конечно, не растерялась и как дам локтем, хотела еще раз поддать, как и полагается в такой ситуации, и вдруг вижу перед собой сильно подвыпившего мужичка. Он тоже на меня смотрит, глаза моргают, видно, никак не может понять, что же тут происходит.

Оказывается, он ничего про съемки не знал, ему надо было опохмелиться. Он влез в очередь и, заметив, что я толпу расталкиваю, разозлился…

Конечно, мужичка привели в чувство, растолковали, кто я, что вот я такая артистка, что снимаюсь в фильме, да еще и играла в «Цыгане». Он чуть не плакал, стал просить у меня прощения, едва в ноги не упал…

В предпоследней сцене в парке, когда мой муж просит меня не пить, говорит, что ради детей своих, ради него должна я бросить пить, — опускаюсь на колени, плачу, целую ему руки, говорю, что я сама не могу бросить пить, помоги, помоги мне.

— Тебе никто не поможет. Я бросил, и ты должна бросить.

И в этот момент в церкви зазвонил колокол. Я невольно повернулась и говорю: «А кто же мне поможет, кто?» И побежала прямо в церковь. Это была импровизация. Этого в сценарии не было. Мне помог колокол, он призвал меня…

Когда закончили съемку, режиссер говорит:

— Очень хорошо получилось.

— Понимаешь, Коля, я сейчас подумала, что это может стать финалом картины. Звучит музыка. Хорошо бы дать панораму — небо, купола и крест…

— Посмотрим, — сказал он.

После съемок я вернулась в Москву, но уже через неделю звонок со студии:

— Это Коля Гибу. Посмотрели материал, и я понял, что обязательно должна быть сцена в церкви.

— О, это сложно. Что я могу в церкви говорить?

— Не знаю. Подумай сама.

Я стала думать. В церкви громко разговаривать не полагается, да и какие слова я буду говорить? Как же это будет? Так я ничего и не придумала.

Снимали мы вечером, в одном из кишиневских храмов. Я попросила оператора, чтобы он взял камеру на плечо и фиксировал каждое мое движение. Куда я, туда и он, чтобы

было… смятение, метания, экспрессия.

Режиссер сказал, что я могу быть свободной в своих действиях, но чтобы в конце я обязательно стала на колени перед образами и опустила голову. Тогда, говорит, пойдут титры на фоне свечей.

Я дождалась, когда прозвучит команда «Мотор!», повернулась и увидела икону Николая Угодника. А Николай Угодник — это мой святой. Я ему молюсь всегда, я верю ему и знаю, что он мне всегда приходит на помощь. Еще со студенческих лет.

Когда я училась во ВГИКе, то каждый семестр кого-то из студентов отчисляли — вплоть до третьего курса. Вначале у нас был большой курс, но постепенно он таял. До третьего дошло человек двенадцать. Мы все, помню, дрожали, и кто-то предложил: пойдем в церковь, поставим свечку, может быть, это поможет.

И вот я с подругами пришла в церковь. Ляля Шагалова из нас была самая смелая, подошла к женщине, которая продавала свечи, и спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, какому святому надо помолиться и поставить свечи, чтоб нас не отчислили из института?

— Вот поставьте Николаю Угоднику. Он чудотворец, он вам поможет.

Мы купили свечки, поставили, помолились, и нас не отчислили. Потом я всегда ему молилась и очень верила ему…

И вот я увидела образ Николая Угодника. Я так молилась, я так просила, чтобы помог мне сыграть эту сцену, и когда послышалась команда «Мотор!» — я побежала. Я вдруг начала говорить: «Господи, помоги мне… Помоги мне, Господи!» Вроде бы одни и те же слова, но разные состояния, интонации… Объяснить, как все это было, я не могу. Помню только, что остановилась, склонила голову и произнесла:

— Прости меня, Господи.

И всё. Стоп.

Второй дубль уже не снимали. Я не знаю, как об этом сказать… Но что-то было сильнее меня. И это видно на экране. Я и сейчас вот думаю: как же это я так сыграла… Вроде и сыграть так нельзя. Может быть, из-за того, что я так молилась. Все было на одном дыхании, как порыв ветра. Это самая сильная сцена в картине.

В одном из маленьких храмов Москвы я как-то беседовала со священником. Я спросила его, как мне дальше жить, и он ответил:

— Живи, дочка, по заповедям, и самое главное, чтобы тебе, когда проснешься утром, не было стыдно за то, что ты сделала накануне. Старайся жить по справедливости, делай добро людям,

научись прощать.

Эти простые слова запали мне в душу. Я стараюсь так жить. Не всегда это получается, но я запомнила ту беседу. И прежде, нежели что-то сделать, я думаю: а что бы Он сказал… Должна ли я так поступить? Правильно ли это?

Конечно, как каждый человек, я делаю немало глупостей. Но, может быть, я сделала бы больше ошибок, если бы не те слова. Они — в моей душе.

Сохранить внутри себя добро, надежду, покой, гармонию очень трудно. Но мы должны, иначе уходит доброжелательность, духовность, а это страшно. Человек так устроен, что всегда надеется на лучшее. Даже если что-то происходит плохое.

Я всегда старалась помочь тем, кто оказывался в трудном положении. Сколько себя помню, всегда была ходатаем по житейским делам: кому-то нужно было выбить квартиру, кого-то уложить в больницу. Кстати, меня дважды избирали депутатом Моссовета, и я была председателем постоянной комиссии по культуре. Признаюсь, я довольна тем, что мне удалось ускорить строительство столичных объектов культуры. Однажды этот вопрос был главным в повестке дня сессии Моссовета. На сессию пригласили много гостей, и заседание проходило в Колонном зале Дома Союзов. Я вышла на трибуну и сказала:

— Дорогие товарищи зрители!

Зал решил, что артистка ошиблась и загудел.

— Нет, я не ошиблась, — сказала я. — Вы знаете, что нам, артистам, часто приходится выступать в различных аудиториях и начинать с этого традиционного приветствия. Иной раз, когда приглашают на деловое совещание — это с артистами тоже случается, — идешь и думаешь, как бы не сказать этих слов. Но сегодня я специально обращаюсь к вам с этим традиционным приветствием. Потому что я уверена: нет среди вас человека, товарищи депутаты, который не любил бы кино, театр, цирк, кто не испытывал бы радостного, трепетного волнения от сопричастности к искусству, к судьбе героев, к проблемам жизни, представленной на высший суд, суд зрителя, — то, ради чего творит истинный художник.

Я хорошо подготовилась к выступлению, мне помогала большая группа депутатов, проводила дотошные проверки. В ту пору в Москве строились новые здания МХАТа, музыкального училища имени Гнесиных, цирк на проспекте Вернадского, книгохранилище Всесоюзной государственной библиотеки, кольцо крупных кинотеатров. Но темпы строительства отставали от намеченных планов, то и дело урезали финансирование. Я стояла на трибуне и говорила так запальчиво и горячо, что зал

затих. Я то и дело отрывалась от заранее написанного мною текста, называла пофамильно чиновников союзных и московских ведомств, подвергла острой критике и председателя исполкома Моссовета Промыслова, что не случалось на сессиях. Я даже подумала, не очень ли резко я выступаю, но тут же отогнала сомнение прочь.

Обычно сессии проходили тихо, размеренно, все документы были заранее подготовлены аппаратом, а тут такое случилось… Нечто вроде обвала.

Сразу же после сессии мой домашний телефон раскалился от звонков. То и дело к высотке подъезжали фельдъегери с красными пакетами, на которых стояли сургучные печати. Чиновники словно забыли, что надо было направлять ответы о принятых мерах в аппарат постоянной комиссии. Они словно бы договорились посылать документы ко мне. Потом я поняла, в чем дело: не только в моем страстном выступлении, но и в том, что кто-то доложил в ЦК партии о сессии — и была дана команда срочно рассмотреть весь комплекс строительства объектов культуры.

Этот случай еще раз подтвердил мое правило — быть честной перед совестью и людьми. Я и вправду не из робкого десятка, и люди знают, что я всегда стремилась оставаться на здравой позиции, никогда не была флюгером. Помню, и меня пригласили в телепередачу «Времена». А вскоре после этого я очутилась за «круглым столом» в кресле у президента — обсуждался вопрос о беспризорниках. Не знаю, понравилась моя позиция ведущему передачи и президенту, но после телесюжетов об этих заседаниях я получила множество писем с благодарностью «за защиту здравого смысла и справедливости».

Долгие годы я была председателем правления Международного культурного центра «Слава», который активно поддерживал детские творческие коллективы, занимался историко — культурными и просветительскими программами. Я рада, что встречала поддержку моих общественных забот у многих людей — депутатов Государственной думы, руководителей московской мэрии, бизнесменов. Я благодарна им.

Я встречала добрых и сердечных людей, к которым всегда можно обратиться за советом, за поддержкой интересных инициатив. Хочу назвать Валерия Исааковича Грайфера, крупнейшего ученого, лауреата Ленинской премии, генерального директора компании «РИТЭК», председателя Совета директоров «Лукойла», и Игоря Александровича Найвальта, руководителя Балтийской строительной компании. Его заботами было обеспечено возрождение многих храмов в Москве, в том числе и

храма Живоначальной Троицы, второго по величине после храма Христа Спасителя. Золотые купола, голубые звонницы и часовни, белокаменные стены храма, — это чудо у Борисовских прудов. Храм был заложен в 1988 году, в память тысячелетия крещения Руси, а освящен Его Святейшеством Патриархом Московским и всея Руси Алексием в мае 2004 года. Я счастлива, что как член Попечительского Совета была на этом великом торжестве.

Картину «Виновата ли я…» мы сняли быстро. Для меня это была одна из самых интересных работ — совершенно новая роль, то, что я никогда не играла прежде.

Меня в ту пору многие знакомые спрашивали: что ты сейчас делаешь?

— Снимаюсь, играю алкоголичку.

— Да ладно, это же не твоя роль. Ты — алкоголичка? Что-то не верится.

— Но тем не менее — играю.

Увы, судьба картины оказалась драматичной. Хозяйка картины долго не хотела никому ее продавать: ни для телевидения, ни для проката.

— Они меня надуют, — говорила она. — Вот если бы сразу заплатили все деньги, тогда я продам. А по частям, авансы и так далее — я в это не верю…

Время шло, а зритель фактически не видел меня в этой роли.

Меня пригласили на женский кинофестиваль в Набережных Челнах. Там показывали нашу картину, и я получила премию за лучшую женскую роль. Помню, как в огромном, битком набитом зале я сидела среди зрителей. Когда фильм закончился, в зале была тишина. Я думаю: Боже мой, неужели не понравилось? Никто не аплодирует…

А потом зал встал и стоя меня приветствовал. И я вынуждена была подняться на сцену и поклониться. Я увидела, что даже мужчины плакали…

Так случилось, что нас с Волонтиром пригласили на концерты в Днепропетровск. Одно отделение — он, другое — я. Мы решили придумать эффектную концовку и в финале концерта выступить вдвоем. Тем более что из Днепропетровска мы должны были приехать в Москву и выступать в Колонном зале.

Михай сказал, что у него есть фонограмма колыбельной песни на молдавском языке. И он посвятит ее мне. В зале приглушат свет, он зажжет свечу, и мы, держа ее в руках, выйдем на авансцену.

Получился трогательный финал, и мы решили это повторить в Колонном зале.

Но в Москве мы внесли в наш номер коррективы. Показали

зрителям фрагмент картины «Виновата ли я…», после которого я вышла на сцену, рассказала о фильме и собралась уходить, а тут ведущая обращается ко мне:

— Клара Степановна, мы приготовили для вас сюрприз. Сейчас вы увидите знакомого…

Я поворачиваюсь — стоит Волонтир. И мы так же, как в финале «Цыгана», сходимся, молча стоим некоторое время. Звучит до боли знакомая музыка — финал из «Цыгана».

Михай зажигает свечу и поет колыбельную.

Это был концертный номер. Но зритель-то подумал, что мы действительно случайно встретились на сцене Колонного зала.

После первой трансляции на ОРТ пришли сотни писем с просьбой обязательно повторить этот концерт. И его повторили…

А весной 2001 года мне позвонил из Кишинева мой друг режиссер Николай Гибу.

— Михаю Волонтиру плохо. Нужно лечение, может быть, даже потребуется операция. Но денег нет. Ты же знаешь, какое положение в Молдавии, а тем более в городе Бельцы, где Михай живет. Поэтому я и звоню тебе с надеждой, что только ты можешь что-либо придумать и спасти Михая.

С Михаем мы снялись в нескольких фильмах. И в многосерийную картину «Цыган» я порекомендовала его на роль Будулая. Я считала своим долгом помочь ему. Но как это сделать? Где достать деньги?

Судьба, я давно поняла это, часто нам предоставляет выход из трудного положения, дает возможность исполнить задуманное. На следующий день после тревожного известия о Волонтире мне вдруг позвонили из телепередачи «Моя семья»:

— Мы вновь приглашаем вас в передачу…

Признаюсь честно, это был не первый звонок. Но я обычно отнекивалась, придумывала различные причины, потому что не нравилась мне передача. И вдруг меня осенила неожиданная мысль: поскольку мы с Михаем снимались вместе в нескольких фильмах, почему бы не сделать сюжет на тему «Служебный роман» и заодно не обратиться к зрителям с просьбой о помощи? Поэтому я, к удивлению телевизионщиков, с радостью откликнулась на их предложение.

Перед телепередачей я волновалась. Ведь Волонтир, а вернее, его герой Будулай — любимый герой миллионов зрителей, кумир женщин. Мне не хотелось представлять его немощным и больным, но нужно было в то же время и попросить денег на его лечение. Я сказала, что мы все хотим, чтобы Будулай вернулся к нам здоровым и крепким.

Неожиданно бизнесмен, присутствовавший на передаче,

поднялся и сказал, что он обязательно поможет и призывает других последовать его примеру. Аудитория была взволнована и горячо ему аплодировала…

На следующий день он позвонил мне и, условившись о встрече, принес деньги. Мы решили, что надо открыть специальный счет в банке, а редакция еженедельника «Аргументы и факты» пошла навстречу и напечатала об этом информацию. На мое обращение откликнулись тысячи людей не только в России. Стали приходить денежные переводы из Америки, Австралии, Канады, Германии… Оказалось, что у моего нового знакомого — бизнесмена, который первый откликнулся на беду, есть «Русская община», которая возродила православный храм. И потому деньги, пусть небольшие, внесли даже пенсионеры и школьники — а для нас каждый рубль был дорог.

Мы решили собрать всех, кто принял участие в сборе пожертвований, каждому вручить памятную грамоту и видеокассету «Возвращение Будулая».

Кое-кто у нас в России любит порассуждать о том, что народ стал злым, равнодушным, каждый думает только о себе. Это не так! Жизнь загоняет людей в угол, но они как были добрыми, так остались.

Восьмилетняя девочка Нелли принесла 150 рублей. «Где ты их взяла?» — спросили в общине. «А мне, — ответила она, — папа и мама давали на завтраки, и я скопила деньги. Хочу, чтобы дядя Будулай был здоровый».

Когда я вручала эти грамоты, я видела благодарные слезы в глазах людей. Просто никто и никогда к ним не обращался. Ведь доброта и стремление помочь тем, кто нуждается, всегда были отличительной чертой русского народа. У меня комок стоял в горле, только бы не заплакать самой… Каждый рубль этот — он золотой, потому что дарован сердцем.

В тот вечер я долго не могла уснуть — видела счастливые глаза людей, полные слез!

Прошло немного времени, и в Москву из Кишинева приехала дочь Михая Волонтира Стелла. Она должна была вместе с представителем посольства Молдовы получить в банке деньги. Потом в посольстве была пресс — конференция.

Постепенно Михай пошел на поправку. Он даже стал писать сценарий и сказал мне, что это будет последний фильм в его жизни. Он надеется, что я снимусь в этом фильме. Кто знает?..

У каждого актера есть роли, которые сопровождают его по жизни. В ранней молодости для меня это были «Кубанские казаки». Они и сейчас со мною. Но теперь, кого бы я ни играла, где бы ни выступала, все равно вспоминают Клавдию из «Цыгана».

Люди до сих пор благодарят меня за эту роль. За ту большую любовь, за чистоту чувств, за доброе материнство, за самопожертвование. То есть за такие прекрасные качества, которые должны быть присущи каждой женщине, каждой матери.

Годы проходят, но до сих пор случаются разные истории.

Сажусь в такси. Шофер говорит:

— Я тебя недавно по телеку видел. Какой-то отрывок показывали. И ты там пьешь. Профессионально!

Вот уже и рецензия. Не от критиков, а от народа.

В овощном магазине стою в очереди с собакой, держу поводок, чтобы Бони не приставал ни к кому, и вдруг входит мужчина: «Вы посмотрите, это же наша дорогая Клавдия!» Схватил мою руку, стал на колено и поцеловал ее. Очередь повернулась к нам, настала полная тишина, и вот в этой тишине стоял на коленях человек и благодарил меня.

Мне стало неловко, я подняла его, попросила больше никогда не делать этого.

Можно посмеяться, можно улыбнуться такому порыву. Мне ведь это все тоже вроде бы ни к чему. Тем более подобных историй не счесть.

Но что сказать? Скажу одно: я — счастливый человек.

Самая главная награда

Киноактер должен каждый раз держать экзамен и каждый раз доказывать, что именно он может сыграть эту роль. Не имеет значения, что ты снялся во многих фильмах, что ты народный или лауреат. Пожалуйста — на пробы.

Приходишь в группу, где мало кто знаком друг с другом, потому что группа собирается, как правило, на одну картину, и где режиссер — генерал. Он распоряжается всем, он это «видит», а это «не видит», он выбирает актера, он отвечает за все.

Ты можешь нервничать, накануне плохо спать, а утром тебе встретился какой-то отвратительный тип, который на тебя посмотрел ненавидящим глазом… Актер — очень тонкий и эмоциональный инструмент.

…Режиссер Юрий Чулюкин пригласил меня на пробу в картину о Карбышеве. Я обрадовалась, потому что сыграть жену легендарного генерала, как мне казалось, очень интересно.

Прислали сценарий. Я прочитала, но там была служебная роль — просто жена. И как я себя ни уговаривала, мне трудно было согласиться на то, что не взволнует ни меня, ни зрителя.

Я позвонила Чулюкину, извинилась и сказала, что старалась найти хоть какие-то живые краски, придумать ей судьбу, но не смогла.

— Клара Степановна, — ответил режиссер. — Я вас очень прошу… Приходите на пробы. Раз вы не будете играть, сделайте это для меня, потому что приезжает Папанов пробоваться на роль Карбышева. Я вас очень прошу.

С Папановым мы снимались в комедии «Дача». Он большой актер, добрейший, умный, трогательный человек.

Я согласилась выручить режиссера. Приехала. Но твердо знаю, что сниматься не буду, и потому никакого волнения не испытываю. Сделала грим, оделась и пришла в павильон. Ждем Папанова.

Приехал Папанов, поздоровался, сказал, что сейчас пойдет в гримерную. Мы поговорили с ним о том о сем, пошутили.

Прошел час, и он вернулся из гримерной совершенно другим. Какое-то вытянутое лицо, остановившиеся глаза. Видно, внутри у него что-то происходило, что-то клокотало, и он старался это все подавить, сделать вид, будто с ним всё в порядке.

Я спросила:

— Что с вами Анатолий Дмитриевич? Что-нибудь случилось?

— Нет, всё нормально… Давайте репетировать.

И мы стали репетировать. Я, конечно, старалась играть для

Папанова.

Началась съемка. А Папанов будто в прострации. Режиссер останавливает камеру:

— Понимаете, Анатолий Дмитриевич, здесь вы вот так сделайте, пожалуйста.

— Хорошо, — говорит Папанов.

Но как будто не слышит, что ему сказал режиссер.

Наконец с большими мучениями мы эту пробу сняли.

И что же оказалось, в чем была причина?

Папанов шел в гримерную в прекрасном настроении, но в коридоре его встретил знакомый актер:

— Ты куда?

— Буду пробоваться на Карбышева. Я уже один раз пробовался, а сейчас меня вызывают повторно. Очевидно, они хотят, чтобы я снимался. А сыграть Карбышева мне очень интересно.

— Странно, — говорит актер. — А мне сказали, что Бабочкин будет эту роль играть. Его пробовали позавчера. По — моему, они уже решили — будет играть Бабочкин.

— А чего же меня вызывали? — спрашивает Папанов.

— Не знаю, — отвечает актер. — Вроде уже все решено…

И пошел по коридору.

И вот с таким испорченным настроением Папанов сел гримироваться и пришел в павильон. Зачем его пробовать, если уже решили снимать другого?.. Зачем его вызвали? Что за неуважение? Режиссер знает, что снимать не будет, так зачем мучает, зачем дает надежду?

Папанов думал только о том, чтобы сдержаться, а не бросить все и уйти. Но как интеллигентный человек он этого сделать не мог. Вот сколько мучений стоила актеру одна только проба!

А в итоге в фильме ни Бабочкин, ни Папанов не снимались. Взяли неизвестного актера…

Я закончила съемки в картине «Ларец Марии Медичи», приехала из Ленинграда, поставила чемодан и думаю: «Так, кончается эта картина. А что дальше?..» Спрашиваю дома:

— Мне никто не звонил?

— Нет. Никто не звонил.

Значит, никаких предложений нет. Что я буду делать дальше — неизвестно.

Эта постоянная неуверенность, постоянное ожидание стоят нервов. Если не звонит телефон день — два — три, месяц, пять месяцев, актер сходит с ума. Ему кажется, что он сидит в одиночной камере, что все о нем забыли. Что он никому не нужен. Появляется болезненное отношение ко всему, что

происходит. Вот в таком подвешенном состоянии — все киноактеры.

И вдруг звонит телефон. Со студии имени Горького от Лиозновой.

С Татьяной Михайловной мы вместе учились у Герасимова — она в режиссерской группе, а я в актерской. Мы с ней довольно редко виделись. Никогда я у нее не снималась. Вообще, как-то так получалось, что режиссеры, учившиеся у Герасимова, почти никогда не приглашали своих однокурсников — актеров. Почему так получалось, я не знаю.

Но тут позвонили; как всегда в кино, времени нет, сказали, что завтра будет проба. Если я, конечно, согласна играть роль Нуйкиной в картине «Мы, нижеподписавшиеся». Эта острая пьеса уже прошла в трех московских театрах. Зрители ходили смотреть, как играет актер в одном театре, как ту же роль играют в другом театре. Спектакли имели большой успех.

— Но я же не читала сценарий.

— Ничего, вам дадут текст. Вы его у нас и прочитаете.

— Нет, — говорю я. — Так я не привыкла. Мне, пожалуйста, сегодня пришлите сценарий, и тогда я завтра смогу пробоваться.

Курьер привез мне сценарий. Думаю: прочитаю только свои сцены. Потому что мне еще надо выучить текст пробы. Но начала читать и поняла, что это острый социально — нравственный фильм, детектив, очень современный, характеры сложные. И я увлеклась и читала допоздна. Потом начала учить текст. Кто будет моим партнером, я не знала. А это сложно, если не представляешь партнера.

Тем не менее, выучила текст. Поспала часа три и утром поехала на студию. Повторяю текст и пытаюсь понять — какой мне придумать в этом маленьком отрывке характер, чтобы моя проба была оригинальной.

Стали меня гримировать, а мне как бы все равно. Спрашивают, какую вам прическу, я отвечаю: какую хотите. Во что одеть? Говорю: во что хотите…

Пришел партнер. Мы с ним раньше на площадке никогда не встречались, а были знакомы лишь заочно. Поздоровались.

— Ну как?

— Ночь не спала, волновалась.

Мне так хотелось сыграть эту роль! Готова все что угодно отдать за эту роль.

Нуйкина — бюрократ, но она интеллигент, муж у нее профессор. Она считает, что все, что она делает, правильно — это добрые дела. Словом, бюрократ, но классом уже повыше.

Но основное-то в ней остается: она выполняет только то, что

ей скажет начальник. Что бы она ни думала, но, раз получила приказ, должна его выполнять.

Мне очень хотелось играть роли характерные или комедийные. А меня всегда представляли героиней и считали, что я должна играть правильных женщин. Хотя, если честно, я старалась их никогда не играть. Мне удавалось создавать разные характеры. Ведь это самое главное, самое интересное в творчестве актера.

Татьяна Михайловна Лиознова, видимо, почувствовала мое состояние.

— Клара, ты не волнуйся. Вот как ты есть, как причесана, как одета, так и играй.

Пришли в павильон. Свет уже поставлен, мизансцена известна. Мы прорепетировали, и Татьяна Михайловна сказала:

— Можно снимать.

И мы сняли.

Она говорит:

— Ну, всё…

Я спрашиваю:

— Только один дубль?

— Да. Всё нормально. Давайте снимем крупный план.

Сняли.

— Ну всё, Кларочка. До свидания. Спасибо.

— До свидания.

И мне стало так грустно. Даже отчаяние какое-то… Я столько мучилась. Не спала ночь. А снималась — ну… двадцать минут. И всё.

Я вышла на улицу. Ничего не изменилось. Как солнце светило, так оно и светит. Люди куда-то торопятся по своим делам…

Я приехала домой и стала думать: зачем же я вот так играла? Надо было совсем по — иному сыграть. И последующие дни я все время проигрывала сцену про себя и находила ошибки.

Слава Богу, меня вскоре позвали на досъемки картины «Ларец Марии Медичи», и я уехала.

Так прошло три недели. Я думала, что, наверное, уже кого- то другого утвердили и снимают. Обычное в кино дело: раз ты не нужен, то никто тебе не позвонит. И даже не скажет: «Прости, был художественный совет, и утвердили, к сожалению, не тебя…»

Наконец раздался звонок ассистента режиссера:

— Клара Степановна, а вот если мы сделаем вас блондинкой, вы бы не возражали?

— А что, меня утвердили?

— Пока не утвердили. Просто мы спрашиваем…

Я разозлилась:

— Знаете что, когда меня утвердят, тогда будем решать, какого цвета у меня волосы.

И повесила трубку.

Недели через две сообщают:

— Клара Степановна, вас утвердили. Завтра Татьяна Михайловна собирает актеров для предварительного разговора…

Я так страдала, так мучилась, мне так было тяжело, и, когда наступил момент, ради которого я так страдала, я даже не обрадовалась. Я просто устала.

Но съемки были интереснейшими. Подобрался великолепный ансамбль: Олег Янковский, Юрий Яковлев, Леонид Куравлев, Ирина Муравьева.

Двухсерийный фильм «Мы, нижеподписавшиеся» вызвал огромный отклик — и в зрительской аудитории, и в прессе. Нас выдвинули на соискание Государственной премии СССР.

На заседании Комитета по госпремиям в защиту картины выступали крупнейшие деятели культуры, а Расул Гамзатов, старый и верный друг моего мужа, произнес взволнованную речь. Когда кончилось заседание, Чингиз Айтматов сказал ему:

— Расул, ты был самым принципиальным из нас.

На что Расул ответил:

— Принципиальность есть, а справедливости не хватает.

Премию нам так и не дали. Впоследствии выяснились детали. Оказывается, Леонид Ильич посмотрел — с большим опозданием — «Семнадцать мгновений весны», растрогался, сам позвонил Славе Тихонову, и тот стал Героем Социалистического Труда. А о Лиозновой в спешке чуть ли не позабыли, потом дали ей орден, а она обиделась, посмела выразить свое неудовольствие, сказав, что ей этот орден не нужен. Кто-то из чиновников Госкино раздул дело, и поступила команда: премию фильму «Мы, нижеподписавшиеся» не давать. Так что зря наш дорогой Расул Гамзатов произносил принципиальную речь.

Но я ко всему этому отнеслась спокойно. Я достигла главного — после трех московских премьер в лучших кинотеатрах не только зрители, но и критики единодушно высоко оценили мою работу. И это было для меня настоящей наградой.

Будет ли победитель?

Впервые я увидела телевизор, когда училась в институте и снималась в картине «Три встречи». Мне нужно было изучить азбуку Морзе и работать с ключом.

Позвонили радиолюбителям, попросили, чтобы они научили меня. Это была дружная компания молодых людей, которые собирались на Сретенке в небольшом полуподвальном помещении.

Там-то я и увидела расположенный довольно высоко от пола, на специальной подставке, ящик с маленьким мерцающим экраном. Звучала музыка Чайковского, показывали «Лебединое озеро», и малюсенькие балерины танцевали на сцене.

— Это что такое? — спросила я.

— Это телевизор. В Большом театре идет спектакль, а мы его смотрим.

— Такое все маленькое, — говорю я. — Неинтересно.

— Придет время, и экран будет больше…

Затем я увидела телевизор, когда жила в коммунальной квартире на улице Качалова. Одну из комнат занимала семья часового мастера. По вечерам, когда я поздно возвращалась домой, дверь их комнаты была приоткрыта. В комнате сидели соседи, поставив стулья рядком. Они смотрели передачи, и экран был больше. Это был телевизор «КВН» с линзой.

Как недавно и как бесконечно давно это было! Теперь уже трудно представить жизнь без телевизора, без разнообразия каналов, программ и передач. О роли телевидения, о его особой магии, о его влиянии на человека, добром и злом одновременно, можно рассуждать бесконечно. Экран цепко держит каждого из нас в объятиях, и это теперь уже навсегда.

Мне рассказывали, что в Италии предлагался большой приз тем заядлым зрителям, которые три месяца не будут смотреть телевизор. И женщина, выигравшая приз, сказала, что никогда больше она не будет участвовать в подобных конкурсах. Приз не стоит того, чтобы три месяца оставаться совершенно одинокой, не знать, куда себя деть. Как будто что-то от нее ушло, ушло из ее жизни, ушло из ее души. И это она пережила очень тяжело.

Всем, кто работает на телевидении, в том числе и актерам, которых часто приглашают на передачи, надо об этом помнить. Если приходишь на телевидение, должен помнить о зрителях. Что они получат от встречи с тобой, от твоей передачи?

Первый раз на телевидение я пришла как актриса, занятая в спектакле. В Театре киноактера главный режиссер Л. С. Рудник

поставил спектакль по Чехову — «Дуэль». В этом спектакле были заняты Дружников, Хвыля, я и Елена Кузьмина, жена режиссера Михаила Ромма. Она-то и попросила Ромма прийти на репетицию.

Спектакль Ромму понравился, и он предложил сделать вариант для телевидения.

В павильоне на Шаболовке построили несколько выгородок декораций. Действие идет непрерывное. Кончилась, допустим, сцена в доме, а дальше — в беседке. Возле беседки стоит человек, машет рукой, чтобы я видела, куда мне идти. Пока камера направлена на моего партнера, который еще остается в кадре, я быстро перебегаю в следующую декорацию…

Помню, мы репетировали несколько дней, и для нас самым важным было запомнить, после каких слов и куда мы переходим, кто остается на месте, на ком камера задерживается. Ведь ошибиться нельзя! Прямой эфир.

Представляете, сколько нервов стоила передача для всех нас — режиссера, операторов, помощников режиссера, осветителей, актеров. И еще было обидно, что сами мы ничего не видели. Ведь тогда не было видео, поэтому мы могли лишь просить близких, чтобы они сидели у экранов и после рассказали нам, как все это было.

Затем меня пригласили вместе с Юлией Борисовой на литературно — музыкальную передачу в Зале имени Чайковского. Мы читали стихи.

Когда читает Борисова, я знаю, что потом камера перейдет на меня, а в голове только одно: не забыть текст. Я не имею права ошибиться.

Тогда еще не было никаких телесуфлеров, никакой подстраховки, а все передачи шли напрямую. От этого возникало страшное волнение. Но его надо было скрыть. Стихи должны идти плавно, настроение мы должны передавать зрителям. А внутри у меня — страх.

И эту передачу я запомнила, потому что она мне стоила многих сил.

Потом были «Голубые огоньки» и «Кинопанорамы», интервью и даже монологи. В каких только передачах я не участвовала: «Весьма важные персоны» и «Детектор», «Семья» и «Герой дня» и т. д. Но никогда я не была автором и ведущей телепередачи.

Как-то к нам домой приехал Владилен Арсеньев. Раньше он работал вместе с моим мужем в «Известиях», а потом перешел в Останкино. Он предложил мне вести на ОРТ передачу «Фильмы нашей памяти». Мне надо было за десять — двенадцать минут представить картину, побеседовать с актером или режиссером,

которые имели отношение к созданию фильма. Словом, мне давали карт — бланш, но с одним условием: зрителю должно быть интересно.

Я думала: как же мне построить передачу? Чужой текст я говорить не хочу, никогда не выступала по написанному кем-то. Как человек ответственный, я нервничала, и меня стали одолевать сомнения — смогу ли быть автором и ведущей новой телевизионной рубрики? Не интервьюером, а собеседником.

Расчет Владилена Арсеньева, как я поняла, был точным. Зрители уже тогда начали уставать от бесконечных «мыльных опер» и крутых заокеанских боевиков. Все явственнее проступала ностальгия по старым фильмам, которые, как правило, были нравственными и добрыми.

Я решила в первой передаче представить фильм «Приходите завтра» с Катей Савиновой в главной роли.

Как-то по телевидению, уже в который раз, показывали фильм «Кубанские казаки». Я смотрела на экран и видела, как я, Даша Шелест, вместе с девчатами своего звена еду на ярмарку, едем мы очень радостные и поем песню «Каким ты был, таким остался…». И вдруг я вспомнила, я все вспомнила! Мне даже показалось, что я встретилась глазами на экране со своей подружкой Любочкой, которую играла Катя Савинова. Мы дружили с ней не только в кино, но и в жизни. И вот такой, какой она была тогда, — в жизни она уже никогда не будет. Веселая, задорная, смешливая, с ямочками на щеках. Она тогда не знала, какой сложный и драматический жизненный путь ей придется пройти.

Катя ехала поступать во ВГИК из далекого сибирского села. Приехала на станцию на телеге, запряженной двумя лошадьми. Она первый раз в жизни тогда увидела поезд. Он ей показался страшным и зловещим. Напоминал чудовище, которое скрежещет и пыхтит, выпуская пар. Какое же надо было иметь желание стать великой актрисой — а в том, что она ею станет, она была уверена, — чтобы, преодолев страх, вступить в неизвестную для нее жизнь.

Катя поступила на курс Ольги Ивановны Пыжовой и Бориса Владимировича Бибикова, замечательных педагогов, и потрясла всю комиссию, когда читала стихи, басни, отрывки из прозы, танцевала и пела. Голос у нее был замечательный. Он был необычайно широкого диапазона: от сопрано до контральто. Конечно, ее приняли. Она получила степендию, жила в общежитии, ходила в одном и том же стареньком черном платье и в несуразном пальто. Мы с ней познакомились на пробах в картину «Кубанские казаки». Перед пробой режиссер Иван

Александрович Пырьев сказал мне, что я буду сниматься в картине, а я смотрела на Катю и думала: «Хорошо бы, чтоб ее тоже утвердили».

Когда Александр Петрович Довженко сообщил мне, что я утверждена на роль, то добавил:

— И беленькую девочку с ямочками утвердили.

На следующий день я поехала во ВГИК. Я знала, что Катя репетирует в дипломном спектакле серьезную возрастную роль и целый день пропадает там. Завидев ее еще издалека в коридоре института, я закричала: «Катя, нас утвердили!» Мы обнялись и очень долго смеялись, а потом вдруг притихли. Наверное, поняв, что у нас начнется новая жизнь. А может быть, это было какое-то предчувствие.

В экспедиции на Кубани мы жили в одной гостинице, в одном номере. Номер был очень маленький и походил на купе поезда. Катя меня все время поражала. Она никогда не видела арбузов, никогда их не ела и попробовала только на съемке. Когда мы ели арбузы, она выгрызала корку до самого основания, а когда увидела, что на моем куске остается немного мякоти, вдруг заплакала: «Ну как ты можешь?! Ведь есть люди, которые никогда не видели и никогда не ели это чудо!» Потом она призналась мне, что никогда до Москвы не видела ни ванны, ни гибкого душа, ни телефона. Живя в Москве, она набирала номер 100 и, как только раздавался гудок, говорила: «Скажите, пожалуйста, который час?» — своих часов у нее не было — услышав ответ, вежливо благодарила. Была страшно удивлена, узнав, что отвечает автоматическая запись, а не живой человек. Она много молилась, ей очень хотелось, чтобы о ней сделали фильм, где она в черном платье, в мальчишеских ботинках на босу ногу, с фибровым чемоданом, перевязанным веревкой, приезжает в Москву поступать в Консерваторию и учится жить в большом городе.

Мы с Катей работали в Театре киноактера, и вот однажды по разнарядке театр получил трехкомнатную квартиру. В этой квартире одну комнату дали Кате и ее мужу Жене Ташкову, другую мне с моей семьей, третью еще одному актеру. И вот через несколько лет ее мечта о фильме сбылась. Женя Ташков снял картину «Приходите завтра». Катя очень ценила свой голос и копила деньги, чтобы платить за частные уроки пения. И даже уговорила меня, и я ходила с ней на эти уроки, хотя знала, что у меня нет никаких особых музыкальных талантов. В кино у нее ролей было мало, а те роли, которые ей предлагали, были неинтересными. В театре тоже как-то не складывалось. А Катя была необыкновенно одаренный человек. Могла играть Достоевского, Гоголя, Шекспира. Она могла играть комедию,

трагедию, эксцентрику, клоунаду — все что угодно.

Я никогда не забуду один случай. По телевидению шла передача о нашем театре. Пригласили наших актрис. Тогда все передачи шли в прямом эфире, без предварительной записи. И вот каждая из актрис по очереди рассказывает, что она играет в театре, где снимается, а когда дошло до Кати, она бодро сказала: «Я живу хорошо и скоро буду сниматься в новом фильме. — Потом ее губы задрожали и глаза наполнились слезами. — Нет… Я больше не могу… Я больше не могу так жить», — проговорила она, закрыла лицо руками и заплакала. Это был первый нервный срыв. Вскоре после этого она решила поступить в Гнесинское музыкальное училище и серьезно заняться пением. Она надеялась, что, может быть, как певице ей повезет больше. Почти в то же время Женя Ташков приступил к съемкам картины «Приходите завтра». Картина снималась очень долго. Катя болела. Но когда картина вышла на экраны, то имела большой успех. Она действительно стала главной картиной ее жизни. Эту картину и сейчас часто показывают по телевидению, и те зрители, которые раньше Катю не знали, пишут письма и спрашивают: что это за превосходная актриса? Что она делает сейчас и возможно ли, чтобы без специального образования молодая актриса так замечательно пела?

Потом она родила сына, Андрея. Сейчас это известный и популярный артист театра и кино Андрей Ташков. Прошло время, и Катю пригласил сниматься режиссер К. Воинов в свою картину «Женитьба Бальзаминова», предложив ей роль Матрены — кухарки. Она блестяще ее сыграла. Хотя слово «сыграла» Кате не подходит. Она ничего не играла, она жила в этом образе — образе тупой и примитивной Матрены.

Как-то она позвонила мне и сказала: «Внутренний голос мне говорит, чтобы я попросила у тебя прощения, если я что- нибудь плохое тебе сделала». Я засмеялась: «Катя, ну что ты мне можешь сделать плохого?! Ведь ты даже мухи не обидишь». Она действительно помогала всем, чем могла. Вообще ей было не знакомо чувство зависти, суетности. Она жила в своем, придуманном ею мире. Через некоторое время она снова позвонила мне и сказала, что едет в Сибирь к своей сестре: очень соскучилась, — и что внутренний голос сказал ей, чтобы она попрощалась со мной и чтобы я простила ее. Голос ее звучал хрипло и тревожно. Это был последний наш разговор.

У сестры она была веселая, вспомнила свое детство. Но в то же время куда-то уходила из дома. Потом уже люди говорили, что видели ее на станции — она встречала московский поезд.

В тот роковой день Катя вымыла пол, прибралась в квартире

сестры, надела свое самое нарядное платье и ушла на станцию. Завиделся поезд. Поезд, который когда-то, когда она увидела его в первый раз, показался ей страшным чудовищем. Она спокойно пошла по рельсам навстречу этому поезду и… исчезла навсегда.

И вот теперь, когда я думаю о Кате, я говорю себе: «Ну что же мы за люди?! Мы проходим мимо талантливых актеров, дарование которых не умещается в привычные рамки, говоря при этом, что актеры — это штучный товар. Катя могла бы сыграть множество ролей, у нее был редкий голос, но она была никому не нужна».

Вот почему свою первую передачу «Фильмы нашей памяти» я посвятила Кате.

После записи передачи я уехала в Екатеринбург на концерты. На перроне меня встречал администратор. Когда на привокзальной площади я открыла дверцу такси, на меня взглянул шофер и сказал: «А я вот смотрю вашу передачу». У него в машине был маленький телевизор, и я увидела на экране смеющуюся Катю. «Какая же она талантливая, и какая трагическая судьба», — сказал шофер тихо, и голос его дрогнул.

Вести телевизионную передачу трудно. Я не просто ведущая, которая берет интервью у актера. Я — актриса, как и те, кто приходит в студию. И потому нужно не интервью, а беседа для зрителей, чтобы они присоединились к нам. Я прихожу в их дом, и мы все сидим, говорим о том, что нас интересует, а я только направляю эту беседу. Это очень важный метод, и зритель принял его. Почта была колоссальная.

Мы проводили киновикторины. Я делала анонс следующей передачи, показывала два кадра и спрашивала у зрителей: что это за фильм, кто занят из актеров, какой режиссер картину снимал?..

Я храню письмо одной женщины:

«Эти передачи для нашей семьи очень важны. Боимся их пропустить. А для викторины я беру альбомы киноактеров, которые храню много лет, и вместе с детьми разбираю фотографии. Вспоминаю любимых актеров, любимые картины… “Когда вышла на экраны эта картина, ты как раз пошла в школу, — говорю я дочери, — а вот эту картину мы смотрели с отцом на юге, когда отдыхали в Сочи”…»

Мне присылали с любовью сделанные альбомы, подробные рассказы не только о фильмах, но и о жизненных случаях, связанных с кино.

Потом я спросила зрителей, какой из старых фильмов они хотели бы посмотреть. И на меня вновь обрушился шквал писем. Зрители не только называли фильмы, но и сообщали, когда они

вышли, на какой студии снимались, кто был режиссером, какие актеры играли… Я была поражена тем, как любят кино, как много у него верных, настоящих друзей.

Однажды я представила картину с участием замечательного белорусского актера Владимира Гостюхина. Впервые он снялся у Ларисы Шепитько в фильме «Восхождение». Он так замечательно сыграл, что сразу же вошел в первую десятку популярных артистов. И его стали часто приглашать на съемки. Я приурочила передачу к его дню рождения. Пригласила для беседы Олега Анофриева, который снимался с Гостюхиным прежде, а в заключение обратилась к герою передачи:

— Если вы нас смотрите, то мы очень рады поздравить вас с днем рождения…

Спустя несколько месяцев в Ленинграде отмечали столетие кинематографа. Из Москвы приехала большая делегация. Вечером мы все собрались ужинать в ресторане. И вдруг ко мне подходит Гостюхин:

— Клара, я хочу вас поблагодарить за передачу.

Оказывается, в то время он лежал в больнице и его позвали товарищи по палате:

— Быстрей, быстрей иди к телевизору. О тебе передача!

Он прибежал, а в это время с экрана прозвучало поздравление.

— Я чуть не заплакал. Больница, тяжелая болезнь. Я ожил, я почувствовал себя нужным…

Казалось бы, такая малость, но она стала бальзамом для актера. Вот что такое телевидение!

Передачу «Фильмы нашей памяти» я вела года два. У нее был высокий рейтинг. Стоила передача недорого, потому что съемочным павильоном была моя квартира.

Помню, пригласила на передачу Евгения Семеновича Матвеева. Он вошел в квартиру и ахнул:

— Да у тебя тут просто павильон…

Стояли приборы, две камеры, восемь человек группы — операторы, осветители, звукооператоры. Действительно, это был павильон. В такой день мой пес Бони уезжал с мужем на работу и возвращались они вечером. Мы боялись, что его лай будет мешать съемкам.

Директор высотного дома однажды решил навести порядок в холлах этажей. Каждый хозяин квартиры вносил положенную сумму денег, и тут же приходили мастера, чистили и скоблили покрытый многолетней грязью паркет и потом покрывали его лаком. Но однажды я вышла на нашу лестничную площадку и увидела мастеров. Почему же с меня никто не взял денег? Тут

открылась дверь, и моя добрая соседка Регина сказала:

— Директор распорядился, чтобы на нашем этаже срочно навели блеск. Он сказал, что к вам очень часто приходят телевизионщики и, не дай Бог, кто-то снимет грязный, затоптанный пол.

И действительно, у меня в квартире снимали сюжеты новостные и мемуарные, праздничные и горестные. Меня любят телестудии, и я иду навстречу их просьбам. Но никогда не снимаюсь в рекламе, хотя предлагали большие деньги. Решила однажды и никогда не изменяла этому правилу.

Чуть ли не каждый день меня куда-то зовут. Приглашения самые разные.

— Здравствуйте, Клара Степановна! Меня зовут Аня. Я работаю в фирме, которая торгует лучшей в мире кухонной посудой.

— Здравствуйте, Аня, но, по — моему, вы не по адресу…

— Нет, я не предлагаю вам скороварки.

— Почему же… — загадочно говорю я. — Хорошая кастрюля мне, пожалуй, не помешает…

— Вот — вот, я и предлагаю…

— Но покупка у меня только на примете.

— Ничего покупать не надо. Мы пришлем за вами машину, и вы посетите наш торговый зал.

Конечно, мне нужна скороварка, неплохо бы заменить давно подгоревшие сковороды на тефлоновые, но я тут же представляю, как на экране телевизора появляюсь я собственной персоной и с восторгом объясняю:

— Наша сковорода — это райское наслаждение!

Или говорю:

— Пожарил — и порядок.

Нет, до этого я не дошла. С грустью смотрю на экран, и в ту же секунду появляется знакомое лицо всенародно любимого артиста, моего большого друга. Он бьет ладонью по бокам какого-то сверкающего аппарата и произносит:

— Обалденный пылесос…

Я смеюсь и говорю в трубку:

— Значит, так, Аня. Я прихожу к вам в торговый зал, беру скороварку и говорю: «Обалденная скороварка…» Так, что ли?

…Но, несмотря на рейтинг передачи «Фильмы нашей памяти», на тысячи писем, мне сказали однажды, что у ОРТ денег нет. Может быть, потом появятся. Но денег так и не нашлось — ни завтра, ни послезавтра.

Потом я работала на студии «Прометей», на канале АСТ, вела передачу «Кумиры кино».

Это получасовая передача. Она построена по другому принципу. Я приглашала актеров, которых я знаю, которых люблю, с которыми меня многое связывает. Я рассказывала об актерах, которые ушли из жизни, но остались в памяти миллионов. Я дружила с ними, снималась с ними в картинах. Я считала это очень важным. И эти передачи смотрели и любили зрители.

Более сорока передач сделала я о любимых народом актерах. Когда беседуешь с ними, то вспоминаешь и совместную работу, и репетиции, и съемки… И проходит целая жизнь, которая прошла в кино и у меня, и у моих товарищей.

И сейчас есть хорошие фильмы, есть талантливые молодые актеры. Но, увы, назвать их кумирами, конечно, трудно. И это их не вина, а беда. Сейчас нет широкого проката. Ну, по телевизору иногда покажут картину… Но она пройдет один раз. Актер как бы теряется в тысяче других, которых демонстрируют на телеэкранах с утра до ночи. Да еще мексиканские, бразильские, американские фильмы. Зритель не успевает запомнить актера. Судьба актера не становится как бы судьбой самого зрителя. Потому что и зрители изменились, страна изменилась, да и отношения между людьми стали иными.

Молодые талантливые актеры участвуют в международных фестивалях, получают награды и премии. Картины с их участием смотрят на специальных просмотрах, на фестивалях. Смотрит узкий круг, но не вся страна. И поэтому, может, фамилия и запоминается, но нет той широкой всенародной любви, которая была и есть у нас, актеров старшего поколения. Один из актеров сказал мне:

— Я успел еще вскочить в последний вагон уходящего поезда: проката, популярности, любви зрителей.

Дай Бог, чтобы все изменилось. Они еще молоды, попадут в новый поезд, который будет мчаться по жизни, и завоюют сердца зрителей. Я хочу, чтобы это было так.

Я часто вспоминаю тот кинематограф, героев которого я любила с детства. Потом — послевоенный кинематограф, в котором я начала сниматься. Думаю о кино сегодняшнем и кино двадцать первого века.

На меня произвел огромное впечатление американский фильм «Ромео и Джульетта». Его показывали на Международном кинофестивале в Москве. В кино пришла новая, совершенная аппаратура, по — другому снимается сама картина. Появились компьютерная графика и новая звуковая система. Я не специалист по технике. Но все это очень впечатляет, очень эффектно…

Звук вызывает эмоциональный взрыв. Он помогает

восприятию картины. Обволакивает тебя, весь зал. Ты сидишь перед экраном и вместе с артистами танцуешь и поешь. Это вокруг тебя, не на экране. Все это делает звук. И потрясающий монтаж. Но жалко, что игра актеров, какая-то сложная сцена порой теряются среди спецэффектов. И люди идут в кинотеатры на зрелище. Конечно, там есть и история, и людские судьбы, и какие- то жизненные коллизии. Но главное — эффектность.

И я думаю: неужели тот кинематограф, в котором ты смеешься и плачешь, любишь или ненавидишь, спокойный или взрывной, наполненный внутренним трагизмом или психологическими нюансами, неужели он уходит? И на смену ему идет нечто другое? Неужели останется только театр, а кинематограф будет совершенно другой?

Еще не так давно с развитием телевидения предрекали гибель газет. Но они выдержали и живут. Теперь рассуждают о новой угрозе — Интернете. Кто знает…

О кинематографе ведь тоже было немало толков, как ему совладать с телевидением. Но все уже ясно — они действуют вместе, и неизвестно, есть ли побежденные и победители в этом споре.

Конечно, кинематограф, чтобы не отстать от времени, должен овладеть новой технологией. Но сохранит ли кино свою живую душу, свое истинное предназначение в двадцать первом веке?

Мне хотелось бы в это верить.

Дом на набережной

Театр киноактера выделил нам комнату в коммунальной квартире на Песчаной. Нам обещали, что скоро будет расселение и все получат отдельное жилье.

Видимо, разговоров было так много, что однажды мне приснился сон, будто я получаю квартиру в каком-то сказочном доме. Все комнаты обставлены мебелью, и мне говорят: выбирай квартиру. В этой ты хочешь жить или в этой?..

Домашние надо мной посмеялись, а я собралась поехать к портнихе примерить новое платье.

Жила портниха на Пятницкой улице. Во время примерки к ней пришла женщина. Она рассказала, что получила ордер на квартиру в высотном доме, в нем более тридцати этажей и стоит он на берегу Москвы — реки.

Я слушала и думала: ведь я же видела сон, что я тоже получаю квартиру в каком-то сказочном доме.

Я решила поехать и посмотреть, похож ли этот дом на тот, который я видела во сне.

— Какой адрес этого дома? — спросила я у женщины.

— Котельническая набережная.

Я вышла от портнихи, взяла такси и как бы автоматически назвала адрес. Мы подъехали на Котельническую набережную, и я увидела «сказочный дом».

То ли сон был вещий, то ли судьба мне улыбнулась, но квартиру в этом доме я получила.

Это была первая и единственная квартира в моей жизни.

Наш высотный дом всегда был в центре внимания. Когда осудили культ личности, пресса писала, что в «высотке» живут лишь чиновники да какие-то особые генералы. Как бы люди недостойные.

Дом огромный. Это целый город. Наверное, жили в нем и такие люди, о которых писали. Но те, кого я знаю, с кем близко знакома, — люди уважаемые: Михаил Жаров, главный режиссер Театра имени Маяковского Николай Охлопков, выдающийся актер Художественного театра Павел Массальский, солист Большого театра Александр Огнивцев. Были и композиторы — Никита Богословский, Анатолий Новиков, Вано Мурадели, Борис Мокроусов. И жили знаменитые писатели — Александр Твардовский, Константин Паустовский, Михаил Пришвин. В нашем доме поселились Марина Ладынина, Лидия Смирнова…

В прежние годы сохранялась память о тех, кто ушел. На доме открывались памятные доски. Но это было давно…

У центрального подъезда стоят скамейки. Сидят бабушки, рядом коляски, играют дети. Проходят молодые люди, и мало кто знает, что на скамейке актриса, когда-то ее называли «Серебряный голос России». И другая — легендарная укротительница тигров…

Какое страшное слово — одиночество. Позади огромная жизнь: успех, поклонники… И вот одиночество. Каждый раз, когда я проходила мимо, у меня сжималось сердце. Ведь никто из нас не знает, что его ждет… Но каждый раз я думала: что бы со мной ни случилось — я никогда не буду сидеть на скамейке.

Однако одиночество в нас самих, где бы мы ни были и что бы ни делали.

Изредка я видела на скамейке Михаила Ивановича Жарова. Он был тяжело болен, подолгу лежал в клинике и когда выходил из больницы, то уезжал на дачу. Но иногда я видела его — похудевшего, постаревшего.

Я присаживалась рядом. Он интересовался, что нового в кино, где я снимаюсь, мы вспоминали, как вместе играли в «Красных листьях». Он и в жизни оставался простым, добрым человеком, сохранившим до последнего дня чувство юмора.

Потом его не стало. Прощание с Михаилом Ивановичем Жаровым было в Малом театре. Там собрался весь актерский цвет Москвы. А когда мы вышли из театра после панихиды, то оказалось, что вся площадь заполнена народом. Люди стояли в скорбном молчании и ждали, пока вынесут гроб, чтобы попрощаться с любимым актером.

Часто сидела на скамейке перед домом и Фаина Георгиевна Раневская. Она была одинока. К ней приехала сестра из Парижа, они не виделись много — много лет. И сестра была страшно удивлена: как же так, у Раневской нет своего дома, нет дачи, нет машины. Она думала, что приедет к богатой сестре, знаменитой на всю страну, а у Фаины Георгиевны была небольшая двухкомнатная квартира. Они оказались чужими, не понимали друг друга, и Фаина Георгиевна под любым предлогом уходила из дома.

Бывало, увидев кого-нибудь из актеров, она сразу встанет со скамейки, подойдет и возьмет под руку:

— Я вам расскажу случай, который был со мной в жизни.

Или:

— Я сейчас вспоминала свою роль в старом спектакле. Оказывается, я совершенно неправильно ее играла. Если бы я играла теперь, то играла бы по — другому.

Раневская, о которой ходили легенды, страдала от одиночества.

Она была остроумной, просто так ничего не говорила. Рассказывали, что в годы войны, когда эвакуировали театр в Среднюю Азию, она вышла на перрон и громко произнесла:

— Да, это очень средняя Азия…

Эту крылатую фразу помнили многие годы. Яркая, талантливая, единственная и неповторимая Фаина Георгиевна!

Как-то пожаловалась мне, что у нее больная печень, а она боится врачей и не знает, к кому обратиться. У меня был знакомый профессор, знаменитый медик. Я с ним договорилась и повезла к нему в клинику Фаину Георгиевну.

— Кларочка, — спрашивает она, — как вы думаете, ничего, что я надела черное белье? Это не будет смущать вашего профессора? Для меня мучение, когда меня осматривает врач — мужчина.

Все у нее было не так, как у всех, все было по — своему, все было оригинально. Выдающаяся актриса… В театре ей поклонялись, публика ее обожала, многие мечтали с ней подружиться, но в жизни она была одна — одинешенька. Она сидела на скамейке у высотного дома и ждала кого-нибудь, чтобы просто поговорить…

В нашем доме жил Владимир Канделаки, обаятельный и веселый человек. Как-то он предложил нам поехать отдыхать в Прибалтику. А там как назло на две недели зарядил дождь. Каждое утро Канделаки выходил на балкон дома отдыха и говорил:

— Наконец-то погода проясняется…

Но дождь продолжался. Отдыхающие купались под дождем, гуляли под дождем и под дождем уехали. Потом, часто встречаясь возле дома, я говорила:

— Володя, настало время поехать в Прибалтику. Наконец- то погода проясняется…

Мы смеялись, вспоминая те далекие дни…

Когда в дом вселялся новый жилец, весть об этом расходилась мгновенно по всем корпусам. По большей части квартиры в высотке получали те, кто много сделал для культуры. Они писали книги, сочиняли музыку или готовились к новым ролям в более подходящих условиях, чем прежде.

В нашем доме поселились Галина Сергеевна Уланова, Людмила Георгиевна Зыкина, Роман Кармен, Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко. Зимними вечерами Евтушенко любил кататься на коньках, и тогда во дворе заливали каток. Когда к мужу приезжали в гости сибиряки, корреспонденты «Известий», Евтушенко приходил к нам. Он любил грузинское вино и однажды, зная, что у нас есть только крепкие напитки,

побежал домой и вернулся с корзинкой бутылок «Киндзмараули». Помню, как он сказал: «В будущих энциклопедиях напишут, что Евтушенко в молодости баловался стихами, но главное — это его романы».

В нашем подъезде жила и легендарная Наталия Ильинична Сац. Она создала уникальный Детский музыкальный театр в Москве, добилась у Косыгина золота для птицы на шпиле. Театр был известен во всем мире. Она всегда была полна планов, вечно о чем-то хлопотала — но только для театра. Если я приезжала поздно и встречала ее у подъезда, мы входили в лифт, доезжали до моего этажа, она выходила, продолжая разговор, потом после некоторых уговоров заходила в гости, и нужно было еще два — три часа, чтобы обсудить все новости.

Восьмидесятилетие Наталии Ильиничны праздновала вся Москва. Мы с мужем получили приглашение и даже немного волновались за нее. В зале Детского музыкального театра собрались самые известные режиссеры, актеры, драматурги, критики.

Дали занавес, зазвучала музыка.

Из самого дальнего угла кулис появилась женщина в длинном, открытом зеленом платье. Зал замер. Кто это? И когда она медленно вышла на авансцену и остановилась — все встали. Это была Наталья Ильинична. Помолодевшая, величественная и красивая!

А на следующий год в день рождения Наталии Ильиничны мы ужинали в ее квартире. За столом она сказала:

— Не думайте о цифрах, если поменять единицу и восьмерку местами, мне 18…

Она прожила большую и яркую жизнь, в которой были не только успех, но и трагические годы. Ничто не сломило ее духа, ее молодого азарта. И еще: она была внимательной к тем, кто ее окружал.

Недавно, разбирая бумаги, я нашла красочную открытку, датированную августом 1985 года. Тогда в моей судьбе произошло важное событие — мне присвоили звание народной артистки СССР. Наталия Ильинична лежала в Центральной клинической больнице.

«С днем рождения народной артистки СССР поздравляет ее находящаяся на вылечивании тоже одна из народных СССР.

Кларочка, дорогая, любимая, талантливая, красивая! Как я рада награде, которую Вы заслужили по праву подлинной народности, простоте и чистоте в общении со всеми, кому удается общаться с Вами. «Клара — хороший парень», — сказал один из почитаемых мною искусствоведов и человековедов тоже, он же —

Дмитрий Федорович.

Горжусь, что вы всегда «поблизости», в той же «избушке», что и я, наша дорогая звездочка, удивительная Вы! Увидишь мельком у входа в парадное (мы обе не ходим, а бегаем) — и словно лучик в сердце.

Нат. Сац».

Время шло, кто-то уходил из жизни, приезжали новые жильцы. Маленькие дети вырастали, у них появлялись дети, а затем и внуки. И наступило время, когда люди, ранее очень известные, стали жить скудно. Плата квартирная высока, пенсии маленькие. Стали продавать квартиры новым русским или переезжать на дачу, чтобы свою квартиру сдать в аренду. Состав жильцов дома поменялся.

Подкатывает к дому шикарная иномарка, из «мерседеса» выходит маленький плотный человек, его окружают четыре телохранителя и провожают до дверей квартиры. Спускаются, а там уже стоит кавалькада машин и крепкие ребята сопровождают других жильцов… Стенки в купленных квартирах выбиваются, нередко и несущие, но, тем не менее, разрешения исправно получаются. Кто-то выносит мешки со штукатуркой, кто-то загружает новые материалы. Просыпаешься утром от стука отбойных молотков, визга электродрелей. Это новые жильцы перепланируют квартиры. Их не устраивает расположение комнат. Они всё переделывают. У нас в доме идет постоянный евроремонт.

У меня в квартире, как всегда неожиданно, краны, трубы в ванной пришли в негодность. Я вызывала сантехника. И так получилось, что почти всегда приходил один и тот же очень симпатичный, веселый парень. Когда он кончал работу, я платила ему и наливала рюмочку водки.

И вот как-то вечером, это было в разгар «перестройки», я возвращаюсь усталая после концерта домой и встречаю возле дома сантехника.

Он отозвал меня в сторону и говорит:

— Я, как честный человек, хочу вам сказать заранее, что если так дело пойдет дальше с этой перестройкой, то мы, наверное, придем в этот дом и заставим жильцов поделиться с нами их богатством. И я вас предупреждаю, что приду к вам.

Я просто остолбенела.

— Как же так? Я всегда тебе хорошо платила, угощала водкой. Ты знаешь, сколько я работаю, а ты вот и сейчас болтаешься, ничего не делаешь. И тебе не стыдно?

А он в ответ:

— Но ведь я никого другого в этом доме не знаю!

Посоветуйте, к кому пойти.

И вот вновь пришла мода писать о доме, снимать телерепортажи, показывать нашу «высотку» чуть ли не как памятник тоталитаризму. Ко мне часто наведываются репортеры, но меня они щадят — я актриса, и к тому же телеведущая. Заканчивается интервью, и я говорю:

— Ребята, пройдемте со мной. Я познакомлю вас с удивительным человеком. Он живет этажом ниже.

Это Сергей Павлович, член — корреспондент Российской Академии наук, лауреат Ленинской и Государственных премий. Фамилия у него особая — Непобедимый.

Это скромный, интеллигентный человек, у него живые глаза, теплая улыбка. Ему за семьдесят, но он продолжает работать.

Сергей Павлович как-то встречает меня:

— Вы видели репортаж о выставке вооружения в Абу — Даби?

— Конечно.

— Там мои изделия признаны лучшими, а я их сделал пятнадцать лет назад.

Сергей Павлович был «рассекречен» недавно, и сразу его объявили в России «человеком года». К его слову и совету прислушиваются все, кто имеет дело с новыми технологиями. Он же — Непобедимый. Такая у него русская фамилия.

После интервью с телевизионщиками Сергей Павлович выходит из дома, садится в троллейбус и едет по каким-то важным делам. У него нет телохранителей, хотя он еще не обо всем может рассказать. Еще многие страницы его удивительной жизни будут раскрыты позже.

Ведь он — создатель военных комплексов, которые обогнали время.

Вот такие люди живут в нашем высотном доме на Котельнической набережной, история жильцов которого — история моей страны.

Возвращение на Круазетт

Воспоминания о прекрасном греют душу. И порой так хочется вернуться в те страны и города, с которыми связаны самые яркие впечатления молодости, побродить по улицам, вспомнить былое.

Ведь это было так давно…. Минули не годы — десятилетия, но все, что было со мной тогда, я и сегодня помню до мельчайших подробностей.

И вот мне выпал счастливый случай — вновь побывать в Каннах и Венеции, в тех фестивальных городах, которые когда-то поразили мое воображение.

Я была членом жюри телевизионного фестиваля «Бархатный сезон». Мы прилетели на самолете в Пальма — дель — Мальорку, погрузились на белоснежный теплоход и отправились путешествовать по Средиземноморью. Во время этого путешествия и проходил фестиваль.

Одна из первых остановок — Ницца. Оттуда на автобусах мы поехали в Канны. У нас было всего несколько часов. Мы доехали до набережной Круазетт, и я вышла из автобуса.

— Я останусь здесь, — сказала я, — а вы на обратном пути заедете за мной.

И вот я на набережной Круазетт! На той самой набережной, с которой связано столько ярких воспоминаний. Я не была здесь много — много лет, так судьбе было угодно. Я объехала чуть ли не полмира, но мне ни разу не довелось вновь побывать в Каннах…

Стояла осень… Неласковый ветер гнал сухие листья по набережной, неспокойным было и море. Мне стало так одиноко и грустно…

Зябко. Тишина. Только ветер…

А мне вспомнилась «битва цветов». И еще вспомнилось, как через год после Канн я поехала в Хельсинки. Ко мне подошел финский режиссер и сказал: «Я вас помню на «битве цветов». Вы бросили букетик, а я его поймал. И на память о Каннах засушил»…

Такое щемящее чувство охватило меня, что я чуть не заплакала. Мне было грустно оттого, что вот так проходит жизнь. И ничто из минувшего повториться не может.

Но тут же я вступила в спор сама с собой. Почему я должна грустить, ведь это же все было. Было… Это я все прожила.

Я, в первый раз попавшая на Каннский фестиваль, помню каждую мельчайшую подробность. Я помню состояние счастья, молодости, успеха. Так почему же я должна грустить?

Я вновь, спустя годы, на набережной в Каннах, я вспоминаю те прекрасные дни.

Завтра наш теплоход пойдет дальше, в Венецию. И я опять буду вспоминать. Ведь это тоже город счастливых дней моей молодости.

Вновь порыв ветра — и сухие листья закружились у моих ног, возвращая меня к действительности. Я посмотрела на сиротливо стоящий, опустевший Дворец фестивалей, прошла мимо гостиницы «Карлтон», заглянула в окно ресторана, увидела головы каких-то мужчин, сидящих за столом нашей делегации. Представила себе, что вот сейчас в окне увижу мсье Пьера, нашего официанта, и улыбнулась. Вновь порыв ветра подхватил меня, и я пошла навстречу своим воспоминаниям.

Кто-то из мудрых сказал: у человека можно отобрать имущество, но память остается с человеком до последнего шага, это его пожизненная собственность.

Вот такие смешанные чувства пережила я, оказавшись в Каннах. Радость встречи с былым и грусть от сознания, что все это скрыто дымкой времени.

Впереди была Венеция… Я снова увижу Дворец дожей, площадь Святого Марка. И я вспомнила, как вышла на привокзальную площадь, меня встретили журналисты с фотокамерами. Я вдруг увидела на площади огромное количество голубей и пошла к ним, кто-то мне дал пакетик с кормом. Я только собралась бросить его голубям, как они вспорхнули. Только хлопанье крыльев, только облако голубей… Я даже немножко испугалась, подняла руки, как-то так получилось, что я будто оттолкнулась от земли, и получился экспрессивный снимок. Я как бы стремлюсь в небо, а надо мной облако из голубей. Эта фотография на следующий день висела почти во всех витринах Венеции.

Многое вспомнила я в Венеции после долгих лет разлуки с этим необыкновенным, сказочным городом. Вспомнила — и опять загрустила. Как и в Каннах, на набережной Круазетт.

Потом, вернувшись домой, я сказала себе: не надо грустить. Тебе удалось еще раз пройти по дороге воспоминаний Канн и Венеции. Разве это не подарок судьбы?

Жизнь непредсказуема. Только надо понять, как ты жила. Как ты живешь и как намерена жить…

И вообще, надо быть благодарным судьбе. Надо верить… Надо жить…

Если объективно посмотреть на мою жизнь, то можно сказать, что она была интересной и в итоге все же благополучной. Я думаю, что счастье актера прежде всего в работе, в творчестве.

Это любовь и признание зрителей, их верность, их доброта и благодарность. Я ощущаю это всегда. Мне часто кажется, что я в долгу у зрителей, они ждут от меня большего, чем я сделала.

И еще я считаю, что обязательно надо работать. Актер совершенствуется только в работе, в поиске. Даже неудача бывает полезна. Иной раз поражение помогает твердо встать на ноги.

Вот почему, когда у меня спрашивают: как ты живешь? — я отвечаю: прекрасно. И заставляю себя думать о хорошем. Где- то я прочитала, что в Индии люди при встрече беседуют о цветах, о хорошей погоде, о ясном небе, о своих чувствах… А мы, встречаясь, говорим друг другу: ой, как все плохо… Кто-то болеет, там украли, там взорвали, — словом, взваливаем все несчастья — и свои, и чужие — друг на друга.

Конечно, жизнь в России трудная, унизительная, нервная. Я не могу без слез смотреть телесюжеты о беспризорниках, о нищете и обездоленности людей. Мне до боли обидно, что Страну унизили и разграбили, великую и мощную Державу. Я, преданная профессии, не могу не печалиться о том, что произошло в отечественном кино. Я знаю молодых талантливых актеров и режиссеров. Их много — настоящих талантов. Они отмечены престижными премиями, осыпаны наградами международных фестивалей. Но иные из них признаются, что завидуют нам, актерам старшего поколения, которые работали в годы, когда появление хорошего фильма было общенародным праздником, а киногерои становились предметом обожания и примером поведения для миллионов.

Жизнь актрисы сложна: редко бываем дома. То в экспедиции, то на встречах со зрителями, то на концертах. Всегда в движении, всегда в потоке дел. Честно говоря, занимаясь будничными, как и у всякого человека, делами, через месяц — другой я вдруг начинаю ощущать, что засиделась, должна куда-то спешить, ехать. И когда наконец отправляюсь в дорогу, чувствую, что это нормальное мое состояние. У меня срабатывает фактор бродячей актерской жизни. Уезжаешь, стремишься ку- да-то, но всегда рада вернуться домой. И вот это ощущение, что дома все хорошо, что у тебя семья и что у тебя за спиной есть человек, который всегда тебе поможет, посочувствует и постарается вывести тебя из тяжелого стрессового состояния, — это самое главное.

Я прожила большую жизнь и всегда следовала своим правилам. Человек не должен делать зло — это моя заповедь. Потому что зло — это бумеранг. Совершаешь недоброе, и потом оно обязательно тебя же ударит. Обязательно!

Недавно я была в Белоруссии, в городе Гродно, и оттуда мы отправились в районный центр на концерт. А было это в

Прощеное воскресенье. Прекрасный день. Освещенная солнцем, на дороге стояла сельская церковь — светлая, чистенькая, и мы решили остановиться.

Я вошла в храм. Пел сельский хор. Прихожане были удивительно опрятно одеты, с просветленными лицами, и батюшка такой… домашний, как будто светился изнутри добротой.

В этот день люди прощают друг друга и вспоминают тех, кто причинил им зло. И я вдруг вспомнила всех, кто обидел меня, причинил зло умышленно или неумышленно, где-то в сердце у меня осталась от них зазубринка. Мысленно они прошли передо мной, и я их всех простила. Мне стало так легко — это светлое состояние души. Я поняла, какое великое чувство — прощать.

Но тут же я подумала: может, и меня в этот светлый праздник кто-нибудь простил? Я никогда никому сознательно не делала зла. Но ведь все мы не без греха. Может, кто-то обиделся, что я была невнимательна или что-нибудь сказала «ради красного словца»? Простите! Меня часто спрашивают, какой у меня секрет, как мне удается хорошо «иногда» выглядеть. Я скажу, что этот секрет внутри каждого из нас. Это доброжелательность, надежда, любопытство и откровенность души. Вот и всё!

Нет, не всё! Я сожалею, что подчас мало уделяла внимания своим родным. Виновата ли я в этом? Да, но во многом виновата и моя профессия. Я очень люблю свою дочь Оксану, своего внука Сашу и своего мужа. Я бесконечно благодарна им за понимание и терпение.

Простите и вы меня!

Лучко Клара Степановна Я — счастливый человек

РЕДАКТОР В. П. Кочетов МЛ РЕДАКТОР Д. З. Хасанова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР С.А. Виноградова ТЕХНОЛОГ С. С. Басипова

ОПЕРАТОР КОМПЬЮТЕРНОЙ ВЕРСТКИ М. Е. Басипова

ОПЕРАТОР КОМПЬЮТЕРНОЙ ВЕРСТКИ ОБЛОЖКИ И БЛОКА ИЛЛЮСТРАЦИЙ П. В. Мурзин

КОРРЕКТОРЫ Г. В. Заславская, Л. М. Кочетова

Подписано в печать 15.11.2005 Формат 60x90/16 Тираж 5 000 экз.

Заказ № 6447

ЗАО «Вагриус» 107150, Москва, ул. Ивантеевская, д. 4, корп. 1.

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати» 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.